

ОТДѢЛЪ II.

Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ концѣ прошлаго года я сталъ просматривать Архивъ Г. Общ., дабы воспользоваться для Живой Старины старыми этнографическими матеріалами. Бумаги нашего Архива каталогизованы по губерніямъ. Я рѣшилъ начать пересмотръ съ сѣвера Европейской Россіи. Благодаря или совершенному отсутствію дворянскаго землевладѣнія или относительно малому числу дворянъ и чиновниковъ, послѣднихъ благодаря громаднымъ разстояніямъ, бездорожью и слабой заботливости высшей администраціи, въ теченіе многихъ десятилѣтій, о нашемъ запущенномъ сѣверѣ, здѣсь крестьянское населеніе сохранило наиболѣе старинныя и самобытныя цѣльности, наименѣе приниженное, всегда пользовалось наибольшею свободою и самоуправленіемъ.

Началь я мой обзоръ рукописей о сѣверныхъ губерніяхъ съ Вологодской, какъсь, чисто по особенному къ ней, непобѣдимому разсудкомъ, чувству привязанности и страстию, какъ родинѣ моего отца, дѣда и прадѣдовъ и слѣдовательно, хотя и заочно только знакомой, но съ дѣтства, всякому дорогой прародинѣ своей.

Изъ вологодскихъ матеріаловъ по этнографіи самыми лучшими оказались сообщенія членовъ-сотрудниковъ Общества Н. А. Иванецкаго и Н. Г. Ордина. Сообщенія перваго, долго Отдѣленіемъ не издаваемые, вошли наконецъ въ прекрасный Сборникъ «Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи», напечатанныя въ Трудахъ Этнографическаго Отдѣленія И. М. Общ. Люб. естествозн. 1890 г. Между болѣе или менѣе обширными и интересными рукописями Н. Г. Ордина, сколько извѣстно, еще не обнародованными, особеннаго вниманія заслуживаетъ доставленная въ Общество въ 1883 г. статья подъ заглавіемъ «Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда». Вотъ небольшое введеніе автора:

«При поверхностномъ наблюденіи легко можно прийти къ заключенію, что въ свадебной обрядности пригородныхъ крестьянъ Сольвычегодскаго уѣзда преобладаетъ заносный элементъ, но это не вполнѣ вѣрно. Въ свадебныхъ пѣсняхъ дѣйствительно есть заимствованія, есть и чисто мѣстные, хотя ихъ и немного. Въ обрядовой сторонѣ, въ обстановкѣ, въ повѣрьяхъ, суевѣрьяхъ, наговорахъ и т. п. есть не мало самобытнаго, мѣстнаго. Въ настоящіе очерки войдутъ оба элемента — мѣстный и заносный — и читателю легко будетъ отличить заносное отъ мѣстнаго.

«Намъ брѣваясь представить въ своихъ очеркахъ полную картину нѣстной крестьянской свадьбы со всѣми обрядами, обычаями, пѣснями, причитаціями, приговорами, отговорами, наговорами и т. п., я начну съ сватовства».

Въ слѣдъ за тѣмъ авторъ и начинаетъ свой первый очеркъ: сватовство. Обладая несомнѣннымъ художественнымъ дарованіемъ, авторъ прибѣгъ къ необыкновенному въ такихъ описаніяхъ приему. Онъ прямо вводитъ насъ внутрь крестьянской семьи и живо, мастерски знакомитъ съ отцемъ и матерью будущаго жениха, единственнаго ихъ сына, наконецъ съ самимъ женихомъ, судьба котораго спльно заинтересовываетъ читателя. Передъ нами являются живыя, дѣйствительныя лица, простые, суровыя, полныя предразсудковъ и грубыхъ привычекъ, но честныя и цѣльные люди, привлекательныя своими здоровымъ умомъ, добрымъ сердцемъ и крѣпкою волею. Далѣе авторъ знакомитъ насъ не только съ обрядами и обычаями сватовства и другихъ актовъ сѣверно-русской свадьбы, но и съ внутреннею жизнью, умственнымъ и нравственнымъ обликомъ, съ настоящею живою рѣчью и съ характерами крестьянъ Сольвычегодскихъ, постепенно развертываетъ передъ глазами читателя стародавній свадебный ритуалъ съ жнидами, прямо выхваченными изъ дѣйствительности, лицами, играющими ту или другую роль въ этомъ ритуалѣ. Передъ нами выступаютъ двѣ полныя комизма деревенскія свахи-вдовнцы, отецъ, мать невѣсты, сама невѣста, уже знакомая намъ изъ бесѣды жениха съ его отцемъ и матерью, живой, расторопный и рѣчистый дружокъ, наконецъ передъ нами развертывается цѣлое драматическое представленіе въ нѣсколько актовъ съ обширною сценою, съ перешнкою мѣстъ дѣйствія, въ домахъ, передъ домою невѣсты, на дорогѣ (повѣзда), съ чередованіемъ монологовъ, діалоговъ и хоровъ, съ пѣніемъ и пляскою, съ элементами эпическими, лирическими и драматическими, причемъ высоколирическіе и драматическіе моменты изрѣдка смѣняются элементомъ комическимъ. Вообще нельзя не признать, что русская свадьба была яв екіемъ всенароднымъ не только до к. XVII в., еще въ XVIII в. не только въ семьяхъ купеческихъ и подьяческихъ, но и въ значительной части дворянскихъ семей внутри Россіи праздновалась по старинѣ, и этому свадебному чину нельзя отказать въ характерѣ глубоко-поэтическомъ и высокохудожественномъ. Тѣмъ же характеромъ запечатлѣны были и другіе важныя акты семейной русской жизни отъ колыбели до могилы. Пусть было много грубаго, жестокаго и суроваго въ этомъ бытѣ, но — таковъ уже родъ людской, — и въ этомъ быту было не мало доброй, честной простоты, глубины и нѣжности чувства, высокаго героизма и самопожертвованія, и русская жизнь древняя и старая была озарена и согрѣта чистою поэзіею, проникнута художественнымъ духомъ. Правда она была исполнена суевѣрія, но и суевѣрье, по вѣрному замѣчанью Геге, есть поэзія повседневной жизни. Народный языкъ и народная словесность, памятники древней и старинной нашей архитектуры, музыки, даже живописи (хотя въ гораздо меньшей степени) живо говорятъ намъ, какъ много было въ древней и старой Руси истинно художественнаго творчества, глубокой и разнообразной поэзіи. На романо-германскомъ западѣ рѣзкое бытовое раздѣленіе народовъ на различныя сословія и классы произошло гораздо раньше, чѣмъ у насъ; раньше, чѣмъ у насъ стала скудѣть и падать народная устная словесность и раньше явилась поэзія личная, письменная, но если она дала и въ средніе вѣка и въ новое время великихъ поэтовъ и высокія поэтическія созданія, то главною причиною тутъ было не болѣе раннее и рѣзкое раздѣленіе романо-германскихъ народовъ на сословія и классы, а сохраненіе народами въ своемъ языкѣ, бытѣ и устной словесности богатыхъ поэзіи и художественнаго творчества. Славянскіе же языки, а въ ихъ числѣ и русскій, устная словесность и бытъ народовъ славянскихъ, русскаго между прочимъ, въ отношеніи поэтическаго разнообразія и художественнаго творчества яи мало не уступаютъ ни романскимъ, ни германскимъ языкамъ и народамъ. Главное же видимое и нѣмъ бросающееся въ глаза различіе нашего славянскаго міра отъ романо-германскаго заключается въ богатствѣ запада и въ бѣдности нашего востока капиталами и культурою; она же — также въ своемъ родѣ капиталъ — вѣками накопленный умственный трудъ прежнихъ поколѣній. Но не забудемъ, что лѣтъ 600—700 назадъ романо-германскій міръ былъ также бѣденъ и

искусствами и культурами не только сравнительно съ древнею Греціею и Римомъ, но и съ Египтомъ и другими древними государствами Востока.

Переходя снова къ статьѣ достопочтеннаго члена-сотрудника Н. Г. Ордина, можно безошибочно кажется замѣтить, что въ ряду многочисленныхъ описаній великорусскихъ свадебъ—помѣщенныхъ въ трудѣ Терещенна «Бытъ русскаго народа», Пермскомъ Сборникѣ, въ другихъ провинціальныхъ сборникахъ и въ разныхъ памятныхъ книжкахъ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ прежнихъ издавіяхъ И. Р. Г. Общ., между прочимъ и въ Живой Старинѣ—нижеслѣдующая статья г. Ордина принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ родѣ.

О ЧЕРКЪ I.

Сватовство.

Вечеръ. На дворѣ стучитъ морозъ. Посреди крестьянской избы ярже горитъ лучина. У лучины, на толстомъ обручкѣ сидитъ еще крѣпкій старикъ и чинитъ старый сапогъ. У входныхъ дверей, на голбцѣ, сидитъ старуха за прилкой, дремлетъ и, по временамъ, всхрапываетъ. Вдругъ, какъ изъ пушки выпалитъ,—стукнулъ заходящій морозъ. Только что всхрапывавшая старуха, съ испугу, полетѣла было съ голбца; но, къ счастью, схватилась руками за полаты, повисла минутой на рукахъ и епустаилась на полъ... Старикъ флегматически повернулъ голову къ старухѣ и сказалъ: «жъ ты свеела не легкая, ажно меня спужала! Не бошь и теперь будешь баять, штѣ вадремалось?»

— Я малехонько, Степанымъ.

— Малехонько, а носомъ гудеть, штѣ твоя заспанная мельничка.

— Ну, Степанымъ, штѣ еще здумаешь, твоя баба стала мельничей, на шестой десятокъ человѣкомъ слывучи!

— А во какі! мельничка безустанно мелеть, сколько не подсыпай, ты тоже бошь устали болтаешь, штѣ бы не пошло на твой языкъ, отъ того-то и выходитъ на-стоящая мельничка.

Баба вздохнула, не нашлась, что отвѣчать и ползала снова на голбца, а мужъ принялся опять за сапогъ.

Наступила пауза, которая впрочемъ скоро была прервана старухой, едва снова не сорвавшейся съ голбца, но въ вліяніемъ дремоты.

— Господи, Іисусе Христе, штѣ это опять было обнесло,—ворчала старуха.

— Баба, ты штѣ разлеталась, али молодня крылья пробуешь? — трунилъ старикъ.

— По неводи полетнись, коли голову обнеситъ, да серьчо шшемнть!

— О чѣмъ это у ты, примѣромъ будучи сказать, серьчо-то шшемнть?

— Сама не снаю, Степанымъ, жизни ни рада, ни вись куда-бы дѣвалась, а серьчо чуетъ не ладное!

— Ну, баба, — сказалъ старикъ шутливо, — если не будетъ легче, то тебя испортили

— И сама знаю, Степанымъ, штѣ тосковать не чѣмъ, слава тѣ Господи, хлѣбъ-соль ешь, за штини къ сусиду не ходимъ, да совладать не смогу съ собой!

Старикъ омякнулъ и сказалъ съ сердцемъ:

— Тфу ты, дурная, у ней только и на умѣ, штѣ въ брюхо лизѣтъ, а достальное

все—плюнь да разотри... Недаромъ въ писаніи сказано, у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ...

— Ну, ужъ и въ писаніи.

— Да, въ писаніи...

— А то какой старый дуракъ съ пьяна сбухалъ...

Старикъ захохоталъ и сказалъ шутливо:

— Лучше-бы ты дѣло свѣкала, а то сидитъ на голбчѣ, да носомъ ершей ловить.

— Врешь, знамо дѣло, рыба, ни нечисть какая, о какомъ-же задилѣ говорить-то, сердешный?

— А Петрованъ-отъ ви задиле, надо и объ ѣмъ подумать.

— О какомъ Петрованъ?

— Какъ о какомъ, а у тебя парня-то не Петрухой штѣ-ли зовуть, ну, баба, ты совсѣмъ здурела, коли не врешь, то правда, его звань или вовсе очумѣла.

— Какъ не знать своего голубчика,—сказала старуха.

— Ну, коли знашь, такъ и дожькай дѣло. Домъкаешь-ли, штѣ Петрованъ-отъ у насъ сажень безъ шти верховъ!

— Нечего сказать, ве обидѣлъ Господь Богъ ни ростомъ, ни дородствомъ.

— Топерь домъкнула?

— Домъкнуть-то домъкнула, только не втолковалась, родимый.

— Эхъ ты, баба, езвый лобъ!—вскричалъ громно Яковъ Степановичъ.

Старуха испуганно повернулась на мѣстѣ и поспѣшила сказать:

— Чуетъ мое сердечко, штѣ въ другорѣтъ напрокурдилъ молодякъ.

— Нехота напрокурдишь, коли своей бабы нѣтъ.

— Домъкнулась, домъкнулась, батюшко Яковъ Степановичъ, домъкнулась, родимый,—затараторила старуха и начала проворно слѣзать съ голбца.

— Слава тѣ Господи, растреслась таки,—сказалъ старикъ.

Между тѣмъ, старуха подошла къ мужу, стала возлѣ него. Глаза ея блистали радостью, на морщинистыхъ губахъ играла улыбка.

— Штѣ заушмылялась, ай любо?

— Какъ не любо, Степановичъ! какъ не любо, родимый, кто своему дѣтишшу воровъ? кто не пожезаетъ кровному добра и благодати...

— Ну ужъ съ благодатью-то потише: неровень часъ, а то отъ вашей сестры такую благодать получишь, штѣ упаси Господи...

— Все-же слѣдствуетъ законъ христіанскій соблюсти, родное чадо подѣ златъ вѣнечъ поставитъ...

— Знамо дѣло надо, такъ нечего ушмылятьча-то, а надо въ доброй, во благой часъ, съ Богомъ, да со Христомъ дѣло зачинать.

— Я-бы давно зачала, да...

— Да штѣжь?

— Товарчу подходящаго подѣ рукой нѣтути.

— Какъ нѣтъ?

— Нѣтути, нѣтути, батюшко, и ни чуть близко.

— А у Ваньки Хрѣна?

— Дѣвка приглядна, да дородства вѣтъ, на горочку смыхиваетъ, плохая будѣтъ мужу работнича.

— А, у Ваньки Губы?

— Дородство есь, дѣвка слонъ слоношь, да приглядства нѣтъ.

— Вишь какая разборчива, будто горочкая бара...

— Какъ, батюшко, Яковъ Степановичъ, не порадишь кровному соколику!..

— Рази, при дородствѣ, красота бѣльмо въ глазу? Ну, у Миколки золотара...

— У Миколки дѣвка стучитъ какъ слѣдъ, дивно и приглядство есь, да дородства нѣтъ.

— Глазница-то у тебя, баба, поноская: тебѣ всё мало, тебѣ все подай, все выложи.

— А, Петровна-то у насъ рази отъ Бога чѣмъ обойденъ, отъ людей осрамленъ?

— Такъ-то такъ, да гдѣ дѣвку такую возьмешь?

— Такому парню, какъ Петровна-отъ, найдется, можно въ дальнія спосылать.

— Въ дальнія, такъ въ дальнія, тогда надоть круто; а то парень совсѣмъ избалуетца, у него ростъ-отъ великъ, а умъ-отъ коротокъ ошно...

Сквозь зубы робко старуха сказала:

— Поспрашать-бы!

Старикъ отложилъ въ сторону сапогъ, поднялъ голову, посмотрѣлъ пристально на старуху и спросилъ:

— О чомъ спросать-то?

— Да объ невѣстѣ.

— У кого?

— У Петруши.

Старикъ всталъ, брови его сдвинулись, и онъ спросилъ сурово:

— Въ умѣ-ли ты, старуха?

— Коли-бъ не въ умѣ была, то не радила-бы о дѣтишѣхъ,—отвѣчала старуха, трясась, какъ въ лихорадѣхъ.

— Ты радить-то радій, да ухо держи востро, языку лишней воли не давай!

— Вѣтъ онъ у насъ одинъ одиношенекъ, какъ снѣ порохъ въ глазу... — и слезы навернулись на глазахъ старухи.

— Такъ штѣ-жъ, штѣ одинъ?

Наступила пауза, которую старикъ прервалъ вопросомъ:

— А тебя спрашали, какъ давали за меня?

— Нѣтъ!

— Меня также не спрашали.

— На то была воля родительская, упокой Господи ихъ души...

— А, Петруха штѣ? Онъ рази вонъ изъ воли родительскіе?

— Борони Богъ, Степанчычъ.

— А многоль годовъ какъ мы вѣчѣлись?

— Двадцать пятой пошелъ.

— Худо жили?

— Оборони мать Пресвятая Богородича, люди завидывали нашему житью.

— А перво мы знамяе были?

— Гдѣ тамъ знамяе!

— Ну, штѣ-жъ спросать-то?

— Не сгубить-бы единова дѣтишца,—проговорила опять робко старуха.

— Чирей тѣ на языкъ! Рази мы не сжились—не слюбились?

— Какъ не сжились не слюбились, да мы люди досельныя, нонѣ совсѣмъ не то штѣ было преже, нонѣ спросать лучше!

— Ахъ ты, клюка старая, чертово кадило!—закричалъ старикъ и занесъ кулакъ.

Старуху на мгновение задрло за живое. Она выпрямилась и, смотря смѣло въ глаза мужу, сказала:

— Бей, Степанчычъ! коли есь охота; а я, родно дѣтишце жалѣючи,— все буду бавть, штѣ лучше спросать...

Старикъ пронизалъ глазами жену и сказалъ:

— Тфу ты, океанная! Двадцетъ годовъ не бивалъ и теперъ не охота марать рукъ! Убирайся!

Старуха низко поклонилась мужу и сказала:

— Спасибо и на томъ, родименькой, штѣ пожалѣлъ свою старуху,— видно не совсѣмъ еншѣ супротивила!

Старикъ видимо смягчился и сказалъ болѣе вротко:

— Коли кому такая судьба, то спрашай не спрашай, а она свое велит! Спрощай сама, стара клякса, коли есь охота; а мнѣ объ этомъ ни гу-гу!..

Старуха бухнула въ ноги мужу и начала причитать:

— Отецъ ты нашъ, кормилецъ, благодѣтель ты родной!

Въ эту минуту дверь открылась и въ комнату вошелъ, отряхивая шиню, высокій, стройный и красивый парня. Старикъ спохватываясь дотронулся. Старуха, какъ могла, преворно вскочила на ноги и, ни съ того ни съ сего, начала поднимать мужа широкимъ, будто подняла его на полу. Старикъ ватывалъ во избежаніе для ноги двѣмъ котельмъ поправить на головѣ жонны сдѣришку и сблизъ ее совсѣмъ на бокъ.

Петръ сейчасъ-же подвинулъ замишательство своихъ родителей, и отсталъ раздѣваться, какъ будто ничего не видалъ. Раздѣвшись, онъ бережливо спряталъ въ карманъ свое платье и сѣлъ къ столу. Петръ инстинктивно догадался, что произошло между отцомъ и матерью: — Обо мнѣ судили старикъ, подумалъ онъ, и сердце его сильно забилось.. Мать подошла и сѣла на другомъ концѣ стола. Старикъ принялся убирать свои инструменты. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, наконецъ мать заговорила:

— Гдѣ побывалъ, Петруня?

— Къ ребятамъ ходилъ.

— Не къ подружкамъ-ли, — всервулъ отецъ.

— Не лажся, старикъ: заѣлъ ты парня, совсѣмъ заѣлъ, — оборвала мать.

— А дж-чь не жоннишь его? Жонн, такъ не буду лажти, — бухнула съ плеча старинь.

Отъ словъ старика, старухѣ стало какъ-то неловко, и она завертѣлась на лавкѣ.

Петръ же покраснѣлъ до ушей, — у него сперлось въ груди дыханіе, потупившись, онъ сѣдѣлъ, какъ океанѣмъ.

— Какъ есь, обо мнѣ судили, — думалъ онъ.

— Штѣ закусила языкъ-то, ай не любимое слово, — продолжалъ старикъ.

— Мнѣ-то больно любо, Степаньчъ, а любо-ли Петрунѣ, не вѣдаю.

— А вотъ доваждаетъ, — продолжалъ старикъ.

— Неча доваживать-то: не приставъ какой. Онъ самъ можетъ сказать, — вившавъ мать и обратясь къ сыну, спросила:

— Петруня, а Петруня, любо тебѣ отчеськое слово, али нѣтъ?

— Коли тебѣ любо, мати любимая, то и мнѣ любо, горемыннику.

— Стой, шалишь, паря! Отчево это ты горемынникомъ сталъ, а?

Петръ спохватился въ свою очередь и не нашелся что отвѣчать.

— Штѣ-жъ молчишь? говори!

Петръ продолжалъ молчать, у него только слезы навернулись на глазахъ.

— Али онѣмѣлъ, ай стыдъ, передъ отчемъ, ротъ разинуть? Вотъ онъ, а! Вай, коли нѣтъ стыда, чѣмъ ты обижонъ, отчево горемынникомъ сталъ? Чѣво не хватаетъ тѣ? — у старика вырвался воскромтъ:

Облочки-ли какой,
Тонкой праздничной?
Ясвѣ-ли какихъ,

Сдобныхъ, медяныхъ?
Пива-ли хмельного?
Вина-ли зеленово?

Говори!

Петръ молчалъ упорно, на лицѣ его выразалось полнѣйшее смущеніе.

— Коли молчишь, не хочешь самъ баять, такъ слушай отча! Онъ доваждаетъ, чѣво-тѣ не хватаетъ! Не хватаетъ-тѣ подружки дорогой, жонны молодой, и а тѣ ее дамъ, — продолжалъ старикъ.

— Батюшко! — престонаялъ Петръ, поникъ на столъ головою и зарыдалъ.

Брови старика сдвинулись, онъ подошелъ къ сыну, потрясъ, слегка, его за плечо и сказалъ, но такъ сказалъ, что въ словахъ звучали и осмербленное самолюбіе и строгость и теплая любовь къ сыну:

— Батюшко! Доживаю я это, батюшко. Говори, давно завела сударку?

Петръ всталъ и сказалъ съ достоинствомъ:

— Не сударка она моя, батюшко, а возлюбленная.

— Возлюбленная, а какъ-же ты могъ возлюбить-то безъ воли отчужденной? — спросилъ грозно старикъ.

Петръ упалъ на колѣни и сказалъ съ глубокой покорностью:

— Прости, родимый, сердце не спрашалось у меня!

Мать, слѣдившая все время съ напряженнымъ вниманіемъ за сномъ и мужемъ, подошла къ нимъ, стала гладить одной рукой сына по головѣ, а другой мужа по плечу, приговаривая:

— Штѣ это вы, родимые мои? Петруня, перестань! Степанъ, сердешный, задумна желанная, не рази сына, пощипуй!..

— Пощипуй, родимый,—простоналъ Петръ, цѣлуя руки отца.

Старикъ не выдержалъ... Крупная слеза скатилась на его щеку... Онъ проворно отеръ ее, вырвалъ у сына свою руку, отстранилъ слегка жену и отошелъ отъ нихъ, борючись: «Не рази! Не жалѣй! Сердце самово не спрашалось! Лѣшие вы естакіе!..» Петръ было пошелъ на колѣняхъ за отцомъ; но тотъ быстро повернулся и сказалъ:

— Петрованъ, это чево? Встань!—Сынъ повиновался. Отецъ пристально не смотрѣлъ на Петра. Въ глазахъ его искрой блеснула ивѣжливая любовь къ сыну, и онъ живо спросилъ:

— А, гдѣ ты поддѣлъ свою возлюбленную-то?

Петръ подвѣтилъ блеснувшую, еще такъ недавно, въ глазахъ отца искру, поэтому отвѣчалъ смѣло:

— У Ваньки Хриѣ.

— Таню-то? спросилъ съ изумленіемъ отецъ.—Варышню-то? Селимовну-то? Да она подъ споломъ передѣлвчтал!..

Петръ выпрямился во весь ростъ, тряхнулъ русыми кудрями, засучилъ, по локотъ, могучую руку, протянулъ ее передъ матерью и сказалъ съ гордостью:

— Смотри, маги, на пятерыхъ хватить! Я за Таню поработаю!

Старикъ внутренне любовался на своего богатыря сыночка; но его тѣшило сознаніе своей власти надъ нимъ, и онъ, притворно вскипятившись, поддалъ кулакъ и сказалъ:

— Кажется я поработаю надъ тобой, вотъ отнимъ, своевольникъ ты еванкой!

— Вей, батюшко, учи уму разуму, аль тиранъ и дарма, только не губи буйной головушки: не жить мнѣ безъ Тани!

— Отступись ты отъ снѣжки:—кране найдемъ,—вытѣшалась мать.

— Грушна у Васьки Губы, во какой слонъ дѣвка,—добавилъ отецъ.

— Лучше голову снимите, родимые!—отвѣтилъ грустно Петръ и неинкъ головой.

— Голову снимите! Палачи штоль какіе тѣ отецъ да мать?—ворчалъ старикъ.

— Коли не хотите казнить, дайте жить, благословите Таню брать,—проговорилъ Петръ, поднимая голову.

— Далась тѣ эта поджарая Таня!—началъ было отецъ; но сынъ прервалъ его, сказавъ:

— Таперь-то ты, батюшко, такъ баишь, а какъ узнашь ее, то и души въ ней не зачашешь и людямъ не нахвалишиша.

— Ну, Петрованъ, видно судьба повелѣла: не устоялъ я, старый дуракъ, супротивъ тѣ! Промышляй сватовъ,—сказалъ вволнованнымъ голосомъ старикъ.

— Батюшко родимый! едва могъ пронаести отъ сльзнаго волненія Петръ и обнялъ своими могучими руками отца; началъ цѣловать его въ глаза, въ губы, въ щеки.

— Задумилъ, медвѣдь! Сказалъ тебѣ, промышляй сватовъ, такъ и промышляй. Маршь! шутилъ отецъ, освобождаясь отъ объятій сына.

Петръ выпустилъ отца изъ объятій и, обратившись къ матери, спросилъ робко: а ты, мати, не перечишь?

— Нѣтъ, Петруня, нѣтъ родимый! отвѣчала мать.

Петръ упалъ на колѣни и, склонившись къ полу, сказалъ:

— Такъ благословите-жъ, родимые!

Отецъ освѣтилъ сына крестнымъ знаменіемъ, мать сдѣлала тоже. Петръ просіялъ, поцѣловалъ руки отца и матери, поднялся на ноги, снялъ съ гвоздя шубу, взялъ шапку, перекрестился и, одѣваясь на ходу, вышелъ изъ избы.

— Съ Богомъ,—сказалъ въ слѣдъ ему отецъ.

— Въ добрый часъ, со Христомъ, добавила мать.

— Ублажилъ таки проныра, проговорилъ отецъ, когда вышелъ Петръ.

— Не Петровнаъ ублажилъ ты, Степаничъ, а Господь тѣ на серъчо положилъ,— подхватила жена.

— А можетъ Господь, сказалъ старикъ и замолчалъ.

Петръ вышелъ на улицу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ правую сторону, посмотрѣлъ на окна одной изъ стоящихъ на противоположной сторонѣ улицы, избъ, заигрывъ еще блестящій въ ней огонекъ, направилъ туда свои шаги. Еще пожалуй можно: огонь горитъ, значить во спать, подумалъ онъ, взвошелъ на крыльцо, снялъ шапку, набожно перекрестился, сказалъ: Благослови Христосъ! и постучалъ, легонько, въ стѣнныя двери.

Черезъ минуту пронзительно заскрипѣли избяныя двери, и женскій голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Хрещенный человекъ, отвѣчалъ весело Петръ.

— А кто хрещенный-то? допрашивалъ голосъ.

— Ай, не узнала, Пантелѣвна, сусида?

— Ахти мнѣ, како затменіе нашло: взаправду вѣтъ не узнала! нищала хитрая баба, при первомъ словѣ узнавшая Петра по голосу и смекнувшая, въ чешь дѣло.

Задвижка отодвинулась, двери отворились, и Петръ вошелъ въ стѣни. Баба широко растворила избяную дверь и сказала:

— Добро жаловать, дорогой гостинекъ!

Петръ согнулся крючкомъ, пролѣзъ въ двери, прошелъ подъ низкими, всегда располагаемыми у входа палатами, выпрямился во весь ростъ, помолился на образа, отвѣсилъ поклонъ другой толстой старухѣ, сидѣвшей за пралкой и спросилъ.

— Живетѣ здорово, чесныя вдовичи?

— Вашими молитвами да Божьей милостью, помаленьку, отвѣчали вдовицы. Пантелѣвна съ лаской положила свою руку на плечо Петра и сказала скороговоркой:

— Сюда на явощку къ столику присядь-ко, соколикъ ясный!

Петръ сѣлъ на указанное мѣсто. Пантелѣвна помѣстилась около него. Петру было какъ-то неловко начинать разговоръ, и онъ молчалъ. Хитрыя бабы, чтобы дать Петру собраться съ духомъ, тоже молчали... Черезъ минуту Пантелѣвна ударила легонько по плечу Петра и сказала:

— Ну, штѣ добрый молодець, висти ли изъ замора принесъ, по дѣлу ли своему либо Госуареву пожаловалъ, али сырыхъ вдовичъ провѣдать?

— По дѣлу, Пантелѣвна, отвѣчалъ, покраснѣвъ по уши, Петръ.

— Гмъ, а какое это дѣло приспѣлось, общественное, аль свое? спросила Пантелѣвна.

— Свое домашнее, отвѣчалъ Петръ.

— Свое домашнее? Не здумалъ ли, соколикъ, гвѣздушко вить? спросила съ хитрой улыбкой Пантелѣвна.

— Нѣ...тъ? какъ-то неловко и смущенно отвѣтилъ Петръ и добавилъ:

— Батюшка и мати прошали побывать...

— Видно противъ воли хотять жонить, подумала Пантелѣвна и спросила: Одну вовуть?

— Вмѣстяхъ съ Панкратьевной.

— А, коуды?

— Счасъ, коли можно.

— Для ча не можно! Панкратьевна, поидемъ?

— Для ча не пойти, коли добрые люди зовуть: отъ нихъ мы хлѣбъ ѣдимъ, отвѣчала Панкратьевна.

— Мы игогъ свернемся, соколикъ, только приоблокѣмся малехонько, сказала Пантелѣевна, обращаясь къ Петру.

Петръ всталъ и сказалъ: милости просимъ!

— Придемъ, безпримѣнно, придемъ, отвѣчали въ одинъ голосъ старухи.

— Затѣмъ прошайте, сказалъ Петръ, повертывая шапку въ рукавъ.

— Куда же евто слѣпшишь, красно солнышко, я хотѣла самоварчикъ доспѣтъ, тараторила развеселившаяся, въ виду поживы, Пантелѣевна.

— Теперича увольте, въ другорѣдъ, коли нибудь! отвѣчалъ Петръ и повернулся къ дверямъ.

— Видать, штѣ ретивое не терпигъ, сказала Панкратьевна и захохотала.

— Полно, Панкратьевна проговорилъ Петръ и, опять согнувшись въ кручекъ, пошелъ изъ избы.—Прощайте, добавилъ онъ, отворяя дверь.

— Прощай, прощай, соколикъ! Мы слѣдомъ приѣдемъ, тараторила Пантелѣевна, провожая Петра и свѣта ему лучиной. Заперлась за ушедшимъ свѣнная дверь, и возвратившаяся въ избу Пантелѣевна ведело сказала:

— Ну, кума, оболокайся скорая: Господь наживу посылаетъ!

— А, чѣмъ знать, можегъ быть и не наживу?

— Какъ не наживу? Зачѣмъ старымъ чертямъ прошать насъ, колибъ не задумали скрутить евтово лоботряса Петруху?

— Хоша и такъ, но отъ евтихъ скаредовъ непорато поживишься, сказала Панкратьевна.

— Коли будутъ скаредничать, то мы и въ сторону, сказала Пантелѣевна.

— Тогда Васька Косолапый да Ванька хромой,—за полштофа на рыло высватають евтигъ гадинамъ, тодьки бы брюхо водишкой налить, сказала Панкратьевна.

— Шалишь, кума, не ладно ричъ повела. Видно дѣло трудновато, не умѣ Васьки косолапово да Ваньки хромово; а то скареды къ нимъ—бы спосылали.

— Пожалуй, штѣ и такъ! Видать, надуть оболокаться!

— Оболокайся, кума, скорешенько, и я буду.

Объ стали одѣваться.

— Кума, какъ иѣкаешь? Кулы насъ спосылать стануть?—спросила Пантелѣевна.

— Думала я, кума, да ничаво не придумала: близко Петрухѣ нѣтъ пары.

— Я тоже иѣкаю, вѣдь Петруха, почитай, первой женихъ по обчеству: всѣмъ вышелъ и ростомъ и дородствомъ и приглядствомъ, да и мошна ве пустая.

— Такъ, кума, такъ!

— Видать, вдали запримитили богатенькую.

— А, можегъ въ городѣ, аль въ другой волости,—сказала Панкратьевна.

— Парень-то пеньтюхъ какой: лишняво слова не вымолвить, штѣбъ не сказать, какая краля полюбилась?—продолжала Пантелѣевна.

— Такая дубина и есь: молотомъ бей, ничаво не выбьешь,—сказала Панкратьевна.

— Я готова кума!

— И я!

— Такъ побѣжимъ, благословась?

— Побѣжимъ.

— Благослови Христось!—сказали объ, перекрестились и вышли.

Въ избѣ Якова Степановича Некрасова былъ уже вынетенъ полъ, поставленъ самоваръ, убрана лучина и, вмѣсто нея, на столѣ горѣла сальная свѣчка, въ деревяномъ подсвѣчникѣ. Старуха со старикомъ приодѣлась. Петръ надѣлъ чистую кумачевую рубаху, причесался и сѣлъ къ столу. Старуха не отходила отъ окна, съ той

стороны, откуда должны были показаться свахи. Заслышавъ шаги идущихъ людей, она проворно подошла къ двери, и стала крестить, шепчущимъ:

Съ Богомъ подходите!
Со Христомъ входите!
Младу княгиню приведите
Доброму молодцу

Князю молодому!
Добротъ, счастья и надеждъ,
Вѣдой, горей и обидъ!

Кончивъ нашептывать, старуха подошла къ столу, сняла пальцами шагаръ, подала самоваръ и сѣла у печки.

— Баба, ты ште тамъ стирала?—спросилъ старикъ.

— Ничего, Яковъ Степанычъ! Ничего, сердешный: у насъ своя бабья стирани.

— Смотри, я чертовщины не потерплю; а отъ твоей стирани такъ и падаютъ лѣшаконъ,—сказалъ старикъ.

— Штѣй-то, это, ты, Степанычъ? Избавь меня мати Пресвятая Богородица отъ евкаво великово грѣха! Я все роблю, благословесь, съ Вожимъ да со Христовымъ ижевѣмъ.

— Врешь, старая кляука!—княтился старикъ.

— Покарай меня мати Пресвятая Богородица! Порази Антипа зубной, жой я вру.

— А ну, говори, ште пухтала ¹⁾? спросилъ маловѣрный старикъ.

Старуха бойко и смѣло прочтала въ слухъ уже извѣстный намъ наговоръ.

Старикъ прослушалъ съ большимъ вниманіемъ старуху и сказалъ:

— Ну, тутъ нечисти нѣтъ! Смотрия баба, штѣбы и напередъ не былі!

— Не будетъ, Степанычъ, не будетъ, родимый! Вѣрно слово, не будетъ!—бормотала старуха.

Дверь отворилась, и вошли свахи. Онѣ помолились образамъ, отвѣсиль всѣмъ по низкому поклону и сказали на распѣвъ:

Слава сему дому благодатному
Хозенну ево тороватому!
Злато серебро,
Тебѣ князь молодой!
Златъ вѣвечъ,

Съ княгиней молодой.
Доброй хозяйки,
Князя матушки
Красный зеленый виноградъ!

Старикъ отвѣчалъ за всѣхъ:

— Спасибо на добротъ словъ, на желаніи, желаніи гости.

— А, не супротивные?—спросили свахи.

Старуха поспѣшила отвѣчать:

Какъ хлѣбъ желаніи,
Какъ вино лакомые,
Какъ вино вкусные!

— Благодарствуемъ на привѣтъ, на рѣни душевной!

— Гдѣ мы гости желаніи, гости лакомые, пріятные, тамъ серъчо наше, тамъ умъ нашъ работникъ, смѣтка слуга,—отвѣчали свахи.

— Евкакихъ гостей, отвѣчала старуха:

Мы шелкомъ, бархатомъ даримъ,
Зеленымъ виномъ поимъ!

¹⁾ Шептать, наговаривать что либо таинственное.

— Проще жаловаться на первом месте, во святых уголъ. — Слова переговорили глазами, раздѣляя, оправдываясь; важно прошли и сѣли за столъ; — какъ-то особенно заужинались и старались принять глубокомысленный видъ.

Между тѣмъ, старуха стала ставить на столъ чайный приборъ и положила связку сухихъ. Петръ поднималъ, какъ перышко, ведерный самоваръ и поставила его на столъ. Скоро въ каѣвъ все смолкло, в слышалось только одна, громкая, вытягиваніе горячаго чаю въ ротъ... Пили, пили свахи и заутирались, пили, пили старикъ со старухой и тоже заутирались; — вотъ и Петръ промалъ могучей рукой по раскрасѣвшемуся лицу и сказалъ:

— Шабашъ!

— И я смѣть, — проговорилъ старикъ.

— А я съ гостями ошно видѣю по чашечкѣ, — затрещала старуха.

— Пейте да доброе амерода, — отвѣчалъ старикъ, отходя отъ стола.

— Штѣй-то, авто ты Иваѡовна? Мы вочемно довольны!

— Полноте, сердешныя: чай не вино, отъ чего на охцѣдѣтѣй.

— Такъ-то такъ, да все-же довольно-бы, — жеманились свахи.

— Душа жѣру знаетъ! Кушайте во здравье! — сказала старуха, подвигая свахамъ чашки. Свахи выпили. Старуха проворно палила другія. Свахи пожеманились и выпили.

Старику надобно смотрѣть на это чрезмѣрное чаепитіе, и онъ сказалъ:

— Ну, старуха, ты дѣло улаживай, а я маленько прилягу. А вы у меня, сороки шшебетуньи, смотри, штѣбъ во всемъ порядкѣ и приляка была, а то у меня не ровень часъ и на сухомъ съдѣтѣ... Разумѣй дѣло, а лѣзю лѣзней волл не давай.

— Штѣй то, авто ты, Яковъ Степанычъ! впервые какъ, штѣ-ли? — сказала обидчиво Пантелѣвна.

— Впервые, не впервые, а ты, сорока, разумѣй, штѣ мой сынъ не бобыль, а я не лѣдашнѣй!

— Какъ не разумѣть, батюшко, Яковъ Степанычъ!

— Мотри! У мѣня во заправѣ и спасибо, — сказалъ старикъ.

— Штѣ ты, штѣ ты, Христось съ тобой, батюшко, Яковъ Степанычъ, — отвѣчала Пантелѣвна.

— Ну, того-же, пробормоталъ Яковъ и влѣзъ на печь. Петръ последовалъ прижѣру отца и полѣзъ на полати.

— Отдохните, отдохните, родимые: кожды время подойдетъ, мы скажемъ, — пробормотала Прасковья.

— Ладно, робѣте свою дѣля, а воли доспѣветъ, скажите, — отъавался съ печи старикъ.

Вскорѣ на печиъ раздались носовымъ трѣмъ старика, а на полатахъ густою храпѣ Петра. Старухи какъ будто обрадовались втѣмъ звукамъ: онѣ то совѣтовались тиховью, то громко спорили, то разводили руками, жестикулировали и, далеко за полночь, кончили. Хозяйка накрыла бѣлой скатертью столъ, положила на него ковригу хлѣба, поставила на хлѣбъ солонку, а полштофъ съ водкой и рюмку на окно. Затемъ плела передъ образами свѣчу и стала будить.

— Отстанъ баба, дѣшкакъ тѣ побори! — бранился со сна старикъ.

— Ахти, мнѣ не ладно! — воприкнула Панкратѣвна.

— Штѣ не ладно-то? — спросила Пантелѣвна.

— Какъ штѣ? При еваномъ дѣлѣ, дѣшкака номянутъ!

— Нуотое, кума: у меня отговѣчь иштѣвѣча, — отвѣчала Пантелѣвна.

— Такъ читай-же, мати, пока не окрило слово, — сказала хозяйка.

— Сейчасъ, матунна, Прасковья Иваѡовна, сейчасъ, — и Пантелѣвна зачитала:

«Слово, ты, поганое,
Слово бранное,

Ты врахонъ распался!
Ты витромъ разнеслся!

Не вредя дому благодатному,
Ево хозенну тороватому,
Кнезю молодому,
Матушкѣ родной,
Кнежиѣ молодой!
Ты прахомъ распадись, распадись!

Ты витромъ разнесись, разнесись
По дебрямъ, по горамъ,
По крутымъ берегамъ,
По темнымъ борамъ,
По синимъ морямъ». —
Аминь.

Аминь, повторили хозяйка, Панкратьевна и старикъ на печи. Черезъ минуту старикъ слѣзъ съ печки и потеснился... Мать разбудила Петра, и онъ слѣзъ съ палатой. Прасковья поставила на столъ двѣ рюмки, налила водкой и, обратившись къ свахамъ, сказала:

— Выкушайте во здравье, свашеньки просушки!

Свахи взяли по рюмочкѣ и, поклонившись низко Якову, сказали:

— Съ начатиємъ дѣла, князя родной батюшко!

Яковъ поклонился и отвѣчалъ:

Благодарствуемъ ва проздравленіи,
Свашеньки говорливыя,
Разумныя, схвадчвыя (находчвыя)

Голубки сизокрылыя,
Пташечки добровѣщія!

Свахи поклонились Прасковьи и проговорили:

— Съ вачатиємъ дѣла, князя родная матушка!

Прасковья отвѣчала тоже, что и мужъ.

Обратились свахи съ поклономъ къ Петру и сказали—съ начатиємъ дѣла:

Молодечъ удалой
Кнезь молодой!
Тѣ благодать, да миръ,
Да свадебный цѣръ;
Да со княгиней молодой,
Да со чарской красотой!

Да любовь да совѣтъ,
Да на много лѣтъ.
Да злато, сеѣбръ,
Да всякое добро!
Аминь.

Петръ отвѣчалъ тоже, что и отецъ съ матерью. Аминь! произнесъ громко хозяйка. Аминь! повторили присутствующіе и сѣли по лавкамъ. Посадивъ нѣсколько игнатовеній, всѣ встали и помолились образамъ. Свахи сказали: благословите на выходъ.

— Съ Богомъ,—сказалъ старикъ.

— Со Христомъ, добавила мать. Свахи поклонились низко и вышли. Хозяйка стала свѣтить, крестила путь и приговаривала:

Съ Богомъ выходитѣ,
Добрыя вѣсти приносятѣ

Отъ княгини молодой
Съ чарскою красотой!

Въ сѣняхъ свахи наткнулись на обыкновенную деревянную стулу, въ которой толкутъ коноплянное сѣмя, поставленную хозяйкой.

— Штѣ это? На пути ступица стоитъ, видать, перечить хочеть?

Пантелѣевна приторно отвѣтила стулу и проговорила:

— Какъ стулу скоро свернула, такъ-бы у невѣсты отецъ столь скоро съ мѣста свернулся, какъ стула не упиралася, такъ-бы и онъ не упирался.

Когда свахи вышли, хозяйка заперла двери, и всѣ улеглись спать.

Свахи только что вышли за ворота, какъ начали точить свои языки на счетъ Некрасовыхъ. О.ѣ разобрали ихъ по восточкамъ, и особенно возмущало ихъ то, что имъ поднесли только по одной рюмкѣ водки.

— Ишь скареды! Сунули по единой да и языкомъ закусьте заставили, — вни-
тилась толстая Панкратьевна.

— Да и бутылку-то по горлышко налили, а по другой не соблаговолили, ска-
реды, такъ скареды и есь, — продолжала Панкратьевна.

— А самъ-отъ, старшій сынъ, таперича, поди, такъ натянулся, шгѣ свиной р-
хлать, — сказала Пантелѣвна.

— Пожалуй не безъ того, — злобно откликнулась Панкратьевна, и обѣ вошли
въ свою избу.

Раздѣвшись, онѣ не легли спать, а до бѣлы свѣта просудили. прорядили, ста-
раясь предугадать, какіе подарки онѣ получать отъ той и другой стороны. Со-
всѣмъ развѣло. День былъ праздничный... Вотъ въ городѣ загудѣли колокола, при-
зывая народъ къ обѣдѣ. Свахи наши были разодѣты въ пухъ и прахъ... На ихъ
жирныхъ тѣлесахъ красовались пунцовыя штофныя юбки, на головахъ блестяли штыя
золотомъ морхатки ¹⁾. Морхатку покрывали пестрые платки, спускавшіеся ниже ко-
лѣнъ; дешевой парчи коротенькія душегрѣйки окватывали талью; на шеѣ видѣлись
крупныя бусы; башмаки была съ иждными подковками, и онѣ важно расхаживали по
избѣ, постукивая каблуками. У крыльца стояла запряженная въ пошевни бурая ло-
шадка. Свахи вышли и усѣлись въ пошевни. Пантелѣвна взяла въ руки возжи,
хлопнула ими по лошади, и двѣ кумы пустились въ путь. Въ городѣ у Покровской
церкви остановили лошадь. Свахи вышли, отстояли обѣдню, и пустились опять въ
путь; но не долгіи, а въ ту деревню, гдѣ жилъ Ванька Хрѣтъ.

Иванъ Петровичъ Палогодовъ былъ не то, чтобы очень богатый, а зажиточный
крестьянинъ. Онъ, придя отъ обѣдни, сядѣлъ за чаемъ съ семьей. Семья его состояла
изъ жены Татьяны Андреевны, взрослой дочери Тани, подростка Анны и двухъ по-
годовыхъ сыновей.

Свахи подѣхали къ избѣ Ваньки съ той стороны, откуда ихъ нельзя было за-
мѣтить. Онѣ тихонько вошли на крыльцо и въ сѣни и вдругъ широко растворили
избяную дверь. Вошли, оставивъ дверь не запертую. Быстро подошли къ нечѣй,
открыли заслонку, сдвинули тихонько съ мѣста столъ съ самоваромъ, и все это про-
дѣлывали для того, чтобы хозяинъ меньше сопротивлялся и скорѣе на все согласился.

Затѣмъ свахи поклонились иконамъ, поклонились на всѣ четыре стороны, а хо-
зяину отвѣсили поклонъ на особицу и сказали:

— Владогать, всяко добро и здравье Ивану Петровичу, съ праздникомъ!

— Благодарствуемъ, Пантелѣвна, благодарствуемъ, Панкратьевна, отвѣчалъ
хозяинъ.

Свахи поклонились хозяйкѣ и дѣтямъ, проговоривъ:

— Съ праздникомъ, хозяйшеа съ кровными дѣтушками!

— Благодарствуемъ, отозвались всѣ.

— Просимъ покорно къ столу въ нашу куншанью... Жюна, потшуй! Сторонись
маль! сказалъ хозяинъ.

Дѣти дали мѣсто. Свахи помѣстились за столомъ; хозяйка подала имъ по чашкѣ
чаю. Приклебывая чай, Пантелѣвна заговорила:

— Гдѣ былъ у обѣдни, Иванъ Петровичъ?

— Въ селѣ, отвѣчалъ хозяинъ.

— А отецъ Андрей новѣча въ своемъ видѣ?

— Ничево собѣ, отвѣчалъ хозяинъ.

— На лошади вѣзидъ? спросила Панкратьевна.

— Отъ чево и не вѣзидъ, коли у меня ихъ три, сказалъ Иванъ.

— Такъ-съ, протянула Панкратьевна.

— Вы во шгѣ, сороки бѣлобокія, неча окалачивать языкомъ: ибѣаемъ мы, какія

¹⁾ Головной уборъ въ родѣ кокошника.

ташки ¹⁾ задедали въ наши хоромы;— байте-но лутше, отъ како савотство въ подъ-
вѣжжанто?

— Вотъ ужъ ты, Иванъ Петровичъ, и уразумѣлъ! Агъ не саватать, саваторица
Пантелѣевна.

— А зачѣмъ, авто, нѣбу-то выстудили, дверь не затворили? Зачѣмъ печь осту-
дили, заслонну открыли? Чѣмъ столъ помѣшалъ, съ мѣстоа единули? спрашивалъ
хозяинъ.

— Ужъ ты, Иванъ Петровичъ, больно вразумилъ: сейчасъ догадался, а мы
савѣтъ не ради савотства зашли!

— Цоштѣ вратъ-то? сказала хозяйка.

— А, мождатъ и въ гости, Петровичъ, вставила хозяйка.

— И не въ гости, отозвалась Паниратѣевна.

— Тамъ зачѣмъ же васъ принесло!

— А зачѣмъ, штѣ у насъ есь товаръ, а у насъ купечъ, посиѣшила савазать
Пантелѣевна.

При этихъ словахъ хозяйкина дочь Таня, опромѣтѣю высочилась изъ за стола,
отворила западню и юркнула въ голбець..

— Почудила поджарая, сказала отецъ и захохоталъ.

— Ну, ужъ и поджарая! возвращала мать,—а штѣ телгу, коли дѣвка ослѣтъ,
да съ худой личиной?

— У насъ Таня краля, какъ есь краля, такой красоты и въ городу не най-
дешъ, и работаетъ-то, штѣ твоей жарень комитъ.

— Ишь затреничала! Штѣ дочк-то саватаръ, аи отъ слова розвалитча? ворчалъ
отецъ.

— Хоша и не розвалитча; а отъ таково непригодново слова все же стыдъ
дѣвкѣ, сказала мать.

Тутъ виѣшалась Пантелѣевна и сказала:

— Кодибу у тебя, Иванъ Петровичъ, былъ мноуой товаръ, то не нашлось-бы
на него кунча, а то нашелся кунечъ, да ешице во какой!

— Такой, сизой, сухой, немазаный, жареный, непечевый, остритъ дезаинъ.

— Не такой и ве сизой, а богатый, пребогатый, тороватый, претороватый, злата,
серебра, шелку, бархату, уйма ²⁾! Палаты боярськия, удобья князьския, лошадушки
рѣзвыя, веровушки коржельныя, овечья романошькия, синьки коленья, батинько, Иванъ
Петровичъ, трещала Пантелѣевна.

— Вижу, Пантелѣевна, ты вратъ-то не дура: откуда у насъ взялся такой? Изъ
Москвы-ли пожаловалъ, аль изъ Кіева подмятилъ? спросилъ хозяинъ.

— Штѣй-то, авто, ты, Иванъ Петровичъ? Во всю жизнь я во врумьяхъ не бывала,
обжгалась сваха.

— Бадъ, лутше правды не знавала, сострилъ старикъ и коматился со смѣху.

— Я то правды не знавала? вспылела обидчивая Пантелѣевна и вскочила на ноги.

— Штѣ, Пантелѣевна, адъ прямо въ глаза графилъ? продолжалъ шутить Иванъ.

— Не графитъ тѣ въ глаза, Петровичъ: ты ѣзжалъ да не видѣлъ, смотрилъ да
ве запримитилъ, слушалъ да недослужалъ, какъ мой кунечъ передъ тобой становалъ,
умныя рѣчи банвалъ, въ хоровахъ красовался, дѣвоньками величался! Ты самъ имъ
любонался, умныя рѣчавъ дивовался. Во онъ, во мой кунечъ маковъ! сказала Пан-
телѣевна и подперла бока руками.

Иванъ догадался, о комъ идетъ рѣчь, не ради предьячя и обычая еще нежного
покуражился.

— Ктожъ-бы, авто, былъ такой? Право не въ дождѣ! бормоталъ онъ, почесываясь.

¹⁾ По мѣстному выраженію: «ташки», «ташицы».

²⁾ Очень много.

— Ужъ не въ доめкъ-ли, батюшко Иванъ Петровичъ? Поди, самъ давно домекнулъ, штѣ окроми Петрухи кулика, въ волости нѣкому быть такимъ красавцемъ—удалымъ, сказала Панкратѣвна.

— Такъ вотъ съ коей стороны прилетѣли пташки? протянулъ Иванъ и сдѣлалъ видъ, что задумался.. Наступила пауза.

— Милости намъ штѣль сождать, аль оглобли поворачивать? — спросила Пантелѣвна.

— Для меня всё едино, штѣ сами знаете, спрошайте мати!—отвѣчалъ Иванъ.

— По моему, Иванъ Петровичъ, сказали: наши гости, просимъ жаловать, да и въ сторону, Петруня какъ есь женихъ подходящій.

— Инъ быть по твоему! сказалъ отецъ.

Въ эту минуту легкій крикъ раздался въ голбцѣ. Старикъ топнулъ въ полъ ногою и крикнулъ:

— Цыцъ, гадина подпольная! Твоимъ ричамъ тутъ нетути мѣста! Докелеча я живъ, нѣтъ тутотка ничѣй волц, окромя моей! кипятился онъ.

Въ просотѣ душевной онъ и не подозрѣвалъ, что дочь его вскрикнула не отъ горя, а отъ прилива радости. Взобравшись на лѣстницу, ведущую изъ голбца, она слышала все, что говорилось въ избѣ и не выдержала, услыхавъ сообразное съ ея желаніями рѣшеніе отца. Приди этому отцу, такому-же самодуру въ семейныхъ дѣлахъ, какъ и большинство мѣстныхъ крестьянъ,—на мысль, что дочь его радуется, а не печалится, онъ грубо выгналъ бы вонъ свахъ и задалъ бы потасовку матери за то, что не усмотрѣла за дочерью, а послѣдней за то, что смѣла полюбить безъ его вѣдома. Кромѣ того, онъ, до конца жизни, мучилъ-бы обѣихъ упреками.

Печальный исконный обычай, перешедшій сюда, по всей вѣроятности, отъ крѣпостничковъ,—женить молодежь не спрашивая, любы онъ другъ другу или нѣтъ—былъ причиною, у мѣстныхъ крестьянъ, притомъ въ громадномъ большинствѣ,—возникновенія своеобразнаго вида отношеній супруговъ между собою. Въ основѣ этихъ отношеній лежатъ не чувство и симпатія, а необходимость и привычка. Такъ мужъ сознавая, что ему необходима жена, какъ предметъ удовлетворенія чувственности и самка, какъ хозяйка и работница,—беретъ, не разбирая, какую укажутъ ему родители. Хотя сплошь да и рядомъ такія жены не по вкусу мужьямъ; но они смотрятъ на этихъ женъ, какъ на неизбежную судьбу и крайнюю необходимость и мало по малу привыкаютъ къ нимъ, такъ что не только изрѣдка жалѣютъ, но и ласкаютъ ихъ. Дѣвушка, сознавая, что козачья цѣль въ жизни ея замужество,—выходить не только за нелюбимаго, но иногда невиданнаго ею человѣка,—вразумленная отцовскихъ кулакомъ, что для нея выбора не можетъ быть.

Нерѣдко, съ первыхъ дней замужества, бѣдняжка приходитъ къ убѣжденію, что мужиниъ кулакъ не милостивѣе отцовскаго, и она рабски подчиняется волѣ мужа и начинаетъ видѣть въ немъ свою неизбежную судьбу, поддержку семьи, особъ, доставляющую ей беззапретное физическое наслажденіе и, мало по малу, до того привыкаетъ къ мужу, что не только начинаетъ терпѣть его, но ухаживаетъ за нимъ, хвалить и ласкаетъ.

Несмотря на всю безыотрадность мѣстныхъ условій брака, попадаются семьи, которыя живутъ припѣваючи и при этихъ условіяхъ, и такія, гдѣ мужъ и жена живутъ душа въ душу. Къ сожалѣнію, много проглядываетъ и возмутительныхъ, раздражающихъ душу примѣровъ, п я въ послѣдствіи поговорю объ нихъ, а теперь буду продолжать свой рассказъ.

— Мальѣ, вонъ по сусидямъ! крикнулъ суровый хозяинъ.

Мелюзга высыпала вонъ изъ избы. Старикъ подошелъ къ столу, ударилъ объ него кулакомъ и строго сказалъ:

Я не купечъ, продажная душа, не подкупиной чпновникъ, не кулакъ бездушный, а простой русскій человѣкъ!.. Штѣ скажу я, и быть тому, мое слово крѣпко, безповоротно, мнѣ не перечить, со мной не торговатьча. Уразумѣли?

— Уразумѣли, батюшко, Иванъ Петровичъ.
— Ну, топерича слушай!
— Послушаемъ, послушаемъ, батюшко, Иванъ Петровичъ, вашихъ ричей кнежескихъ, отвѣчали свахи, низко кланаясь
— Перво, смотричамъ быть въ будущее Воскресенье, слышали?
— Слышали, батюшко, Иванъ Петровичъ.
— Смотри, слушай обоима, а то мимо носа пролетитъ. Второ: шедесать рублѣвъ деньгима, лошадь, корова, петъ овецъ, пара поросятъ, пошевни, сбруна коньская, агличная рубаха, плисовы штаны, сапоги съ отворотами, зипунъ синяго тонкаго сукна; трапье для невѣсты мати снарядитъ, изъ хозяйственнаго кое штѣ дамъ, а дальше, штѣ потребуетьча, увидимъ.— Вотъ и вся недолга, уразумѣли?
— Уразумѣли, батюшко, Иванъ Петровичъ;—и свахи поклонились ниже обыкновеннаго, изъ уваженія къ щедрому приданому.
— Вамъ не по новости, сами видитѣ, штѣ я даю свою дѣтишше, не какъ ледашній хрестьянишко, слѣдственно больше языкъ точитъ не дѣяча. Уразумѣли?
— Уразумѣли, сердешный,—отвѣчали свахи.
— А продары вамъ промышлитъ жона.
— Не сумлѣвайтесь, не обижду, не возьму таково грѣха на душу, — поспѣшила сказать Татьяна Андреевна.
Лица свахъ просіяли, и онѣ, отвѣсивъ хозяйкѣ поклоны на особицу, сказали:
— Благодарствуемъ, кнегини матушка родная, хозеюшка тороватая.
— Теперича, гости желанные, просимъ не гнушатъча нашей трапезой убогой,—сказалъ Иванъ.

— Не убогой—кнежеской
Со ястыма,
Со сахарныма,

Съ пивомъ хмѣльнымъ,
Съ виномъ зеленымъ.—

Отговались свахи.

— Въ присловьи-то такъ, а у насъ иначе, штѣ Богъ послалъ,—сказалъ старикъ, и добавилъ, обратившись къ женѣ:

— Собери-ка, мати, на столъ.

Хозяйка покрыла столъ бѣлой скатертью, положила ложки по числу обѣдающихъ, у каждой ложки по половинѣ нарѣзаннаго ломтиками ярушника, по крупяной, картофельной и сырной шаногѣ, поставила на столъ яшный пирогъ съ сайдой (рыба). собрала семью, и всѣ усѣлись за столъ.

Невѣста не даромъ была прозвана барышней: это была высокая, стройная блондинка, съ природной граціей, съ мягкими манерами,—съ лицомъ не поддѣльной бѣлизны и съ умными голубыми глазами. Живой румянецъ игралъ на ея полненькихъ щекахъ; ноги и руки были маленькія...

— Ишь какую кралю подцѣпилъ лоботресь-отъ, ---думала Пантелѣвна, пошатывая съ искоса на пригожую Таню, вылазившую изъ голбца.

— Ну-ка, старуха, пошевеливайся, подай-ка намъ по рюмочкѣ!—сказалъ весело старикъ.

Старуха достала изъ шкафчика бутылку съ водкой, рюмку и подала на столъ.

Старикъ налилъ рюмку и, подавая Пантелѣвнѣ, сказалъ:

— Кушай-ко во здравье, Пантелѣвна!

Пантелѣвна взяла рюмку, встала на ноги и сказала:

— Съ начатиємъ дѣла молодой кнегини Татьяны Ивановны, родной батюшко,—внуцатыма тебѣ красоватъча. Съ начатиємъ дѣла молодой кнегинѣ родна матушка,—съ внучатыма тебѣ тѣшиться.

Да всему дѣлу конечь,
Да кнегинѣ молодой,

Да златъ вѣнечъ,
Да со ладушкой милой

Да многи лѣта,
Да совѣтъ на вѣки,
Да сребра злата

Да полны сумки!
Аминь.

Пантелѣевна залпомъ выпила рюмку и передала ее хозяину, который, ее наполнивъ, снова передалъ Панкратьевнѣ. Панкратьевна тоже поздравила всѣхъ съ началомъ дѣла, но присловья не сказала, по неумѣлости. Потомъ хозяинъ налилъ себѣ, поблагодарилъ свахъ за поздравленія и пожеланія, поднесъ женѣ, тоже поблагодарившей свахъ и налилъ рюмку дочери. Таня отпѣкивалась, отецъ настаивалъ, и дочь должна была выпить рюмку.

— Дура дѣвка, ешпо отпѣкиваеться, да ужимаеться, — ешпо кабы женихъ то былъ ледашшій, а то молодець молодець, богатырь красавецъ, а коли лешша дастъ, такъ тольки ногами задрыгаешь, — шутила отецъ, принимаясь за пирогиъ.

Послѣ пирогаъ поданы были щи съ говядиной, жареная свѣжая рыба и наконецъ «розгониха»¹⁾, въ чашкѣ прѣсное молоко, что всегда у мѣстныхъ крестьянъ по-казываетъ конецъ обѣда, почему и называется розгонихой, такъ какъ, покончивши съ молокомъ, всѣ выльзаютъ изъ за стола.

Обѣдъ кончился. Свахи поблагодарили за угощеніе, распростились съ хозяевами и отправились домой.

Плотно покушавъ, наши свахи, какъ только выѣхали за деревню, такъ и задремали.

Добравшись домой, свахи успѣли сообщить радостныя вѣсти Якову Степанычу и другимъ. Старикъ не ожидалъ за дочерью Ваньки Хрѣна такого богатого приданого, а потому развеселился и обѣщаль свахамъ богатые дары, если только онъ доведется, что онѣ не наврали. Мать тоже была довольна вѣстями, а о Петрѣ и говорить нечего.

Свахи ушли. Семья легла спать; но старшіе мечтали долго о будущихъ благахъ и заснули только предъ разсвѣтомъ. Старикъ, — рѣшившись послать дядю доведать — правду-ли говорили свахи, — тоже заснулъ.

На другой день дядя Кузьмичъ былъ отправленъ развѣдчикомъ и чуть не испортилъ дѣло. По дорогѣ къ Хрѣну, Кузьмичъ зашелъ въ кабачекъ, выпилъ шекаликъ, да у Хрѣна нѣсколько рюмокъ и давай хвалить жениха, давай упрекать Ивана Петровича, что для такого жениха, какъ Петръ, приданое Тани да и сама Татьяна не стоятъ ничего.

Разсвирѣплъ суровый Хрѣнъ и, въ свою очередь, давай толкать Кузьмича вонъ изъ избы. Възпательство жены и дочери едва утишило гнѣвъ старика и Кузьмичъ удалился, получивъ отъ Хрѣна обѣщаніе дать все, что было сказано. Получивъ это извѣстіе, Яковъ Степановичъ порѣшилъ ѣхать на смотрины въ Воскресенье.

Ванька Хрѣнъ, тоже ради обычая, посылалъ довѣреннаго человѣка поразвѣдать о достаткахъ, характерѣ и житѣ жениха и получа удовлетворительные свѣдѣнія, порѣшилъ принять въ Воскресенье жениха.

ОЧЕРКЪ II.

Смотричи.

Семьи Некрасова и Паломодова издавна гостились между собою, и хорошо знали другъ друга; но ради прежняго обычая для богатыхъ и современной моды для всѣхъ, они затѣяли смотричи, обрядъ умѣстный только для незнакомыхъ другъ другу семей.

¹⁾ Коровье прѣсное молоко, оно называется потому, что этимъ блюдомъ заканчивается столъ.

Петру же и Танѣ, недѣля, предшествовавшая смотричамъ, показалась чуть не за цѣлый годъ. Оба они ныли и старались коротать время мечтой и работой.

Наконецъ настало желаемое Воскресенье: Петръ всталъ очень рано и сталъ одѣваться. Онъ надѣлъ англійскаго кумачу рубаху, касторовый жилетъ, драповыя шаровары, тонкаго сукна поддевку, крытую тонкимъ, синимъ сукномъ, овчинную шубу и котиковую шапку.

Только что Петръ кончилъ свой туалетъ, какъ въ городѣ прозвучалъ три раза соборный колоколь... Подхватили другія церкви и широкими волнами понесся, по сумрачному простору выси, утренній благовѣстъ...

Отецъ Петра съ его крестнымъ, онъ же и свать,—усѣлись въ однѣ сани; мать съ сыномъ въ другія и поѣхали въ церковь. Отстоявъ обѣдню, наши поѣзжане направились въ деревню, гдѣ жилъ Хрѣнъ.

Разумѣется тамъ гостей ждали; но, несмотря на это, крестный, войдя въ избу съ поѣзжанами и, поклонившись вмѣстѣ съ ними хозяевамъ, нашелъ нужнымъ спросить: ждали гостей, али нѣтъ? и получалъ въ отвѣтъ:

— Не ждали.

— А любы-ли нежданые гости?—спросилъ крестный

— Любы, милости просимъ, милости просимъ!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Ну, коли мы любы тѣ, такъ твори и самъ, штѣобъ быть любъ намъ,—сказалъ крестный.

— А штѣ творить я долженъ?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Прикажи вывести изъ куты кнегиню молодую. Молодаго князя Петра Яковлевича родной батюшко да родна матушка да кнезь молодой просять объ евтомъ. Самъ Петръ Яковлевичъ и они хотять на неѣ подивоватъча, въ ясны очи насмотритча,—проговорилъ крестный.

— За евтимъ не постоимъ, евто недорогого стоить. Эй, Пахомовна! Выводи сюда Танюху!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

Кутная занавѣса приподнялась, и Пахомовна вывела за руку Таню, свою крестницу, одѣтую въ полушолковый, яркихъ цвѣтовъ, сарафанъ, въ колелкоровую рубашку, со множествомъ бусъ, съ широкимъ, шерстянымъ со стеклярусомъ поясомъ по тальѣ, съ платкомъ въ рукѣ и съ алой лентой въ косѣ.

— Кому, эвто, кнегиня молодая занадобилась? Кому она приглянулася?—спросила крестная.

— Кнезю молодому Петру Яковлевичу она занадобилась, ему она приглянулася,—отвѣчала свать.

— Охъ ты, сватушко говорливый, разумникъ ты злой, зачѣмъ сомушшаешь своими словами красну дѣвчу? Не слушай ты непригодныхъ этихъ словъ, кнегиня молодая: разлучать они тя съ отцомъ, съ матерью...

Таня повернулась и пошла было въ куты; но Петръ быстро подошелъ, взялъ Таню за руку, поставилъ около себя и сказалъ:

— Родимый кнегине батюшко, родимая кнегине матушка, вы меня не браните, а лутше со кнегиней молодой благословите!

— Своевольникъ, какъ есь своевольникъ, какъ злюшшій коршунъ впивается въ голубку, такъ и онъ впился въ Танюху и ничего съ нимъ не подѣлаешь, видать быть ужъ благословить!—сказалъ Иванъ Петровичъ и, подойдя къ жениху и невѣстѣ, перекрестилъ, по три раза, обоихъ.

Родная и крестная матери сдѣдали тоже.

Послѣ этого, Петръ усѣлся съ Таней за столъ; къ нему подѣлъ его отецъ, и они начали шептаться на ушко. Черезъ минуту Некрасовъ сказалъ:

— Ну, сватушко Иванъ Петровичъ, о чомъ раньше говорено было, топерь пожалуй-ко половину денегъ!

Иванъ Петровичъ пошелъ въ куты, вынесъ оттуда на тарелкѣ кошелекъ съ деньгами и подаль жениху. Петръ взялъ кошелекъ, пересчиталъ деньги, положилъ его

въ карманъ, поблагодарилъ Богомъ даннаго батюшку и попросилъ у него тарелки. На тарелку, вынувъ изъ-за-пазухи, положилъ Петръ кусокъ ситцу на сарафанъ, фунтъ праниковъ, полъ-фунта закусокъ (конфектъ), кусокъ мыла и подалъ Танѣ, сказавъ:

— Не побрезгай принять, Татьяна Ивановна!

Таня приняла подарки и поблагодарила Петра. Жениха отдарилъ братъ Тани полотенцемъ и кускомъ-же леточной матеріи.

— Теперь, честная купанія и закусить можно! Эй, хозяйка, поворачивайся!— сказалъ громко Иванъ Петровичъ.

Столъ былъ накрытъ и, согласно обычаю, поданъ обѣдъ изъ трехъ простыхъ блюдъ (щей съ говядиной, жареной рыбы и молока). Хозяинъ подчивалъ всѣхъ водкой.

Не пила одна Таня, она помогла выносить водки. За обѣдомъ только женихъ съ невѣстой изрѣдка перешептывались, а остальные ѣли и пили, перекидываясь кой-когда словами, такъ какъ предполагалось, что семьи еще не ознакомились вполне. Послѣ обѣда гости распростились съ хозяевами и отправились домой, чтобъ готовиться черезъ три дня къ сватанью.

ОЧЕРКЪ III.

Баня передъ сватаньемъ.

I. У жениха.

Наступилъ канунъ сватанья. У Некрасовыхъ показался сперва легкой струйкой, а потомъ повалилъ столбомъ дымъ изъ банной трубы,—это топилъ баню для жениха. Къ вечеру истопилась баня. Петръ взялъ бѣлье, мыло и отправился мыться одинъ. Пока онъ мылся, отецъ сидѣлъ въ избѣ и толковалъ съ сапогомъ.

— Ты знаешь, дѣда Антонъ, штѣ Петрованъ-отъ у меня одиночка, какъ синча во глазу?

— Какъ не знать, батюшко, Яковъ Степанычъ.

— Коли знаешь евто, то знай и то, штѣ у меня ужъ нбровъ такой: жонить, такъ жонить, пировать такъ пировать. Такъ запирую, штѣ не только тебѣ старому филину, но кажинному въ носъ броситьча! Такъ запирую, штѣ всѣ сдвуютъча,—старый кошшей Митюха съ зависти ноги протяиѣгъ да горочьяя чиновничья кошка, съ мясця облизыватьча станеть... Во какъ запирую!

— Рази ты, Яковъ Степанычъ, думаешь п начальниковъ звать?

— Думалъ бы я, Кондратьичъ, звать евту выскочку уредника, да больно носъ дереть передъ нашимъ братомъ. Есь у меня въ знакомствѣ и важные господа, хошь въ приѣръ евтотъ баринъ, штѣ кажинный годъ въ Христоськую утреню по черкви лешимъ реветъ, знашь?

— Какъ не знать Яковъ Степанычъ.

— Баринъ душевный, пріятель, да руки-то у него не справедливы: какъ нальеть зенки те, опи у него и зазудятча лить ко всякому рылу... Есь у меня п другіе знакомые изъ чиновниковъ, да народъ отъ евтотъ больно тоже мерзлявъ во хиблю: натянетъча да и ползѣтъ то къ бабамъ, то къ дѣвкамъ съ чоловками. Къ лѣшаку евтихъ чиновниковъ, безъ нихъ прошше,—сказалъ хозяйинъ.

— Знамо дѣло прошше, Яковъ Степанычъ.

— А воштѣ, дѣда Кондратьичъ, за 10-ть за 20-ть верстъ гони, а добывай дружка, да таково дружка, штобъ умомъ разводилъ, какъ баръ уценный, а ричью правилъ, какъ горохомъ сыпалъ. Трешника не пожалѣю, а загоняетъ супротивника, за пятишиной не постою...

— Ладно, ладно, Яковъ Степанычъ, я сичасъ-же отправлятьча буду.

— Отправляйся, отправляйся съ Богомъ, со Христомъ, только на дорожку рюмочку пропусти!

— Благодарствуй, Яковъ Степанычъ! сказала Кондратьичъ.

Старикъ вынулъ изъ шкафика заветную бутылочку, налилъ и подалъ свату рюмочку. Тотъ выпилъ и вскрикнулъ.

— Ну, дѣда Антонъ, была не была, знай, побряхтывай! Валяй другую! сказалъ расходившійся Яковъ.

Антонъ выпилъ другую, поблагодарилъ, опять вскрикнулъ и на этотъ разъ погладилъ, отъ удовольствія, бороду—такъ ему было сладко.

— Затѣмъ до увиданія, Яковъ Степанычъ!

— До увиданія, до увиданія! Могри, штѣбъ рано утра былъ дружка, а то голову съ плечь снимешь.

— Не сумлѣвайся, Яковъ Степанычъ; все доправлю въ исправности! сказалъ Антонъ и вышелъ изъ избы.

Хозяйка между тѣмъ собрала самоварчикъ и стала дожидать Петруню. Въ здѣшней мѣстности жонихъ моется безъ пѣсенъ, безъ приговоровъ, безъ обрядовъ и безъ всего тому подобнаго, какъ обыкновенный смертный. У невѣсты, не только мытье въ банѣ, но и топка ея сопровождаются массой обрядностей, пѣсенъ и, какъ увидишь впоследствии, даже нѣкоторыми гадкими предрасудками; но таковъ обычай, и крестьяне крѣпко держатся его. Кромѣ хозяевъ, въ избѣ суетились двѣ стряпухи, изъ родственницъ,—занимаясь приготовлениями къ завтрашнему дню. Петръ пришелъ изъ бани и сѣлъ за столъ. Хозяйка стала поить его и мужа чаемъ. Послѣ чая она собрала ужинъ. Поужинавъ, Яковъ и Петръ сейчасъ легли спать, такъ какъ имъ приходилось утромъ рано вставать, цѣлый день много хлопотать, и всю слѣдующую ночь не спать. По той-же причинѣ, оставивъ распорядиться одну изъ своихъ родственницъ, которая могла отдохнуть во время сватанья, хозяйка сама улеглась спать. Хозяева спали, а приготовления шли своимъ чередомъ до самаго утра, чуть, чуть не до первыхъ гостей.

II. У невѣсты.

Въ день сватанья, раннимъ утромъ, приглашенные отцомъ и матерью Тани, ея подруги, стали собираться къ ней. Первою пришла излюбленная Тани, ближайшая ея подруга Катя Верховцева и стала наблюдать за сборомъ дѣвицъ. Когда собрались всѣ дѣвицы, Катя помѣстила ихъ въ куть, гдѣ онѣ, стоя на ногахъ прогѣли нѣсколько пѣсенъ, а Тania громко плакала, покачиваясь, по обычаю, изъ стороны въ сторону. Затѣмъ начали просить разрѣшенія у отца и матери Тани затопить баню, выражая свою просьбу пѣсней:

Благослови, родимый батюшко,
Истопить парну банюшку,
Во послѣдней мнѣ помытыча, попаритча,
Во русой косѣ, во дѣвичьей красотѣ.
Вы, подружки, подруженьки,
Да мои сизы голубушки!
Да, истопитѣ мнѣ парну банюшку,
Мнѣ помытыча, попаритча
Вы подружки, подруженьки,
Вы сводитѣ меня въ парну банюшку,
Да, вы помойтѣ меня, попартѣ.

Баня истопилась. Ловкая Катя проводила всѣхъ изъ ней и пошла за Таней. Улучивъ минуту, Тания ушла тайкомъ съ Катей въ баню, гдѣ Тания проворно раздѣ-

лась и влѣзла на полокъ, а Катя стала поддавать пару. Таня отъ сильнаго жару едва могла дышать на полкѣ. Съ нея покатился потъ ручьемъ, и она стала обтирать его чистой тряпочкой... Тряпочка скоро намочла. Таня выжала изъ нея влагу въ принесенный съ собой небольшой пузырекъ и опять стала обтирать свой потъ. Опять тряпочка выжата въ пузырекъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока треть пузырька не наполнилась потомъ Тани. Покончивъ съ потомъ, Таня пришла въ избу и употребила всё усилія, чтобъ не догадаться, что она была въ банѣ. Пузырекъ съ потомъ Таня подала отцу, проговоривъ по обычаю: храни, не выливай! Иванъ взявъ пузырекъ съ потомъ, подошелъ къ шкафу и разлилъ потъ въ два стакана. Одинъ стаканъ взяла Таня, подала отцу и сказала: смотри не выливай, а жениху подавай! Отецъ взявъ стаканъ, накрылъ его блюдцемъ и поставилъ въ шкафъ, чтобъ, впоследствии, подлить поту въ вино, которымъ будутъ угощать жениха. Другой стаканъ съ потомъ Таня передала матери, со словами: не выливай, а жениху подавай! Мать тоже спрятала потъ дочери, чтобъ, впоследствии, вмѣстѣ съ масломъ, подмѣшивать его въ пилоги, которыми будутъ угощать жениха. Какъ не отвратителенъ этотъ обрядъ, но, въ силу обычая, онъ удерживается до сихъ поръ и собственно для того, чтобъ, угощенный потомъ, женихъ лучше жилъ съ своей будущей женой ¹⁾. Живой и энергичной Катѣ приходилось часто бывать на свадьбахъ, почему она до тонкости изучила всё порядки и распорядилась бойко.

Покончивъ тайный обрядъ съ потомъ, она пришла и заявила невѣстѣ, что баня готова. Невѣста взяла чистое бѣлье, бѣлила и румяна. Катя, съ другой подругой, подхватили ее подъ руки и подвели къ отцу. Таня упала ему въ ноги и просила его благословить ее идти въ парную банюшку мыться. Въ этотъ моментъ дѣвцы заплѣли:

Благослови, родимый батюшко,
Во парной банѣ вымытыча,

Во послѣдней во русской косѣ,
Во дѣвичьей красотѣ.

Отецъ отвѣчалъ: съ Богомъ, наше дитятко! съ Богомъ, милое! Послѣ отца Таню подвели къ матери, которая отвѣчала тоже, что и отецъ. Потомъ подводили ее къ братьямъ и сестрамъ, которые отвѣчали ей словами: съ Богомъ, наша милая сестрича! Наконецъ эта церемонія кончилась, и Таню подъ руки повели подруги въ баню. Таня, для соблюденія обычая, заголосила, что было мочи и стала раскачиваться изъ стороны въ сторону. Вошли въ предъ-банникъ. Таня раздѣлась и юркнула въ баню, за ней послѣдовали близкія ея подружки, а остальные, остановившись у входа, заплѣли:

Ужъ вы вой пси, подруженьки,
Ужъ вы вой пси, сизы голубушки!
Вы возьмитѣ дубовыя ведра,
Да сходитѣ на Дунай на рѣку,
Почерпнитѣ ключевыя воды,
Да полейте крутую гору,
Да крутую гору Усольскую,
Штѣбъ моему суженому,
Ни зойдти бы до насъ не доѣхать,

Да ко мнѣ не пріѣхать!
Да вы, подружки, подруженьки,
Засѣвите три засѣвки те ¹⁾!
Да первую-то засѣвку,
Середь поля чистаго,
Да другую-то засѣвку,
Середь дороги широкія,
Третью-то засѣвку,
Середь поля дубоваго.

Мытье невѣсты заняло немало времени. Первая пѣсня кончилась и зазвучала другая:

¹⁾ «Штѣбъ къ бабѣ доброй бытъ», какъ говорятъ простолюдины.

²⁾ «Засѣвка» — нѣсколько сосенъ положенныхъ поперегъ дороги; онѣ устраиваются или парнями, которымъ извѣстно дурное, (похабное) поведеніе невѣсты, или по просьбѣ самой невѣсты ея подругами, чтобъ немилый женихъ догадался о мнимо-дурномъ ея поведеніи и отказался отъ сватовства.

Во сырѣ борѣ,
Ячмень молочу!
Выше сыра дуба,
Содома летягъ.
Съ тирема на тпремъ,
Красну дѣвичу ведутъ,
Татьяну Ивановну.—
Лісничя крутыя,

Чѣботы кривыя;
Ножен ломятча,
Прѣсятъ конѣ.
Конѣ батюшково.
Батюшковъ конь,
Не ступилъ, не пошелъ,
Головы не занесъ
И меня младую не повезъ.

Катя съ другой подружкой кончили мытье Тани и подали ей бѣлила и румяна; потомъ, пріотворивъ немного входную дверь, сказала: проходите кому чередъ,—впаривать бѣлила да румяна! Нѣсколько подружекъ, болѣе близкихъ Танѣ, вошли въ баню и раздѣлись...

Таня, несмотря на то, что безъ бѣлилъ и румянъ была гораздо лучше, по обычаю, набѣлилась свинцовыми бѣлилами и нарумянилась сандалной настойкой съ квасцами, до нельзя. Подружки ея сдѣлали тоже и до такой степени подавали пару, что жаръ сталъ едва выносимъ. Дѣлалось это для того, чтобъ бѣлила и румяна лучше и скорѣе впарились въ лице. Остальныя подружки входили въ баню по очереди и, не раздѣваясь, бѣлились и румянились. Подружки одѣли Таню, одѣлись сами, собрали бѣлье, бѣлила и румяна и всѣ вышли. Въ благодарность за мытье; Таня сдѣлала три поклона подружкамъ и отвѣсила прощальный поклонъ батѣ. Ее опять повели подружки подъ руки; она закрыла лицо платкомъ и заплакала по прежнему, а подружки зашѣли:

Послѣ моево бывашьеча,
Послѣ моево умывашьеча,
Разступись, парна бавюшка,
По единому бревешечку.
Разсыплись, каменка,
По единому камешку.
Спасібо вамъ, спасібо,
Ужъ вы подружки подруженьки,
Ужъ вы подружки, сизыя голубушки,
Истопили мнѣ-ка парну банюшку!
Во послѣдней меня вымыли,
Во послѣдней меня выпарили!
Охъ ти мнѣ да угорѣлося...
Со угару со велнково,
Буйна головушка болить,
Ретиво серчо захватывасть!
Ты, родимый сподарь батюшко,
Охъ ти мнѣ, да угорѣлося,
Да испить захотѣлося!

Я не прошу у тя, батюшко,
Ни злата, ни серебра;
Да прошу у тя, батюшко
Испить вина да зеленово.
Отлей мое ретивое серчо,
Да напои моихъ подруженекъ,
Да напои моихъ сизыхъ голубушекъ.
Да во послѣдвіѣ виномъ зеленымъ.
Да ты, родимый сподарь батюшко,
Буде жаль тебѣ вина зеленово?
Дакъ принеси пива пьяного.
Да буде жаль пива пьяново?
Дакъ принеси квасу едрѣнова.
Да буде жаль квасу едрѣнова?
Дакъ принеси воды холоднія.
Да буде жаль воды холоднія?
Дакъ принеси воды болотнія.
Да буде жаль воды болотнія?
Дакъ принеси воды смолѣвыя.

Подъ звуки этой пѣсни, Таню тихо подвели къ крыльцу, на которомъ стоялъ уже Иванъ съ полштофомъ водки и стаканомъ въ рукахъ, а мать съ ендовой пива. У крыльца Таня остановилась. Отецъ и мать спустились съ лѣстницы. Отецъ налилъ полный стаканъ водки и поднесъ Танѣ. Она прикушала и передала подружкамъ. Тѣ выпили. Отецъ налилъ другой стаканъ, подаль дочери. Она опять прикушала и передала подружкамъ. Когда всѣ подружки были угощены водкой, мать стала угощать ихъ пивомъ. По окончаніи угощенія отецъ съ матерью стали подниматься по лѣстницѣ. Таня съ подружками пошли за ними, и подружки зашѣли:

Спасибо тебѣ, родимый батюшко
 Во послѣдній поилъ меня,
 Красну дѣвичу, батюшко
 Не пожалѣлъ ты,
 Родимой батюшко,
 Вина зеленово,
 Да поилъ меня,
 Родимой батюшко,
 Виномъ зеленымъ.
 Да спасибо тѣ,
 Родимая матушка,

Стретила меня, красну дѣвичу,
 Во послѣдній пивомъ пьянымъ,
 Поили моихъ подружекъ,
 Поили моихъ спыхъ голубушекъ;
 Пропусти меня, родимой батюшко,
 Во послѣдній, во высокъ тиремъ.
 Да пропусти меня, родимая матушка,
 Во послѣдній, во свѣтлую горничу,
 Да пропусти, родимая сестрича,
 Въ куть за занавѣсу.

Когда вошли въ избу, Таня хотѣла войти въ кутный уголь, но младшая сестра не стала пускать ее, и подружки заѣли:

Родимая моя сестрича,
 Это у ты перво не было,
 Это у ты перво не водилоя.
 Штѣ это случилося?
 Пропусти меня,

Въ куть за занавѣсу,
 За злодѣйку в а бер ч а т у ю (или брусчатую)
 Меня-то молодешеньку
 Со русой косой
 Да съ дѣвичьей красотой.

По окончаніи пѣснн сестра сказала: иди, родимая сестрица, съ Богомъ. Таня ушла, упала на лавку и заплакала на этотъ разъ не по обычаю: бѣдняжкѣ взгрустнулость передъ послѣднимъ заплетаніемъ косы, по дѣвичьи. Подружки стали уговаривать ее не плавать, взяли подъ руки, усадили на лавкѣ, гдѣ по обычаю заплакала громоа она. Катя взяла гребень и стала чесать голову Танѣ, прочія подружки заѣли:

Во послѣдній коса чешетьча,
 Во послѣдній коса заплетаетьча,
 Ты насмотрись, моя руса коса,
 Да наглядися, дивья красота,
 На высокъ дворъ батюшковъ,
 Да на высокій тиремъ матушкинъ,
 На сестричины окошечка,
 Да на полѣ, да полѣ чистыя,
 Да на луга, да луга зеленыя,
 Да на травы, травы шелковыя.
 Да опущу я свою русу косу,
 Да дивью красоту.
 Да полетай, моя руса коса,

Да дивья красота,
 Да по темнымъ по лѣсамъ,
 Да по зыбучимъ болотамъ,
 Да буде сядетъ моя красота
 На березу, на бѣлую—
 Тутъ житье мнѣ будетъ бѣдное.
 Да буде сядетъ моя красота,
 Да на осину, на горькую—
 Дакъ житье будетъ горе горькое.
 Да буде сядетъ моя красота
 На ель, на мохнатую—
 Тутъ житье будетъ богатое.

Катя въ это время запледала косу Танѣ, и та перестала плакать. Наступилъ небольшой роздыхъ...

Дѣвушкамъ дали поѣсть, а мать Тани угостила ихъ пивомъ. Въ куть, между тѣмъ, принесли сундуки съ имѣніемъ. Дѣвушки, выйдя пзъ-за-стола, отправились снова въ куть для укладыванія приданого. Заѣли пѣсню: «Запросватала меня матушка» и начали укатывать всѣ вещи.

Послѣ укатыванія, вещи были выворочены на правую сторону, при помощи невѣсты уложены въ сундуки и дѣвушки веселой гурьбою разошлись по домамъ до вечера.

Предъ наступленіемъ вечера, братишки Тани побѣжали вторично приглашать дѣвушекъ въ невѣстѣ. Одѣвшись въ лучшія платья, подружки опять собрались въ

куть къ невѣстѣ, которая сидѣла тамъ, на положенной на лавкѣ подушкѣ. Ноги Тани стояли на разостланномъ на полу сѣнѣ, одѣта она была какъ на смотрицахъ, лицо закрыто ситцевымъ платкомъ. Дѣвушки застали её покачивающейся изъ стороны въ сторону и ревушей, что было мочи. Когда собрались подруги, началось опѣваніе невѣсты. Дѣвушки пѣли:

Я снажу-ли бѣдна, бѣдница,
На кручинной на лавоцкѣ,
Да подь кутнымъ окошечкомъ.
— отерю я,
— слизано колотенышко,
— пониже ясныхъ очей!
— я звезду очн ясныя,
— по высокому тирему;
— поищу-ли роду племени...
— узрѣла во очй, усмотрѣла,
— своего родимаго батюшка.
— позовемъ его по имени
— извеличаемъ по извочевью (по отче-

ству),

Ты, Иванъ да Петровичъ,
Изволь ко мнѣ дойти, доступить,
Да ко мнѣ въ куть за занавѣсу,
— за брусчатую грядочку
— за слизѣиую занавѣсу,

Да слизѣиныхъ писенъ слушати,
— великаго горя мыкати.
— не у бойся, родимый батюшко,
— не змѣя снажу я лютая,
— не шипича колючая,
— не крапива жугучая:
— я снажу бѣдна, бѣдница,
— запросватана дѣвица.
— не можно тебя дожидатися,
— не можно наглядѣтиса,
— не можно тебя разжалобити:
— у тя серьчо-то серьчо каменное:
— не убойся, родимый батюшко,
— моево великово горя.
— мое-то велико горе
— мнѣ не славна привязалоса,
— со недилю, поры врмечка,
— мнѣ отъ свата лукавово,
— отъ душн ево вилавья.

Во время этой пѣсни, отецъ невѣсты сидѣлъ на лавкѣ; при послѣднихъ же словахъ ея, онъ отперъ ящикъ, досталъ оттуда нѣсколько серебряныхъ монетъ, для подарка дочери, которую она будетъ хранить въ продолженіи всей жизни на память, какъ отцовское благословеніе, и пошелъ въ куть.

Заслышавъ шаги его, дѣвушки запѣли:

Вотъ идетъ родимый батюшко,
Ко мнѣ въ куть за занавѣсу,

Да за брусчатую грядочку,
Да за берчатую занавѣсу.

Когда Иванъ вошелъ въ куть, Катя шепнула закрытой Танѣ, что пришелъ отецъ. Таня встала, упала отцу въ ноги и, уже непритворно, зарыдала. Иванъ сталъ уговаривать дочь не плакать и поднять ее съ полу. Вставши на ноги, Таня кинулась къ отцу, обвила руками его шею, склонила голову на грудь и горько заплакала. У Ивана тоже не одна горячая слеза выкатилась изъ глазъ, и онъ бережно усадилъ дочь на прежнее мѣсто, сунулъ ей въ руку деньги и вышелъ изъ кути, а дѣвушки запѣли:

Спасибо тебѣ, спасибо,
Родимый батюшко,
Да тебѣ на влатъ, сѣребрѣ,
— на чесномъ приношеньчѣ
— на сладкихъ гостинечкахъ!
— возьму твои гостиньчики,
— во правую рученьку;
— положу твои гостиньчики,
— въ коробейку, на дѣнышко...

Да увезу твои гостиньчки,
— на чужу дальню сторону,
— на чужу да незнакому.
— какъ придетъ да весна красная,
— разольетьча вода вѣшная,
— вукушки роскукуютча;
— я млада да разгарюся,
— я млада да растоскуся—
— отопру я коробечку,

— посмотрю я на гостинчики,
— будто родимой батюшко,
— съ тобой повидалася,
— будто на тебя наглядѣлася,
— съ тобой, родимой батюшко, наговори-
лася.

Дакъ не будетъ у меня шпемить ретиво
серьчо,
Да не будетъ болеть моя буйна голо-
вухка.

Этой-же пѣснею опѣли родную мать и другихъ наличныхъ родственниковъ, сперва болѣе близкихъ, а тамъ и дальнихъ.

Крестную-же мать Таня опѣли, послѣ родной матери, такой пѣснею:

Похожу-ли я по тирему,
Да поищу-ли роду племени,
— взвела я очи, усмѣтрѣла
— свою родиму хресну матушку,
— назовемъ её по имени,
— извеличаемъ по извоченью.
— ты изволь дойти, дѣстунить,
— ко мнѣ во куть, за занавѣсу,
— за брусчатую грядочку.
— ты на слизяно сватанѣ,
— слизенныхъ пѣсенъ слушати,
— велика горя мыкати.
— мое-то великѣ горе
— не сдавна привязалоса,
— со недилю, поры вримечка,
— отъ свата лукавабѣ,
— отъ души ево вилавья¹⁾.
— научи-ка, хресна матушка,

Да съ чужимъ, чужѣнновомъ,
— съ дальнимъ, дальневинномъ,
— научи-ка, хресна матушка,
— ко Божьей черкви ѣхати?
— поучи-ко, хресна матушка,
— которой ноженькой на напереть
— въ черковь вступиѣти?
— поучи-ко, хресна матушка,
— которой рученькой напередъ
— перекреститиса?
— поучи-ко, хресна матушка,
— которому Спасителю да впередъ по-
клонитиса?
— поучи-ко, хресна матушка,
— какъ мнѣ златъ винечъ привѣѣти?
— поучи-ко, хресна матушка,
— Законъ Божій воздѣржати?

Пѣсня кончилась. Крестная, въ благодарность, подала Танѣ деньги и морхатку. Таня приняла подарки, но морхатку бросила, сказавъ съ сердцемъ: убирайте её! Подружки убирають морхатку и затыгивають общую для всѣхъ пѣсню, въ благодарность, вставляя соответствующія имена:

Спѣсибо тебѣ, спѣсибо—и т. д. такого же содержания, какому опѣвали отца, только перемѣняя имена опѣваемыхъ.

По окончаніи этихъ пѣсней начинается опѣваніе дѣвицъ. Начали съ Кати, и когда ее опѣли, Таня подарила ей ситцу на нарукавники, алую ленту въ косу и кусокъ душистаго мыла. Каждая изъ опѣтыхъ дѣвицъ получила отъ Тани подарокъ; для тѣхъ, которыя были къ ней поближе, подарки были получше, а дальнимъ похуже. Опѣвали-же дѣвушекъ не прежнею пѣсней, какъ отца съ матерью и другихъ, а особою, подходящею къ этому обряду, вотъ она:

Красотѣ-ли, моя красота,
Да красотѣ-ли красная дѣвица,
— свѣтъ!
— мнѣ кому красѣ оставити,
— на ково ея покинути?
— я оставлю дивью красоту,
— своей любимой подруженькѣ

Да приближенной сосидущкѣ.
— ешѣ тутъ моей красотѣ
— не мѣсто, не мѣстечко,
— небольшое красованьничо:
— она дитя на возрастѣ,
— ее скоро замужъ выдадутъ—
— потеряѣтъ дивью красоту!

¹⁾ Вилавый—льстивый, лукавый, непостоянный.

Да мы съ тобой еше, голубушка,
— жили, были, красовались,
— добры люди дивовались.
— ужь мы другъ безъ друга,
— ступени не ступывали,
— хлѣба соли не кушавали.
— мы съ тобой, ешше, голубушка,
— ходили въ лѣсъ по ягодамъ,
— во сырой боръ по рыжички.

Да подь окошечкомъ склнкался,
— на растапочкахъ сжидался.
— намъ теперь, сиза голубушка,
— приходитъ роставюшка.
— намъ роставча не хочетьча,
— разойтись не подумати.
— я тебѣ, сиза голубушка,
— я тебѣ сиза, позавидую,
— твоему росту дороднеству.

Надю п Настя, также Сашу п Матрену, изъ которыхъ у первыхъ не было отца, а у послѣднихъ матери, отъвали пѣсней такого содержания:

Я тебѣ въ томъ, подруженька,
Не позавидую,
Твоему жатью красованью:
Да ты живешь, не красуеша
Безъ родимыя матушки (если нѣтъ матери)
Безъ родимого батюшки (если нѣтъ отца).
Да у злодѣйки у мачихи,
Да по чужимъ полямъ,

Да по чужимъ людямъ.
Кажная молодая жона
Да въ глаза да пасмѣялася.
Да кажная вѣточка въ глаза настегала-
лася,
Да важная шпепочка да на ребро ста-
новилася.

Слѣдуя строго обычаю, Катя распорядилася, чтобъ, послѣ взрослыхъ дѣвицъ, отъвали недорослей. Недорослей отъвали такъ:

Красотѣ-ли, моя красота;
Красотѣ-ли красна дѣвичья!
Да мнѣ кому красѣ оставити?
— на ково ее покинути?
— я оставлю свою дивью красоту
— своей любимой подруженькѣ.
— ближайшей сосѣдницѣ.
— ешше тутъ моей красотѣ

Да не мѣсто, не мѣстечко,
— не большое красованьицо:
— она дитя умомъ слабешенька,
— малымъ, глупымъ глупешенька!
— она дитя выдѣтъ на улочку,
— заиграетьча съ малыми ребятками,
— потеряйтъ дивью красоту.

Дошла очередь отъвать вдоваго дядю Таин п дѣвушки затянули:

Да ты пожилой, доброй молодечъ
Вдовечъ посидловечъ!
Каково тебѣ пкалося,
Да съ вѣнчѣльной жоной роставо:я?
Была первая жона вѣнчѣльная,
Была первая умная да разумная,
Да отча-то умново,

Да матери разумныя...
Каково нынѣ живешь, красуеша,
Съ молодой жоной?
Дарить-ли ты молада жона да жалуетъ
Словами ласковыми,
Поклонами низкими?

Затѣмъ раздались грустныя мотивы отъванія вдовой теткн:

Похожу-ли я по тирему,
Понишу-ли роду плимени!
Да ешше я не безродная,
— ешшо я не безплименная:
— есь у меня во тиремѣ,
— назовемъ ее съ-понимени,

Да звелчаемъ по-пзвоченью:
— ты изволь дойти, дѣстунить.
— ко мнѣ въ куть за занавѣсу,
— за брусчатую грядочку,
— за спзѣяную занавѣсу,
— спзѣяныхъ писенъ слушати,

Да со мной вилка гора мыкати,
 — ты, любимая тетушка,
 — ты такая-же бѣднѣ бѣдничѣ,
 — кукушка горегорькая,
 — вдова благочестивая...
 — ты живешь не красуешша,
 — ты вдовича вдовая,
 — ты вдовѣшь, вдовушка!
 — много дѣтъ, много зимонекъ;
 — сопроводила мила ладушка
 — во мать во сыру землю,
 — во злодѣйку гробову доску,
 — со попами да со дяконами,
 — со свѣчами воскоярowymi.
 — ты повѣрь, моя тетушка,
 Ты повѣрь, моя любезная,
 Каково тебѣ икалося?
 Съ милой ладою розставалосѣ?
 Да не болѣла-ли буйна головушка,
 Не шшепало-ли ретиво серьчо?
 Да не дрожали-ль рѣзвы ноженьки?
 — не опускались-ли бѣлы рученьки?
 — не мутились-ли ясны оченьки?
 — не катились-ли горючія слезы?
 — каково тебѣ безъ милой ладушки,
 — жить да красовѣтисѣ?
 — тебѣ важная молодая жона
 — во глаза насмѣялася.

Да важная вѣточка во глаза настегаласѣ.
 — важная шшепочка на ребро стано-
 виласѣ.
 — какъ тебѣ, любимая тетушка,
 — было съ милой ладою раставатисѣ,
 — такъ и мнѣ бѣдной бѣдничѣ,
 — запросватанной красной дѣвичѣ,
 — со отчѣмъ да со матерью,
 — толь-же чяжко раставатисѣ,
 — на чужу дальнюю сторону удаля-
 тисѣ,
 — къ чужоу чужѣнину,
 — къ дальнему дальѣнину.
 — болитъ у меня буйна головушка
 — у бѣдной бѣдничѣ,
 — у запросватанной красной дѣвичѣ!
 — шшшплеть ретиво серьчо,
 — дрожать рѣзвы ноженьки,
 — опускаются бѣлы рученьки...
 — спасибо тѣ, спасибо,
 — любима моя тетушка,
 — па златѣ на сѣребрѣ,
 — на чесночъ приношеньчѣ.
 — твоя трудная динѣшка:
 — нажила ты сама динѣшку
 — нѣту мила у тя ладушки,
 — некому дать тебѣ динѣшѣкъ.

Наконецъ кончилось оцѣваніе, и хозяева собрали ужинъ. Близкихъ и богатыхъ подругъ Таниныхъ усадили за передніе столы, въ передній уголь; а бѣдныхъ и дальнихъ за задніе—на остальныхъ мѣста за столомъ. Подали щи съ говядиной, потомъ жареную треску и молоко, но до кушанья никто не дотрогивался, пока женщины въ кутѣ не прогѣли впередъ стольной пѣсни:

Да ужъ вы, подружки, подруженьки,
 — подруженьки мои,
 — сизыя голубушки!
 — моя перва сизѣ голубушка (которая
 сидитъ въ переднемъ углу).
 — садиласѣ свыше всѣхъ.

Да клонила головушку пониже всѣхъ...
 — да ты попѣйко, поѣшь-ко,
 — моя сизѣя голубушка,
 — моево соли хлиба во послѣднѣ,
 — моя соль хлибъ великая и т. д.
 другой и третьей подружкѣ.

При послѣднихъ словахъ пѣсни, Таня поклониласѣ сидѣвшимъ за столомъ подружкамъ, которыя, вставъ на ноги, въ свою очередь, отвѣсили Танѣ сряду три поклона, затѣмъ сѣли и стали ужинать. Во время ужина Таня и ея отецъ угощали подружекъ водкой и пивомъ. Богатыя подружки степенились, т. е. ничего не ѣли и не пили, потому что на нихъ изъ толпы зрителей и съ палатей смотрѣли женихи, бѣдныя-же ѣли во весь ротъ и усердно пили пиво, а водку только прикушивали, такъ какъ дѣвушки вообще не пьютъ водки при зрителяхъ. По окончаніи ужина, всѣ вышли изъ за стола, поблагодарили Таню и ея родителей за угощеніе и ушли въ кутъ за занавѣсу, вмѣстѣ съ невѣстой... Катя взяла гребень и стала чесать голову Танѣ, а дѣвушки заѣбли:

Да во послѣдніе коса чешетьча,
— во послѣдніе заплетаетьча...
— разчапалася крушича ¹⁾
— во саду передь яблоней...
— расплавалася красна дѣвичка
— въ тирему, передь батюшкой,
— высокошь передь матушкой:
— ужь, Богъ судья тебѣ, матушка,
— ужь, Богъ судья тебѣ, родимая:
— молоду замужь запросватала
— молоду молодешеньку,
— зелену зеленешеньку...
— во саду крушича
— разчѣла да не завязалася.
— ты родимая матушка
Меня рано замужь выдала,
Молодымъ молодешеньку,
Зеленымъ зеленешеньку,
Да недорослѣ травоньку,
Да недозрѣлую ягодку.
Не дозреть будетъ ягодекъ...
Во саду крушича
Обронила чѣтъ аленькой...
Я, красна дѣвичка,
Потеряла свою дивью красоту:
— единымъ часкомъ,

Да единой минуточкой!
Во послѣдніе коса заплетаетьча,
Да коса на двое разложилася,
Подъ морхатку снарядилася
Да вкругъ головки обвилася:
Поглядѣла я на маковку,
Обвила свою головушку.
Да ты остаешна, родима матушка,
Во своемъ дому да въ высокошь тирему;
Да станешь, родимая матушка,
Жить да красоватися.
Да снаряжаешь меня, матушка,
— на чужу дальню сторону,
— во чужу не знакомую,
— чужому чуженну,
— къ дальнему дальнѣнну;
— въ большу семью, несовѣтливу,
— въ большу семью, несужитливу:
— ко свекру журливому,
— ко свекровки бранливой,
— къ диверьямъ собаковатымъ,
— милой ладѣ срамливой ²⁾.
— наложила на меня матушка
— печель да заботушку,
— злу, велику, невзгодушку:
— стану жить не красоватися.

Телько что кончилася эта пѣсня, какъ избяння двери распахнулись и не могли пробиться, ребятишки закричали во всё горло: «колокольчи, колокольчи! Жоникъ идетъ!» Часть зрителей кинулась на улицу, а остальная стала таращить глаза на браваго дружку, подлетѣвшаго на однихъ каблуккахъ къ окну...

ОЧЕРКЪ V.

Отѣздъ князя молодого (жениха) къ сватанію.

Въ день сватанія Петръ всталъ ранѣе обыкновеннаго. Мать его уже суетилась въ кути. Петръ умылся, помолился усердно иконамъ, поздоровался съ матерью и одѣлся въ лучшее свое платье (какъ на смортѣчи) и сказалъ:

— Я припасу самоварь, прїѣдетъ, дружка, чайкомъ-бы попить?

— Я ужь домекала объ евтомъ, дитятко.

— Штѣй-то Кондратьичъ позамѣшался?

— Не печелуйся, дитятко, къ свѣту пригонитъ онъ, мужикъ просужой.

Петръ сталъ ходить по избѣ, по временамъ прислушивался и смотрѣлъ то въ то, то въ другое окно. Послышались колокольчики... Петръ припалъ къ окну. Кондратьевичъ съ дружкой подкатилъ къ крыльцу. Петръ повеселѣлъ. Въ нѣсколько прыжковъ, удалой дружка былъ въ избѣ. Онъ былъ одѣтъ, почти также, какъ и Петръ, только, поверхъ поддѣвки, черезъ правое плечо, былъ перекинутъ цвѣтной платокъ.

¹⁾ Должно быть, грушевое дерево.

²⁾ Не красивой.

— Молодому князю, Петру Яковлевичу, шастливо жить, здоровымъ быть, молодую княгиню брать, съ ней златъ вѣнечъ пріять! — сказалъ бойко дружка, поклонился и протянулъ Петру руку.

Петръ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Благодарствуемъ на добромъ словѣ, на пожеланіи, просимъ, храбрый дружка, Григорій Стѣпанычъ, жаловать, просимъ за столъ садитьча...

Хозяйка вынесла изъ кути самоваръ и поставила на столъ.

— Кнезя родной матушкѣ, доброй хозяйшкѣ, сердечный привѣтъ, душевное пожеланіе: на молодыхъ радоватьча, на внучать тѣшитьча, — сказалъ дружка, — кланяюсь низко.

Мать отвѣчала:

— Благодарствуемъ на ласковомъ словѣ, на добромъ пожеланіи, соколъ ясный, дружка храбрый, Григорій Стѣпанычъ, просимъ за столъ пожаловать, чайкомъ отогретьча!

Старикъ проснулся и проворно слѣзъ съ печки. Дружка отвѣсилъ и ему чуть не земной поклонъ и сказалъ:

— Кнезя молодого родному батюшкѣ, Якову Степановичу, долго жить, здорову быть, добра наживать, молодыхъ отъ вѣнча принимать, ясывыми мидяныма угошпать, въ своемъ домѣ благодатномъ.

Старику видимо понравилась бойкая рѣчь дружки... Онъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и привѣтливо сказалъ:

— Спасибо на всемъ, дружкѣ храброму, разумному, разудалому, Григорію Степановичу!.. Тебѣ ладомъ дѣло справить, отъ всѣхъ похвалы получить, а отъ меня старика богатые дары, просимъ за столъ.

Вошелъ въ избу Кондратьевичъ.. Старикъ ласково потрепалъ его по плечу и шепнулъ на ухо: ну, Антоша, сослужилъ ты мнѣ службу, кажись вѣкъ не забуду твоей прислуги, большое спасибо тѣ, просимъ за столъ...

— Не стоитъ беспокоитьча, Яковъ Стенанычъ: не начѣмъ благодарить-то, не вись какая и служба-то была, — отвѣчалъ Антонъ.

— Замолячи старый воркунъ и пробирайся за столъ, — сказалъ весело хозяинъ и пошелъ умываться... Вскорѣ всѣ принялись за чай.

Въ деревнѣ узнали о пріѣздѣ дружки.

Двери открылись; вошла старая, престарая дѣвка, поклонилась и, охая, взлѣзла на печку... За старухой вошла другая, третья, четвертая, появились старики, парни, ребятишки, и все это лѣзло на печку и на полати; скоро печка и полати набились биткомъ. Появились молодцы и мужчины всѣхъ возрастовъ. Скоро у входа и яблоку негдѣ было упасть.

Хозяйка съ дружкой и Антономъ пили чай...

Молодцы разобрали дружку по косточкамъ и порѣшили, что онъ, хотя и красивъ, но не говорливъ, пьетъ чай и слова не промолвить. Старухи на печкѣ тяжело вздыхали, вспоминая свою молодость. Старая, престарая дѣвка дремала и видѣла во снѣ, что выходитъ замужъ и вдругъ, съ несвойственной ей живостью, обняла и чмокнула близъ сидѣвшую старуху, прошамававъ: «любущка мой дорогой».

— Съ ума сошла, лишачиха ты, — проворчала съ сердцемъ старуха и грубо оттолкнула дремавшую.

Опытные старики сейчасъ догадались о причинѣ молчанія дружки: «это онъ припоминалъ наговоры, заговоры, и видно, что дружка, человекъ не опытный»... Они старались увѣрить другъ друга, что такого дружки, какой у нихъ былъ на свадьбѣ, теперь ужъ не найти: етово загонялъ-бы какъ воронъ малово цыпленка... Время шло; вотъ и самоваръ убрали. Послышались съ разныхъ сторонъ звонки, и приглашенные гости начали входить въ избу... Протиснувшись сквозь толпу, гости молились на иконы, здоровались съ хозяйками, кланялись зрителямъ и садились въ плотную, гдѣ-нибудь, на лавкѣ.

Скоро състь было негдѣ, и вновь прибывшіе гости принуждены были стоять впереди зрителей. Было уже за полдень... Хозяйка съ близкими пріятелями и дружкой порядкомъ закусили въ кутн. Петръ, не желавшій нарушать обычая въ день сватанія, опять пошелъ въ баню. Мать накрыла столъ домашней работы скатертью, положила на срединѣ, одинъ на другой, три хлѣба, поставила сверху солонку съ солью, съ одной стороны хлѣбовъ — ендову съ пивомъ, съ другой — полштофъ водки и рюмку, передъ хлѣбомъ-же двѣ тарелки, одну съ рыбнымъ пирогомъ (преимущественно съ треской), другую съ тремя мучными пирогами, положенными такъ, что два лежали рядомъ, а одинъ на верху. Хозяинъ зажегъ свѣчи передъ иконами. Окотившись три раза водой, Петръ вышелъ изъ бани, окпнулъ взоромъ избу и, замѣтивъ, что всѣ гости собрались, шепнулъ объ этомъ сидѣвшему за столомъ дружка.

Дружка оправился, помолился иконамъ, поклонился на всѣ четыре стороны, вышелъ на средину избы, топнулъ ногой, пустилъ по избѣ одну дробь каблуками, пустилъ другую и какъ-то особенно ловко, на однихъ каблукахъ, подлетѣлъ къ Якову и спросилъ:—«Ктобъ намъ свято проговорилъ? Самп скажете, али намъ прикажете?»

— Съ Богомъ, сами скажете, отвѣчалъ Яковъ.

Дружка началъ, заложивши въ карманъ руки, ухарски ходить по избѣ, на-однихъ каблукахъ, перепрыгивать съ одной ноги на другую и зачиталъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Господи Исусе Христе,
Боже, помилуй мя!
Стану я, человѣкъ Божій,
На рѣзвыя ноги,

Святымъ образамъ помолюсь,
Хозяина въ домъ спрошусь:
Имѣтча-ли въ семь домѣ благодатномъ
Батюшко родимой, матушка родная?
Всели въ добромъ здравіи пребываете?

(Со стороны въ отвѣтъ: всѣ здоровы!)

И заводите-ли вы чесный бракъ
На сей день Господень?

(Отвѣтъ: заводимъ.)

Какъ сѣрья утки,
Вѣлья лебеди,
Сизья голуби
Съ тѣхъ рѣкъ и озеръ
На синія моря,
На приточныя мѣста
Слетаютча со всѣхъ сторонъ,
Званья и жданья,
Полюбовныя гости съѣзжались,
Какъ ясны соколы слетались.
И всё ли въ вашемъ домѣ благодатномъ
Исправно?

Затеплены ли у святыхъ образовъ
Свѣчи восковаровыя?
И поставлены ли столы бѣлодубовыя?
И на столахъ бѣлодубовыхъ
Набраны ли скатерти шолковыя?
Хлѣбы ситніа
И калачи бѣлыя,
Ясьва сахарныя,
Питья мидяныя,
И все ли исправно
И все ли готово?»

— Все исправно и все готово, отвѣчалъ Яковъ.

«И снаряжанте ли свое чадо мпное,
Голубя сизово,
Лебеда бѣлово,
Сокола ясново,
Кнезя молодово новобрачново,
И садите вы ево

За столы бѣлодубовыя,
За скатерти шолковыя,
За ясьва сахарныя,
За питья мидяныя,
Во передній уголь,
На бѣлодубовую лавочку,

На кунью шубочку,
Соболя лапки,
Поць св. образа,
Свѣчи воскояровныя,
На почтенное мѣсто,
Гдѣ ево на сей день Господень
Богъ почтить?
Игветьча ли у вашего князя молодого,

Тысячкой большой человекъ,
Сваха вѣжливая,
Большіе бояра,
Среднія меньшія,
И всё поѣжжана?
И всё ли исправны
И всё ли готовы?»

— Всё исправны и готовы всё, отвѣчалъ хозяинъ.

«Извольте вы ихъ садить,
За теже столы бѣлодубовыя..
Податъ князя молодого,
По правую сторону,
Садите хресново батюшку,
По лѣву, хресну матушку...
И всёхъ чесныхъ гостей, полюбовныхъ,
Извольте садить по чинамъ
И но мѣстамъ почтеннымъ,
Кому податъ ково подлежить.
И садите вы ихъ,
Ни по уму ни по разуму,
Ни по платью чвѣтному;

Но садите ихъ,
По роду да по плниеню.
Кто родомъ поближе,
Того садите повыше,
А кто родомъ податѣ,
Того садите къ кути поближе...
А вы, полюбовныя гости, садитесь,
На нашего хозяина
Не гнѣвайтесь, не сердитесь:
Всѣхъ васъ въ передній уголь не посадить.
Хлѣбъ соль ясыва и угошненѣ
Всѣмъ будѣтъ одно!

Когда кончилъ дружка свою рѣчь, Яковъ съ женой подвели Петра къ столу и сказали въ одинъ голосъ:

— Садись, наше дитятко милое, садись, Христось съ тобой, въ доброй да во святой часъ.

Петръ сѣлъ за столъ. Возлѣ него, по правую сторону, Яковъ и Татьяна разрядили гостей мужескаго вола, по порядку, какъ указывалъ дружка; по лѣвую-же сторону расадили женскій полъ, тоже по-порядку, указываемому дружкой. Когда всё усьлился, дружка спросилъ Якова:

— Штѣ, сами будете подносить, али намъ прикажете?

— Вамъ приказываемъ,—отвѣчалъ Яковъ.

Дружка взялъ въ руки подносъ, поставилъ на него двѣ рюмки и сталъ обносить водкой всёхъ гостей, по порядку: сперва мужескій полъ, а потомъ женскій. Каждый изъ гостей выпивалъ по одной рюмкѣ, считая долгомъ немножко поломаться передъ питьемъ, отчего угощеніе заняло не мало времени.

Когда всё гости были обнесены водкой, дружка возвратилъ подносъ Якову и обратился къ нему и Татьянѣ съ просьбой назначить дружкой другого, болѣе способнаго, чѣмъ онъ:

«Батюшко родимой, матушка родная,
И вы, наряжаете меня,
Передоѣзжимъ дружкой!..
Я человекъ незнающій и неумѣющій,
На ногу не вѣртокъ,
На ухо не чутокъ,
Голосомъ не свѣтель,
Ричью не отвѣтъ:
Могу проговоритча и прошибитча,
И своя братья будутъ осуждать...
Извольте выбрать,

Изъ своево княжескаго поѣзда,
Дружка иново, молодого,
Который волосомъ порусяя,
На ухо почутчая,
На ножку повертчая,
Голосомъ посвѣтляя,
Разумомъ повострѣе,
Ричью поумнѣе,
И будетъ всему браву
И поѣзду милая.

Яковъ и Татьяна отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Мы выпей милостью довольны.

Получивши такой отвѣтъ, дружка началъ опять просить ихъ назначить ему молодое подружье, выражаясь такъ:

Ватюшко родимой, матушка родная!
Когда вы нажили меня
Передоѡажимъ дружкой,
Дайте мнѣ молодое подружье хорошее,
Ростомъ меня повыше,
Ушомъ подороже,
На ухо почутчае,
На ножку повѣртчае,

Волосомъ порустѣ,
Разумомъ повострѣе...
Въ чемъ я прошибусь и проговорюсь
Могъ-бы онъ на ножку ступить,
Подъ бочекъ подтолкнуть,
На ушко шепнуть,
На умъ, на разумъ поучить».

— Выбирай себѣ самъ по уму, по разуму, кого знаешь,—отвѣчали хозяйка, и дружка подлетѣлъ къ одному изъ недалнихъ за столомъ, раньше выбранному, молодому парню, со словами:

— Я тебя прошу къ себѣ въ помощь.

— Я согласенъ,—отвѣчалъ парень, вышелъ изъ-за-стола и сталъ посреди избы, рядомъ съ дружкой. Дружка началъ ходить по избѣ, подружье пошелъ рядомъ съ нимъ и безпрестанно толкалъ дружка локтемъ, понуждая къ рѣчи. Наконецъ, обратившись къ сидящимъ за столомъ, дружка заговорилъ:

Кнѣзь молодой,
Тысячкной большой человекъ,
Кнѣзевая сваха,
Вольшіе бѣгра,
Средніе, меньшіе
И весь кнѣзесккой молодечкной поѡзды!
Прикажете мнѣ
Передоѡажему дружкѣ,
Съ молодымъ подружьемъ,
Вытти, выступить,

Изъ сей свѣтлицы
На новыи синни,
На моста малиновыи,
На высокое крылечкно,
На широкую улочу
Посмотрѣть удалыхъ добрыхъ коней,
Издадтъ, исправить,
На путь поставитъ,
Какъ снсть да ѣхать?»

— Съ Богомъ! отвѣчали поѡзжане.

Дружка съ подружьемъ вышли на дворъ, осмотрѣли подробно лошадей, сани, збрую и всё...

— А каки, пара, комани (конн, лошади) повезутъ эту рыжую животинку-то спроситъ дружка у своего подружья.

— Каку авто животинку? спроситъ въ свою очередь подружье..

— А штѣ сѣннимъ возомъ ввалилась-то въ избу, сказалъ дружка.

Подружье захохоталъ и отвѣчалъ:

— Сваху-то Панкратѣвицу? Вонъ ента савраска, и онъ указалъ на лошадь.— Дружка смѣрилъ глазами лошадь и сказалъ:

— Ей не выбѣжать съ зѣтннъ овинномъ-то.

— И не выбѣжить, такъ не бѣда, отвѣчалъ подружье.

— Да она задѣржать, а зѣто неладно, сказалъ дружка.

— Поштѣ задѣржить? Пошелъ, да и только, кожды нибудь прїидѣтъ и она, сказалъ подружье.

— И то правда! пойдѣмъ въ избу, согласился дружка.

Оба вошли въ избу и стали вмѣстѣ докладывать поѡзжанамъ, что они все осмотрѣли, все исправно, все приготовили и отвѣсили низкій поклонъ сидящимъ за столомъ. Затѣмъ дружка обратился къ Якову и Татьянѣ со словами:

Ходилъ я, передоѣзжѣи дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
По двору широкому,
У князя молодого,
Въ стойлахъ стоялымъ,
Во дворахъ, конюшникахъ
Ворота иззаворены,
Замки иззавѣшены,
Запоры закладены,
Каравулы приставлены.
Входилъ я въ свѣтлую свѣтлицу,
Золотыя влючи бралъ,
Висячія замки отпиралъ,
Будатныя заноры вынималъ,
Каравулы тверды раступалъ,
И входилъ я въ стойла стоялыя,
Во двога, конюшни,
Уарѣлъ, усмотрѣлъ,
Удалыхъ добрыхъ коней—
Въ руки ихъ бралъ,
По крутымъ бедрамъ потрпалъ,
По уму, по разуму выбиралъ.
Накладывалъ на нихъ

Уздичи тесмянныя,
Седѣлечка черкасскія,
Хомуты астраханьскія,
Шлеи строчевныя,
Гужи шелковыя,
Возжи гарусьныя.
Изъ тѣхъ дворовъ конюшенныхъ,
Выдергивалъ санки-скочки, пошевечочки,
Во тѣ санки завергивалъ
Заверточки пеньковыя,
Оглобельки кленовыя,
Дужки вязовыя,
Запрягалъ добрыхъ коней,
Къ дугамъ навязывалъ
Колокольчики пѣвкы,
Ремешечки крѣпки.
На тѣ санки-скочки, пошевечочки,
Накладывалъ полсти драгоченныя,
Медвѣжія черныя, одѣяла теомыя.
И всё изладилъ я, исправилъ,—
На путь дороженьку поставилъ,
Какъ сестъ да ѣхать.—

— Всё готово! Милости просишь.
Переведа духъ, онъ продолжалъ:

Ватюшко родимый,
Матушка родная,
Извольте къ бѣлодубовымъ
Столамъ приступить,

Хлѣбъ-соль возвеличать
И чесныхъ гостей
На ноги поднять?..

Яковъ и Татьяна, по окончаніи послѣдней рѣчи, подошли къ столу. Дружка попросилъ ихъ сѣсть за столъ, на то мѣсто, подъ божицу, гдѣ сидѣло ихъ чадо милое. Гости встали на ноги, а дружка продолжалъ:

Ватюшко родимой,
Матушка родная,
Извольте садитча
За столы бѣлодубовыя,
За скатерти шелковыя,
За асьва сахарныя,
За питья медяныя.—
Въ передній уголъ,
На бѣлодубовыя лавочки,

Собольи лапочки,
Подъ св. образа,
Подъ свѣчи воскояровыя,
На почтенное мѣсто,
Гдѣ ваше чадо милое
Князь молодой сидѣлъ
И гдѣ васъ, на сей день Господень,
Богъ почтитъ.—

При послѣднихъ словахъ Петръ подвинулся, и отецъ съ матерью сѣли на его мѣсто. Черезъ минуту дружка опять обратился къ нимъ со словами:

«Сидятъ ли онѣ за столами,
За асьвами сахарными,
За питьями медянными,
Въ переднемъ уголѣ,

На бѣлодубовой лавочкѣ,
На кунейи шубочкѣ,
Собольей лапочкѣ,
Подъ св. образами,

Подъ свѣчами воскояровыми,
 На томъ почтенномъ мѣстѣ,
 Гдѣ ихъ, на сей день Господень,
 Богъ почтилъ?
 И чѣмъ вы будете
 Своё чадо милово,
 Голубя сизово,
 Лебеда бѣлово,
 Сокола ясново,
 Кнезя молодого благословляти
 И чѣмъ надѣляти?
 Куничами али лисичами,
 Заморскими звирями,
 Атласомъ или бархатомъ,
 Скатымъ жемчугомъ,
 Хлѣбомъ-ли солью,
 Или св. образомъ?
 Извольте вы вставать
 На свои рѣзвыя ноги
 И брать св. образъ,
 Въ бѣлыя руки,
 Затеплить свѣчу воскояровую,
 Выходить изъ столовъ бѣлодубовыхъ,

На широкую улицу.
 Благословляйте своё чадо милое,
 Голубя сизово,
 Лебеда бѣлово,
 Сокола ясново,
 Кнезя молодого новобрачново
 Въ путь дорогу ѣхать,
 По кнегиню молодую,
 Взеть ее за правую руку,
 За бѣлыя персты,
 За златыя персьни;
 И выводить ее на новыя сины
 На высокое крыльцо,
 На широкую улицу.
 Садить въ санки-скачки-пошевечочки,
 Ко св. церкви божіей привезть,
 Подъ златъ вѣнечъ поставить,
 Законъ божій принять,
 Заповѣдь Господню исполнить,
 Руса коса расплести,
 На двѣ заллести,
 Чесной женой назвать,
 Къ себѣ въ домъ привести».

Отецъ, мать и Петръ встали и вышли пзъ-за стола. Яковъ взялъ икону, при-
 дѣпилъ къ ней свѣчу и благословилъ сына, послѣ него благословила мать. Затѣмъ
 Петръ пошелъ одѣваться къ вѣнцу, а дружка обратился къ хозяевамъ съ новой рѣчью:

«Когда вы благословили,
 Своё чадо милое,
 Голубя сизово,
 Лебеда бѣлово.
 Сокола ясново,
 Кнезя молодого новобрачново,
 По кнегиню молодую новобрачную ѣхать,
 Извольте вы садитьча,

За тѣже столы бѣлодубовыя,
 Въ передній уголокъ,
 На бѣлодубовыя лавочки,
 Подъ св. образъ,
 Свѣчи воскояровыя,
 На то почтенное мѣсто
 Гдѣ и прежь сидѣли».

Яковъ и Татьяна снова сѣли за столъ, дружка приказалъ имъ сидѣть тамъ,
 пока поѣздъ не выѣдетъ изъ деревни. Поѣзжане стали одѣваться, а дружка обратился
 къ зрителямъ съ такою рѣчью:

Кутяна ¹⁾, полотяна ²⁾, запечана ³⁾,
 Молодыя молодичи,
 Бѣлыя лебедичи,
 Спзыя голубичи,
 Старыя и малыя ребятка,
 Благословите голубя сизово,
 Лебеда бѣлово,
 Сокола ясново,

Нашего кнезя молодого,
 Въ путь дорогу ѣхать,
 По кнегиню молодую,
 Взеть ее за правую руку,
 За бѣлыя персты,
 За златыя перстни,
 И выводить на новыя сины,
 На моста калиновыя,

¹⁾ Зрители кутянаго угла.

²⁾ Зрители, которые находились на палатахъ.

³⁾ Зрители, сидѣвшіе на печкѣ.

На высокое крылечко,
На широкую улицу,
И садить въ санки-скачки-пошевеночки,
Ко св. божіей церкви привезти,
Подъ златъ вѣнечъ встать,
Заковъ божій принять,

Заповѣдъ Господню исполнить,
Руса коса расплести
На двѣ заплести,
Чесной женой назвать,
Къ себѣ въ домъ привести».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь со всѣхъ сторонъ раздалось: «съ Богомъ!» Вошелъ совсѣмъ одѣтый Петръ. Онъ подошелъ къ отцу и слплся съ нимъ въ горячій, задушевный поцѣлуй... У сына выкатилась горячая слеза, и упала на морщинистое лицо отца, у котораго тоже закапали слезы. Отъ отца Петръ перешелъ къ матери; слезы ихъ смѣшались, въ долгомъ-же поцѣлѣвѣ слились души. Высвободившись изъ объятій матери, Петръ набожно взглянулъ на иконы, перекрестился и пошелъ изъ избы. Правыя руки отца и матери поднялись и стали творить крестное знаменіе въ слѣдъ уходившему сыну; уста же посылали благословенія. По просьбѣ дружки, начали выходить и гости. На дворѣ дружка спрашивалъ и приказывалъ:

Кнезь молодой
Тысячкой большой человекъ,
Кнезева сваха,
Большіе бояра,
Средніе, мевшіе,
Весь кнежескій молодецкой поѣздъ,
Всѣ ли вы вѣшли
Отъ кнезя молодого новобрачно

Изъ высоково тирема
На широкую улицу?
Извольте вы садитъча
На своихъ добрыхъ коней,
Въ санки-скачки-пошевеночки,
Всѣ по своимъ мѣстамъ,
Какъ соловьи по гнѣздамъ.

Когда всѣ усѣлись, въ томъ же порядкѣ, какъ за столомъ, дружка спросилъ:

«Всѣ ли вы изыли по конямъ,
Всѣ ли по саянмъ?»

И по своимъ мѣстамъ
Какъ соловьи по гнѣздамъ?»

Получивши утвердительный отвѣтъ: «всѣ по конямъ, всѣ по саянмъ» (а глѣтомъ по сѣдламъ), дружка предложилъ другой вопросъ:

«Вы сами извольте напередъ ѣхать,
Путь дорогу править,
Или миѣ прикажете?
Кто на стричу попадетъ

Или бравъ съ бракомъ сѣдетча,
Какъ прикажете поступить:
Въ сторону ѣхать
Или полудороги давать?»

На этотъ вопросъ поѣзжане отвѣчали:—«Если бракъ съ бракомъ сѣдетча, то полъдороги давать, а простому въ тылъ подавать». Послѣ такого отвѣта, дружка обратился къ зрителямъ съ просьбой:

Міръ—народъ старые,
Усатые, бородаты,
Холосты не женаты,
Вѣлы—кудреваты,
Молодчи вожеваты,
Стрѣльчи борчи,
Кулачные бойчи,
Удалые добры молодчи,
Благословите нашего кнезя,

Ѣхать въ путь дорогу,
По кнегиню молодую,
Взеть ее за правую руку,
За бѣлыя персты
За златыя перстни,
Выводить на новыя снии,
На моста калиновые
На высокое крылечко,
На широкую улицу.

Сядись въ санки сѣочки пошевечки,
 Ко святой черкви привезти,
 Подъ златъ вѣнечъ встать,
 Законъ Божій принять,
 Заповѣдъ Господню исполнить,

Руса коса расплести
 На двѣ залести,
 Чесной женой назвать,
 Къ себѣ въ домъ привести».

Зрители отвѣтили: «Съ Богомъ! въ добрый да во святой часъ»!

— Благодарствуйте, сказалъ дружка, отвѣсивъ низкій поклонъ зрителямъ и, чтобъ чего съ поѣздомъ не приключилось, онъ обошелъ поѣздъ три раза, начитывая:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Стану я, дружка храбрый, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, на широкую уличу, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ храмъ божій, святая черковь. Зайду я, дружка, храбрый передоѣжжій, во храмъ божій, во святую черковь. Въ этомъ храмѣ Божьемъ, во святой черквѣ стоитъ престолъ. На томъ престолѣ сидятъ пресвятая Богородица, дѣржитъ въ рукахъ золотое блюдо, на томъ золотомъ блюдѣ серебряна риза монашеська, стальной топоръ, хрустальныя ножнички, дѣржатъ двѣнадцать чѣпей, 12 замковъ, 12 ключовъ, золотъ копьѣ. Я дружка передоѣжжій, съ кнеземъ молодымъ новобрачнымъ, со всѣмъ бракомъ, со всѣмъ поѣздомъ, съ добрыма команима, ¹⁾ съ добрыма команичами ²⁾ помолюсь и поклонюсь Пресвятой Богородицѣ, и Ты, пресвятая Богородица, спаси, сохрани меня, дружка передоѣжжаго, со кнеземъ молодымъ новобрачнымъ, со всѣмъ бракомъ, со всѣмъ поѣздомъ, съ добрыма команима, съ добрыма команичами. Пресвятая Богородица накладываетъ ва меня, передоѣжжаго дружка, на кнезя молодого новобрачново, на весь бракъ и поѣздъ и на добрыхъ команей и на добрыхъ команичъ, серебряну ризу монашеську стальнымъ топоромъ подрубааетъ, хрустальныма ножничима остригаетъ, и закопаетъ меня, дружка передоѣжжаго, кнезя молодого новобрачново и весь бракъ и весь поѣздъ, золотымъ копьемъ въ землю въ шесть сажень въ глубину, поставитъ въ тридцать сажень тынъ въ высоту, запретъ она, пресвятая Богородица, меня, передоѣжжаго дружка кнезя молодого новобрачново, весь бракъ и весь поѣздъ съ добрыма команима съ добрыма команичами, запретъ на 12 замковъ, на 12-ть ключовъ, покинетъ ети ключи на золотое блюдо, да покесетъ Пресвятая Богородица къ Окіяну морю. Придетъ къ Окіяну морю Пресвятая Богородица, броситъ въ Окіянь море ети ключи. Въ окіянь морѣ есь рыба шшука... Прибѣжтъ. золѣзные зубы, булатныя ишкеки, слудяны глаза, мидной лобъ, схватитъ и слотитъ ети ключи, унесетъ и покинетъ подъ булатный камень, и никому же етыѣ шшуки съ моря не изловить. Не взеть никому етихъ ключовъ подъ булатнымъ камнемъ, не найти также меня, дружка передоѣжжовъ, молодого кнезя новобрачново, со всѣмъ бракомъ, со всѣмъ поѣздомъ, съ добрыма команима, съ добрыма команичиима, не испортитъ, не обурочитъ ни кому, ни колдуну, ни колдунитѣ, ни еретикамъ, ни еретичамъ, ни дѣвкамъ простоволосымъ, ни бабамъ долговолосымъ, столько имъ битъча надъ булатнымъ камнемъ, сколько не побитъча, не разбитъ, не расколотъ, также надо мвой, дружкой храбрымъ, передоѣжжнимъ, кнеземъ молодымъ новобрачнымъ, всѣмъ бракомъ, всѣмъ поѣздомъ, добрыма команима, добрыма команичами, урочливимъ, прикосельнымъ золѣзная сшча въ горло, дрсвянный камень въ зубы, овсяная мякина въ глазъ; какъ золѣзныя сичи имъ въ горло не проглотитъ, дрсвяннаго камня въ зубахъ не покусать, овсяной мякины въ глазу не псыпать, меня, дружка, не испортитъ не обурочитъ, аминь. Тѣмъ словомъ кон слова переговорилъ, всего слова нѣтъ, будь мое слово во всѣхъ словъ напередъ, будьте мои слова крѣпки, митки и памятливы; вы мои слова ключъ да замокъ и въ семь заговорѣ замокъ въ ротъ, а ключъ въ морѣ».

При послѣднихъ словахъ заговора; дружка съ подружьемъ быстро и ловко вскочили въ санн, Григорій ударилъ по лошади и пустился во весь духъ, а поѣздъ за нимъ.

¹⁾ Комани—кони, лошади.

²⁾ Команичи—кобылицы.

Скоро встрѣтились прехожій и отвѣсилъ низкій поклонъ поѣзду, а дружка продолжалъ:

Мирь-вародъ старые,
Усатые, бородаты,
Холосты не женаты,
Вѣлы кудреваты,
Молодчи вожеваты,

Стрѣльчи борчи,
Кулачные бойчи,
Удалые добры молодчи,
Благословляйте нашево князя
Молодово новобрачново.

ОЧЕРКЪ VI.

Сватанье.

Среди ночнаго мрака, какъ какое нибудь фантастическое чудовище, извивается по лугамъ и полямъ, ныряетъ по ухабамъ, виляетъ по раскатамъ, звонитъ, шумитъ, скрипитъ жениховъ поѣздъ молодецкій, и наконецъ влетаетъ въ одну, другую деревню и останавливается у избы Хруба. Лихой дружка съ подружьемъ выскочили изъ саней, и Григорій обратился къ поѣзжанамъ съ такою рѣчью:

Благословите мевя,
Передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Подѣхать ко кнегинину двору,
Къ широкому, тирему высокому,
Войти въ свѣтлыя свѣтличы,
Въ новые горничы,
Съ умильною ричью,

Съ ласковымъ словожь,
Съ низкимъ поклономъ,
Прикажете челобитье справить,
Челомъ ударить,
Низкой поклонъ воздать,
Про кнегинино здорѣвье спросить
И цю свое рассказать
И всѣмъ путь дорогу указать.

Поѣзжане отвѣчали:

— Идите съ Богомъ.

Дружка обратился къ зрителямъ:

Я, дружка передоѣжжій, ѣхаль
По чистымъ полямъ,
По быстрымъ рѣкамъ,
По большимъ дорогамъ...
Попадаетъ мнѣ встричу
Старый и малый...
Я, дружка храбрый, просилъ:
Благословите меня,
Храброво дружку передоѣжжово
И путь дорогу укажитѣ
И высокъ тиремъ поважитѣ?
Они меня благословляли,
Путь дорогу указали;
Но кнегинина двора
И высоково тирема не указали!
И сказали мнѣ:
Поѣзжай ты, дружка,
Не по широкимъ улямъ,
Не по мелкимъ тропамъ,
Не по частымъ следамъ,

По большимъ по дорогамъ,
Завдешъ ты
Въ большое село въ деревню,
На кончѣ деревни
Стоитъ высокъ тиремъ;
У высоково тирема
На широкой уличѣ
Стоитъ глазѣюшнихъ
Толпа людей,
Старыхъ и малыхъ,
Усатыхъ и бородатыхъ...
Я подѣхаль, дружка,
Къ высокому тирему.
Увидѣлъ много людей,
Старыхъ и малыхъ,
Усатыхъ бородатыхъ...
Я у васъ хочу спросити,
Не сказочку сказати,
Не загадочку загадати,
Не песенку хочу вамъ спити...

Я у васъ хочу спросити:
Та-ли кнегини широкая улка?
Тоть-ли высокъ тиремъ?
Вы мнѣ скажите, не утаитѣ:
Тоть ли высокъ тиремъ?

И тѣ-ли хрустальныя ворота?
Повторяетъ:
Тоть-ли высокъ тиремъ?
Тѣ-ли хрустальныя ворота?
Я въ здѣшнемъ селеннѣ не бываю...

Зрители отвѣчали: «тоть, тотъ»!

— Вѣрно-ли молодчи? спросилъ дружка и получилъ въ отвѣтъ:

— Вѣрно, вѣрно!

Григорій продолжалъ:

Благодарю васъ покорно!
Вы сушшую правду мнѣ объявили,
Меня не озанули,
Кнезьнинъ дворъ сказали,

Ворота показали.
Вотъ вамъ за то поклонъ
До сырой земли.
Здравія желаю, молодчи!!

Дружка съ подружьемъ стали со всѣми здороваться и отвѣшивать низкіе поклоны,
послѣ чего Григорій сказалъ:

— Разступитесь честные господа, добрые молодцы, пропустите меня ко высокому
крылечку кнегини молодой.

Зрители разступились, и Григорій съ подружьемъ пошли по крыльцу, начитывая:

Не самъ собою сюда прѣхалъ,
Не нахально, не навально,
Не самовольно названъ;
А послалъ меня кнезь молодой ново-
брачный
Домъ ее отыскать
И дорогу велѣлъ узнать.

Ежели тотъ ее самый дворъ,
Разступитесь вы на двѣ стороны,
Пропустите меня, передоѣжжово дружку,
Съ молодымъ подружьемъ,
Къ ея высокому тирему,
Ко крыльчу билодубовому.

Подымаясь на лѣстницу, онъ спрашивалъ:

У кнегини молодые новобрачные
Испоставлены ли у дверей придвернички,
У воротъ приворотнички?
Стоять ли каравулы крѣпки?
И наказано ли вамъ,
Какъ слышите наши колокольчики пивки
И меня, передоѣжжово дружка,
Приказано ли вамъ вами всячи
И запоры булатны вынимать,
И ворота хрустальны отпирать
И стричать меня, передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Отъ кнезя молодова новобрачново,
Съ ласковымъ словомъ,

Съ низкимъ поклономъ?
И вы, молодчи удалые,
У дверей придвернички,
У воротъ приворотнички
Прикажете мнѣ,
Передоѣжжому дружкѣ,
Съ молодымъ подружьемъ,
Съ широкой улицы
Сходить, подыматча
По лисинкѣ калиновой,
На крылечко дубово,
Къ воротамъ хрустальнымъ,
Иисусову молитву сотворить
И свято проговорить?

Потомъ: сами скажете или мнѣ прикажете?

Невѣстанъ дружка (по мѣстному сторожъ), изъ-за запертыхъ дверей имъ отвѣчалъ:

— Мы вамъ приказываемъ съ широкой улицы на лисинку подниматься, Иисусову
молитву творить, свято говорить.

Григорій прочиталъ Отче нашъ, затѣмъ, постучавъ въ двери, сказалъ:

Миръ вамъ!
Мы пріѣхали къ вамъ!
Здравствуйте господа!
Мы пріѣхали сюда

Погулять повеселитьча,
Съ вами познакомитьча,
Кнегниѣ передобрачной разъ-
еснитьча.

Потомъ прочиталъ: Во имя Отца и Сына и Св. Духа... «Аминь», отвѣчали изъ-за дверей. Григорій заговорилъ:

Вамъ спасибо на аминѣ,
На вѣжливомъ словѣ,
На ласковомъ привѣтѣ!
Голосъ твой слышу,
По имени назвать не знаю,
Извиличать не умю!..
Я не самъ собою сюда заѣхалъ,
Не нахально, не самовольно
Названъ по приказу ево,
Голубя сизово, лебеда бѣлово,
Кнезя молодого новобрачново.
Выходилъ я, отъ кнези молодого,
Изъ высокога тирема
На широкую улицу.
Садился я на своево доброво коня,
Въ санки-скачки-пошевеночки,
И благословлялъ меня кнезь
Молодой, новобрачной,
Попередъ ѣхать,
Путь дорогу править
И кнегини вашей дворъ отыскать
И низкой поклонъ ей воздать!
Не указалъ онъ мнѣ не пути не
дороги,
Не пѣшеходной тропинки.
Ѣздилъ я, передоѣжжій дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
По лузьямъ по борамъ,
По чистымъ полямъ,
По зеленымъ лугамъ,
По сіонскимъ горамъ...
И не путемъ и не дорогою;
Скакалъ мой добрый конь,
Съ горы на гору,
Съ холмы на холму...
Темныя лѣса хвостомъ устпалъ,
Мелкія тычины промежъ ноги пу-
скалъ.
Доскакалъ мой добрый конь
Къ синему морю, до бѣлаго озера...
Ни ково не вижу не конново ни
пѣшово;
Только и вижу,
Штѣ на бѣломъ озерѣ

Сидять гуси, лебеди
И сѣрыя утки...
И спросилъ я гусей и лебедей
И сѣрыхъ утокъ,
Вы скажитѣ, не утантѣ,
Гдѣ кнегининъ дворъ стоитъ?
Гдѣ ее высокоъ тиремъ
И широки новы ворота?
И они сказали, натакали,
Гуси, лебеди отвѣчали,
На путь дорогу указали:
Поѣжжай ты, передоѣжжій дружка
Съ молодымъ подружьемъ,
По быстрымъ ривамъ,
По чистымъ полямъ,
По большимъ дорогамъ.
Попадутча тебѣ встричу
Старый и малый.
Ты, храбрый дружка,
У старово, у малово спроси.
Тебя старый и малый натакаютъ
И путь дорогу уважутъ.
Я дружка-храбрый,
Ѣхалъ, поѣхалъ,
До чистово поля доѣхалъ.
Попадаетъ мнѣ на встричу
Старый и малый...
Я, у старово и малово,
Храбрый дружка, спросилъ:
Скажитѣ, мнѣ не солгитѣ,
Гдѣ кнегининъ высокоъ тиремъ
стоитъ?
Хотя мнѣ гуси, и лебеди сказали
И путь дорогу указали
Но я, храбрый дружка,
Гусямъ и лебедамъ не повѣрилъ.
Старые и малые,
Я хочу у васъ спросить
Вы скажитѣ, не утантѣ не солгитѣ,
Сушней правдой меня надѣлите,
На путь дорогу меня натакайтѣ.
Старый и малый
Мнѣ сказали,
Путь дорогу указали:

Поѣзжай ты, храбрый дружка,
Попадетъ тебѣ большое село, де-
ревня.

Въ томъ большомъ селѣ,
На концѣ дровни,
Стоять дворъ, какъ тиремъ,
Изба, какъ городъ.

На улочу пріѣхалъ...
Увидѣлъ стоитъ много
Старыхъ и малыхъ,
Усатыхъ, бородатыхъ,
Молодыхъ не женатыхъ
Они мнѣ, дружкѣ храброму, сказали
И княгини молодой домъ указали.

Когда изъ-за дверей послышался вопросъ:
— Откуда ѣхалъ? Куда пріѣхалъ?
Григорій отвѣчалъ:

Я, нередовжій дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Ѣхалъ чистымъ полемъ,
По зеленымъ лугамъ,
И подѣхалъ къ синему морю,
Къ бѣлому озеру,
Во зеленый лугъ
И тутъ увидѣлъ, стоитъ крестовъ дубъ.
И доѣхалъ я, нередовжій дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Подъ тотъ сырой дубъ,
Сходилъ я съ своихъ санковъ-скочковъ,
Обошелъ его вокругъ.
Крикнулъ, гаркнулъ соловьинымъ
посвистомъ,
Молодечнымъ голосомъ...

Изъ подъ тово дуба
Выскочила кунича и лисича,
Слidy проложили и тропу пробили;
И дала мнѣ кунича слидочникъ...
А не та кунка,
Которая по лѣсамъ ходитъ,
А та кунка, которая

Въ высокомъ тиремѣ сидитъ
На решетчатомъ стулѣ,
Шьетъ шелковую ширинку
Нашему князю
Молодому новобрачному.
И поѣхалъ я по тому слѣдочку,
По чистому полю,
По зеленымъ лугамъ...
И довелъ меня тотъ слидочникъ
До широкой улицы,
И на той широкой улочѣ
Стоять добры молодчи.
И спросилъ ихъ, добрыхъ молодчовъ:
Тотъ-ли княгининъ дворъ стоитъ
И тотъ-ли высокъ тиремъ?
Они мнѣ сказали, натакали
И ворота указали.
И пришелъ я къ тѣмъ воротамъ,
Палъ куній слидъ подъ воротину,
Изъ двора не вышелъ.
И вы куній слидъ отведитѣ
Либо ворота отопритѣ.

— Кто поетъ?.. Комаръ али муха?—спросилъ невидимый придверникъ.
Послѣдовалъ отвѣтъ Григорія:

Я не комаръ—не муха,
Таковой-же человѣкъ
Отъ Святого Духа,

А вы куній слидъ отведитѣ
Либо ворота отопритѣ!

За дверью сказалъ голосъ:

— Слидъ хоть до воротъ дошелъ, да подѣ кутнѣе окошечко ушелъ.

На это Григорій отвѣчалъ:

Нашъ князь молодой новобрачной,
Мышѣвыми тропами не бѣгаетъ,
Собачьимъ лазѣмъ не лазитъ,
А прямо ко княгининымъ

Воротамъ приступаетъ
И слидомъ княгинины ворота вышибаетъ.
Куній слидъ отведи
Либо ворота отопри!

Невидимка сказалъ:

— Была у насъ кунича да въ лѣсъ ушла!

Григорій отвѣчалъ:

Я не песь, не сука,
По куньему следу не хожу.
Куньяво следу не дослижаю
И куничи не стрѣляю.
Кнезю молодому на шубу не принасаю
И къ вамъ на дѣвятишникъ не поставляю.
У нашево кнезя
Шуба лисья,
Воротничкъ соболій,
Шапка боброва,
Кушакъ шелковой!
Вы одначе меня, доброво дружка, про-
пуститѣ
Во свѣтлую свѣтличу погритча.
Я, хѣабрый дружка, ѣхаль,
Переходы большіе,
Переѣзды частые.
Довѣхаль до чистово поля...
Въ чистомъ полѣ огороды худые,

Заборы частые,
Заворотнички тургіе,
Не могъ отворить
Своево доброво коня стегнулъ...
Мой добрый конь
За заборъ переекочилъ,
Копытча заломилъ,
Подкову затупилъ.
Ѣхаль, поѣхаль...
Буйнымъ витромъ поддувало,
Меня морозомъ подтыкало.
Глаза слипались,
Губы смерзались,
Вы, удалые
Добры молодчи!
Ворота отопритѣ
Меня, храброво дружка,
Погритча пропуститѣ.

За дверью отвѣчали:

— У нашей кнегини горничка не топлена, холодна, и вамъ, храбрый дружка, не согрѣтъча...

Григорій возраплъ:

У васъ горничка
Топорами рублена,
Мохоу перекладена,
Буйными витрами не поддуваетъ.
Глаза мои не сольнутча,
Губы мои не смерзнутча,
Съ меня, храброво дружки,
Цѣть-отъ горохоу польетъ,

Пѣна клубками поидетъ.
Штѣ вы сами ѣдитѣ—кушаетѣ,
Сами надкушайте и намъ подайтѣ.
Вы, удалые,
Добры молодчи,
Ворота отопритѣ
И въ свѣтлую свѣтличу ко кнегинѣ
Меня, храброво дружка, пропуститѣ.

Изъ-за двери отвѣчали:

— У насъ кнегиня молодая въ банѣ паритча.

Григорій гордо возразилъ:

Я, дружка храбрый,
По прибанничкамъ не хожу,
Кнезя молодого въ чужой банѣ не
парю,
У насъ у кнезя молодого
Дома баня дубова,
Двери мидны,
Замки булатны,
Ключи златые.
Въ евтой банѣ
Полокъ хрустальной,
Тазы мидны,

Мыло москосько.
Ты, кнегиня молодая,
Не скочись, не гордись
Въ чужой сторонѣ,
Въ банѣ на полокъ не скачи,
Если скочись, то ножки обварись.
Вы, удалые,
Добры молодчи,
Ворота отопритѣ
И меня, храброво дружка,
Въ свѣтлую свѣтличу
Ко кнегинѣ пропуститѣ!

Изъ-за двери отвѣчали:

— Ты, дружка, обратно домой поѣзжай и прїѣзжай къ намъ, не нагъ не обочень, и коня свое поставь не на дворъ, не на улицу.

Григорій отвѣчалъ:

Я, дружка храбрый,
Домой не отъѣзжаю,
Конопля не пряду,
Неводовъ не вяжу,
Да на себя мерезъ не натагаю,
А своево доброво коня
Ставить не на дворъ

Ни на улицу нельзя—
Дуга высока..
Санки—скоцьки,—пошевеночки.
Вы удалые, добры молодчи,
Ворота отопритѣ,
Меня, храброво дружка, пропуститѣ.

За дверью послышалось:

— У насъ кнегиня молодая замкомъ ворота заперла и ключъ въ морѣ кинула.

Григорій продолжалъ:

Нашъ князь молодой новобрачной,
Ѣздилъ къ синему морю,
Нанялъ рыбныхъ ловчовъ,
Удалыхъ молодчовъ,
Кинуть въ сине море,
Шелковый неводъ,
И въ той тонѣ
Попала бѣлая рыбича,
И въ той бѣлой рыбичѣ
Нашелъ нашъ князь новобрачной
Отъ хрустальныхъ воротъ
Золотые ключи;
И послалъ меня князь
Молодой новобрачной,
Съ молодымъ подружьемъ,
Со златыми ключами,

Ко кнегинѣ молодой новобрачной,
Къ высокому тирему,
Подъ кутнѣ окошко..
И кнегиня молода новобрачная
Снимала съ себя
Шелковый поясекъ,
И на томъ шелковомъ пояскѣ
Златые ключи принимала.
И вы сходите ко кнегинѣ
Молодой новобрачной
Въ высокъ тиремъ,
И ее златые ключи возьмите,
И ворота отоприте,
И меня, передоѣжжово дружку,
Со молодымъ подружьемъ,
Къ ей, въ высокъ тиремъ, пропуститѣ.

Не зная, что больше спрашивать, изъ-за-двери отвѣчали:

— Передала намъ наша кнегиня молодая ключи золотые, штѣбъ мы двери отворили, гостей просили.

Дверь отворилась, и невѣстинъ дружка сказалъ:

— Милости просимъ, дорогіе гости!

Но Григорій не тронулся съ мѣста и сталъ начитывать:

Придвернички у дверей,
Приворотнички у воротъ,
Отпирайте замки висачія,
Вынимайте запоры булатныя
И кладите съ нашей стороны на лѣво,
А съ вашей на право.
Отворяйте ворота хрустальные
И пропускайте меня,
Передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ
На мосты калиновыя.

И ешшо извольтѣ намъ сказать,
Не угаить: Не имѣтча-ли у вашей
Кнегини молодой новобрачной,
На новыхъ сняяхъ, переходовъ соломен-
ныхъ близко?
Перекладинъ низко?
Штѣ-бы намъ ступить, не оступитча
Шапки не спшибить,
Головы не разспибить..
Здрастуйте, сватовья и сваты.

Стоящіе у дверей стали увѣрять его, что опасаться нечего; но Григорій не вѣрилъ и продолжалъ начитывать, переступивъ одной ногой за порогъ, а другой сталъ

на крыльцѣ (чтобы не попасть въ просакъ, таеъ какъ не рѣдко дружка невѣсты, желая сконфузить противника, вынимаеъ у входа половны доски).

Которые стояли у дверей придверники,
У воротъ приворотнички,
Сходили бы ко кнегинѣ
Молодой новобрачной,
Въ ея высокъ тиремѣ и доложили.
Послала бы она гостей полюбовныхъ
Встрѣтить нашево кнезя
Молодова новобрачново,
Безъ тово идти не хочеть,
Ко кнегинѣ молодой новобрачной.
Въ томъ ее просить:
Лисенки перебрать,
Высокое крылечко приупустить,
Колоды разобрать,
Пороги вынять;
По калновымъ мостамъ
Сукна разостлатъ—
Нашему кнезю
Молодому новобрачному
По лисенкѣ пройти,
Шагу не прибавить,
Черезъ высокіе пороги
Ногъ не водымать,
А по сукнамъ пройти,
Сапоговъ не замарать.
У нашево кнезя
Шуба то лисья,
Воротникъ то соболій,
Шапочка боброва,
Кушакъ полковой,—
Сапоги то со скрипомъ,
Подборы высоки,

Невѣстину дружка отвѣчаеъ:

— Кнежино желаніе мы исполнимъ, и кнегини молодой сами пожалуйте стить. Милости просимъ, дорогіе гости.

Григорій, оставаясь въ томъ же положеніи, началъ спрашивать:

Которые стояли у дверей придвернички
Извольте вы брать
Своею правою рукою за скобу,
Отворяйтѣ двори на пяту
И пропушайтѣ меня,
Передоъжжово дружку,
Съ молодымъ подружьемъ,
Ко кнегинѣ молодой новобрачной
Въ высокъ тиремѣ
Челобитѣ сиравить,
Челомъ ударить,
Низкій поклонъ воздать.

Закаблучья мидны,
Шпору серебряны.
А у нашей у сватеньки,
Вашмачки бархотны,
Чулочки войлошны,
Шубка атласна,
Кушаки красны,
Выпушка боброва,
Фата то полкова.
И въ чемъ нашъ кнезь
Молодой новобрачной просить—
Вы все то должны исполнить;
А ежели тово не исполнитѣ,
Нашъ кнезь молодой новобрачной
Безъ тово въ домъ вашъ не поидеть
Извольте нашево кнезя
Молодова новобрачново,
Съ широкой улици,
Въ высокъ тиремѣ
На себѣ уести
И весь его кнежескій молодецкій
поѣздъ,

На себѣ перенести.

И ешшѣбы кнегиня молодая новобрач-
ная

Приказала бы поставитъ
Къ нашимъ конямъ,
Молодыхъ конюховъ,
Привезать ихъ за столбы бѣлодубовые,
За кольча серебряны, позолочены,
И штѣбы на нашихъ коняхъ
Збруя была чѣла и сохранина.

И ешшо извольтѣ намъ сказать,
Не утантъ, не ниѣтча ли
У кнегини молодой новобрачной
Въ высококъ тиремѣ подъ столемъ
Собаекъ кусливыхъ,
На печѣ старухъ шумливыхъ,
Маленькихъ робить ревливыхъ?
И приказала бы кнегиня
Молодая новобрачная
Собаекъ изъ подъ стола выташшить,
Садить на чѣлп,
Старухъ въ подпольѣ,

Маленькихъ робять въ колыбели;
Штѣбъ собаки меня не искушали,
Старухи не обругали,
Маленькія робята не обревѣли,
Дали бы со кнегиньми
Отчемъ и матушкой
Переговорочку кониѣть.
Ешиѣ у кнегини

Молодой новобрачной
Пороги высоки,
А у меня, передѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ
Ноги худне,
Скозь за порогъ!
Едва ноги переволокъ!

И съ предпоследнимъ словомъ вошелъ къ избу, а за нимъ и подружье.

Ужъ вы, игричи пивичи,
Молодые молодичи,
Сизыи голубичи,
Красныя дѣвичи,
Дѣвки отечки,
Жоны молодечки,
Шолковыя на васъ,
Алевскія платочки,
Бѣлыя волосочки,
Кудрявы ваши височки,
Брови щипаны,
Лича смазаны,

Косы тавуты;—
Походка ваша умильная,
Говора лебедная,
Вы призамолкните, пріутихните.
Дайте мнѣ, передѣжжово дружкѣ,
Съ молодымъ подружьемъ,
У кнегинѣ молодой новобрачной
Въ высокомъ тиремѣ,
Въ здѣшнемъ домѣ благодагномѣ,
Съ отчемъ матушкѣй
Переговорочку пониѣть.

Григорій, остановившись подъ полатями, началъ начитывать:

Я, дружка храбрый,
На ногу не вертокъ
На кулакъ не боекъ,
На ухо не чутокъ,
На глазъ не зорокъ.
Стары, усаты, бородаты,
Кутяна, полотяна,
Разступитесь, разшатитесь
На всѣ четыре стороны,
Давайте мнѣ, храброму дружкѣ,
Пройти, проѣхать
Съ кнеземъ молодымъ
Въ свѣтлую свѣтличу
Ко кнегинѣ молодой.
Надо малому
На ногу не наступить,
А старому ноги не придавить.
Я, дружка храбрый,
По высокому тирему поскакиваю,
Съ ноги на ногу поступаваю,
У меня, дружка, у вертушки
Косые глаза:
Черезъ глядку глядять,

Жонитча хотять,
Старые, усаты, бородаты,
Кутяна, полотяна,
Вы всѣ слушайте, послушайте,
Своихъ жонъ въ люди не отпускайте
И чужихъ не приласкайте.
Съ чужими жонами
Постель мягка,
Пряники сладки,
Вино зелено и горько,
Пиво пьяно,
Жить бы съ ними только!
Съ свѣтлыми жонами
Постели не мягки,
Пряники не сладки
Пиво не пьяно,
Вино не зелено и не горько,
И жить съ ними не столько!
Нашему кнезю молодому
Съ нашей со кнегинею молодой,
На совѣтъ да на любовь
Да на долгій вѣкъ.

Дойдя до середины наговора, онъ вышелъ съ подружьемъ изъ подъ полатей, сталъ ухарски похаживать по избѣ и кончивши наговоръ, сказалъ;

Штей-то евто у васъ, хозейнъ, пороги такіе—я всѣ рѣзвыя ноженьки переломалъ?

— О наши пороги хорошіе люди ногъ не ломають: врешь ты дружка храбрый, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.

— Я кажись тоже хорошій человекъ, и вратъ кажись не охочь, да ноженки переломаль. А коли о пороги хорошіе люди ногъ не ломають, то меня изурочили кутана... Иди ты, подружье, смотри черезъ рѣзной брусь, у козо тамъ черны глаза, штѣ изурочили меня! продолжалъ Григорій.

— Мнѣ не посмотреть, отвѣчалъ подружье.

Штѣ не дорось видно? ну я самъ посмотрю, сказалъ Григорій и посмогрѣлъ черезъ брусь, въ куть.

Дѣвушки притворно всполошились, закрыли лицо руками, а сами сивозъ пальчики посматривали на красиваго дружку.

— Вы штѣ авто голубки сизы отшатились отъ меня, какъ отъ лютова коршуна? Вы хотъ однимъ глазкомъ на меня взгляните, бѣло личо покажите, да писенку пропойте! сказалъ весело Григорій и зачиталъ:

Ждетѣ-ли нашево князя
Молодова новобрачново,
На сей день Господень,
Къ себѣ въ высокъ тиремъ,
И со всѣми гостями полюбовными?
И все ли въ вашемъ домѣ благодатномъ
Исправно? Затеппены ли у Святыхъ об-
Свѣчи воссоярковыя? [разовъ
И названы ли у кнегини
Молодой новой
Всѣ гости полюбовные?
И поставлены ли въ вашемъ домѣ бла-
годатномъ

Столы бѣлудубовые?
И на столахъ бѣлудубовыхъ.
Набраны ли сватерки шелковыя,
Есьва сахарныя,
Шнѣя мидяныя?
Исполнены ли
По краямъ ложечки
Ножички булатныя,
Вилочки точеныя
Тарелочки золоченыя?
Вштѣ въ переднемъ уголочѣ,

Отвѣтъ:

— Вѣрно такъ!

Ешшо приказалъ князь
Молодой новобрачной
У вашей милости спросить
Про кнегиню молодую новобрачную,
Какова она?
Все ли въ добромъ здравіи пребываетъ
И ево къ себѣ дождала ли?
А нашъ князь молодой новобрачной
Находитча въ добромъ здравіи,

На бѣлудубовой лавочкѣ,
Посланы ли куньи шубочки,
Собольи лапочки:
Штѣбы нашему князю
Молодому новобрачному придти и исть.
Все ли готово и все ли исправно?
Я не самъ собой сюда пріѣхалъ,
Не нахально, не навально,
Не самовольно. Позванъ
Съ поприказу ево,
Голуба сивозо,
Лебеда бѣлово,
Сокола ясново,
Князя молодова новобрачново,
О чемъ имѣю самъ доложить,
Штѣ прежде меня были посланы
Сватовья вѣрны,
И именно правду сватали,
По рукавъ бились,
Вогу молились,
О приданомъ торгъ ижѣли,
За столами рука за руку брали,
Ноги за ногу зашлетали.
Было ли такъ?

По вашему кривѣтствію,
На своихъ добрыхъ коняхъ,
Со всѣмъ молодецкимъ поѣздомъ,
Какъ младъ ясенъ соколъ летаетъ,
Сюды постѣваетъ
Князь молодой новобрачной
Челомъ ударить, челобитье справить,
Низкой поклонъ воздать.

Получивши утвердительный отвѣтъ, дружка съ подружьемъ поклонились отцу и матери Тани, и Григорій продолжалъ:

И когда я отъ князя
Молодово новобрачно
Принесъ вамъ висточку,
Челобитье справилъ,
Челомъ ударилъ,
Низкій поклонъ воздалъ.
Ешше приказалъ князь
Молодой новобрачной
У княгини молодой новобрачной
Спросить, чѣмъ она будетъ встричати
И чѣмъ ево въ домъ
Къ себѣ приглашати?
Куничами лисичами ли?

Черными соболями?
Заморскими зверями?
Атласомъ ли бархатомъ?
Златомъ ли серебромъ?
Или сватнымъ жемчугомъ?
Хлѣбомъ ли салю?
Сладкимъ медомъ?
Или пьянымъ пивомъ?
И вы сами изволите
Нашего князя
Молодово новобрачно
Встрѣчати или намъ прикажите?

На этотъ вопросъ Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна отвѣтили:
Мы вамъ приказываемъ!

Григорій подошелъ съ подружьемъ къ столу и продолжалъ:

У княгини молодой новобрачной,
Имѣтча ли, по нашему, сватенка,
А по ее хрѣсная матушка?
Наряжена ли какъ куколка?
Просимъ покорно
Налить вина чарку
И пива чашку,
Вытти, выступить
Съ высокаго тирема
На широкую улицу
И встритить нашево
Князя молодого новобрачно сва-
тенку;

А наша сватенка не ходитъ
Не по землѣ не по снѣгу.
Ходитъ она по атласу и бархату
И по нѣмечкиимъ сукнамъ.
Извольте вы ихъ послать,
Да нашу сватенку встритить;
А наша сватенка прѣхала,
Очень горделива и снѣсива...

Недѣйя до нее,
Три раза поклонись
Да тогда къ ней приступись.
И брала бы она за бѣлыя руки
Изъ саней подымала,
Въ сахарныя уста човала,
Чарку вина и чашку пива подавала
И тогда въ высокъ тиремъ при-
зывала,
А ежели она безъ вашего встрити-
ченья
Изъ саней выйдетъ на широкую
улицу
И будѣтъ здыматча по лисенкѣ
калиновой
На крылечко бѣлодубово,
На первую ступень ступить,
Сто рублей вамъ платить,
А другую двисти, а третью триста,
А на моста калиновыя зайдетъ,
Вашему дому не будетъ подъѣму.

Затѣмъ, взявши со стола блюдо, положилъ на него три мучныхъ пирога, два внизу рядомъ, а одинъ на верху. Подружье взялъ ендову съ пивомъ. Пироги и ендову покрыли кусками бѣлаго холста, и Григорій зачиталъ:

Когда вы мнѣ приказали
Нашево князя молодого новобрачно
Встритить, прикажите ево

Къ себѣ въ домъ позвать,
Со всѣми гостями его подлю-
бовными?

Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна отвѣчали:

— Мы вамъ приказываемъ просить его со всѣми гостями подлюбовными.
Григорій опять сталъ просить:

Ещё бы приказали засвѣтить
Свѣчу сальную и намъ посвѣтить
Штѣбъ мнѣ, передоѣжжѣму дружкѣ
За штѣ не залпуча,

Пироговъ не уронить,
А подвоському пива не пролить,
Всѣмъ будетъ чесно
И намъ хорошо.

Свѣчу зажгли. Крестный Тани взялъ ее и сталъ свѣтить; Григорій же съ подружьемъ вышли изъ избы. За ними вышла крестная мать Тани съ двумя стаканами водки, за нею гости со стороны Тани. Григорій съ подружьемъ, свахой и гостями тоже спустился съ лѣстницы на улицу и обратился къ Петру и его поѣзжанамъ съ слѣдующею рѣчью:

Кнезь молодой новобрачной,
Милости просимъ сходить
Съ широкой улицы,
Подыматча по лисенкѣ кленовой
На крылечко дубовое,
На моста калиновой.
Бьетъ челомъ и встричаетъ
Кнегиня молодая новобрачная

Хлѣбомъ, солью, сладкимъ медомъ
И сверхъ тово пьяной переварой!
Извольте пирога ломать
На двое, стыкать въ одно мѣсто
И сливать пиво на трое,
Первый разъ пониже,
Второй разъ повыше,
А третій разъ и тово повыше!

Когда Петръ вышелъ изъ саней, Григорій, снявъ холстъ, поднесъ ему блюдо съ пирогами. Петръ переломалъ пироги, сложилъ ихъ концами и въ прежнемъ порядкѣ положилъ на блюдо; передавъ блюдо ближайшему изъ гостей Григорій раскрылъ ендову, зачерпнулъ ковшемъ пива, поднялъ надъ ендовой и вылилъ обратно; зачерпнулъ другой разъ, поднялъ повыше и вылилъ обратно, зачерпнулъ третій разъ, поднялъ еще повыше и вылилъ назадъ (этотъ обрядъ соблюдается вслѣдствіе повѣрья, что отъ него жизнь жениха съ молодою будетъ дѣлаться лучше и вѣрнѣе). Свахи въ это время здоровались, цѣловались и пили водку, стараясь выпить скорѣе одна другой, а то медленно пьющей сейчасъ бы долили стаканъ. Григорій же обратился къ жениху и поѣзжанамъ съ наговоромъ:

Кнезь молодой новобрачной
И весь кнежескій молодецкій
поѣздъ!

Приказала мнѣ кнегиня
Молодая новобрачная
Позвать, попросить
Въ её высокъ тиремъ,

Погостить, хлѣба кушать,
Да сладково меду пить.
Не всѣмъ поиманно,
А всѣмъ челомъ бьетъ,
Низко кланяетча.
Милости просимъ!

Установивъ порядокъ, какъ кому идти, началъ подыматься на лѣстницу съ наговоромъ:

Господи Исусе Христе!
Ѣхалъ я, храбрый дружка,
По чистымъ полямъ,
По зеленымъ лугамъ.
Ѣхалъ попоѣхалъ,
До кнегинина двора доѣхалъ.
Кнегининъ дворъ
Мнѣ добрые люди зыскали,
Хрустальныя ворота указали.
Я—храбрый дружка,

Меня у хрустальныхъ воротъ
Долго держали:
Все загадки загадывали,
Одной загадки не заганули,
То я бы, храбрый дружка, отганулъ ¹⁾,
А ворота отпирали,
Меня, храбраго дружку,
Въ сини пропускали.
На бѣлодубовомъ крылечкѣ стоялъ
Весь я озябъ, весь перезябъ.

¹⁾ Слѣдовало-бы—какой бы загадки ни заганули, то и пр.

У кнегини молодой,
 Попросиль родимаго батюшку
 И родную матушку.
 Онъ меня, храбраго дружка, встрѣ-
 тили
 Хлѣбомъ солью,
 Пивомъ пьянымъ,—
 Вы, стары малы

Усаты, бородаты,
 Растунитесь, разшатнитесь!
 У меня, храбраго дружки,
 Съ пива пьянаго,
 Серьчо захватило,
 Голова кружитча:
 Надо кому на ногу не наступить,
 И ноги не отдавить!

За Григоріемъ пошелъ Петръ, за Петромъ крестный его, потомъ тысящій и другіе поѣзжана по старшинству. Между зрителями пронесся говоръ: идутъ, идутъ! и дѣвушки въ кутѣ заѣли:

Какъ на улицѣ дожди идутъ,
 Да на мосту роса падеть,
 Въ тирему дары деруть,
 На блюдечко кладуть,
 Да на то на серебрянное
 — кого дарить хотять?
 — милую ладушку
 — Петра Яковлича!
 — дарить хотять, жаловать.
 — Петра Яковлича.
 — принимай дары, не крятайся ¹⁾
 — бери даръ, не гнѣвайся!
 — не гнѣвайся да некотосайся, ²⁾
 — въ уголь, рожей не ворочайся,
 — не дивуйте ³⁾ бояра,

Да на мои хитры ⁴⁾ дары:
 — мои тѣ хитры дары,
 — не тонко прижены,
 — не сизно ⁵⁾ вытканы
 — не бѣло убѣлены,
 — не вамъ были лажены,
 — вамъ пригодилися,
 До васъ долежалися.
 А будете насъ дарить,
 Такъ мы васъ будемъ хвалить,
 Да добро говорить;
 А не будете насъ дарить,
 То мы будемъ васъ бранить,
 Да и не добро говорить,
 Да бранно, порато ⁶⁾ собаковато ⁷⁾.

Съ послѣднимъ словомъ Григорій вошелъ въ избу и сказалъ громко:
 — Здравствуйте сваты и сватьяшки, родъ и племя!
 Ему Иванъ съ Татьяной и другіе отвѣчали:
 — Милости просимъ, дорогіе гости!

Въ дверяхъ показался Петръ, хозяева встрѣтили его у дверей, поздоровались съ нимъ и просили пожаловать къ столу, Петръ бодро вошелъ въ избу, снялъ верхнюю шубу, отдалъ её родственникамъ Тани, помолился иконамъ, поклонился на право и на лѣво и сталъ у стола.

Тани изъ-за-занавѣски стала разглядывать лицо своего Петруши и прошептала три раза: «не я тебя боюсь, Татьяна Ивановна, а ты, Петръ Яковлевичъ, меня бойся!»

Подружки Тани не отставали отъ нея: онѣ тоже высмотрѣвъ изъ-за-занавѣски какого нибудь красавца, отсылали къ нему свои нашептыванія, и каждая изъ нихъ, чтобы привлечь къ себѣ этого красавца, читала въ устѣ наговоръ.

За Петромъ начали входить поѣзжаны. Они отдавали верхнее платье родственникамъ Тани, а сами становились полукругомъ на срединѣ избы; сватенка-же стала поближе къ кути. Крестный-же отецъ Петра подошелъ къ Ивану Петровичу, сталъ тихонько трепать его по плечу и начитывать про себя:

¹⁾ Не капризничай.

²⁾ Не ломайся отъ слова «котосать» — ломать, мѣстное выраженіе.

³⁾ Не осуждайте.

⁴⁾ Не мудры.

⁵⁾ Не гладко, не чисто.

⁶⁾ Очень.

⁷⁾ Не хорошо.

Какъ безъ пару, безъ жару,
Не могутъ не жить не быть,
Такъ-бы безъ моего жениха,
Не могли не жить и не быть,
Ни дни дннвать,
Ни ночи спать,
Ни часу часовать,

Ни минуты миновать,
Ни времени коротать,
Ни на постелѣ лежать,
Спали-бы, лежали,
Все-бы моего жениха
На умъ дѣржали,
Отъ нынѣ до вѣка, Аминь!

Когда вошли всѣ гости и внесли за свахой ящикъ съ дарами, Григорій обратился къ хозяйкамъ съ монологомъ:

Садите князя молодого новобрачно
За скатерти шелковыя,
За сахарныя питья медовыя,
За ложечки кленовыя,
Ножички булатныя,
Вилочки точены,
Тарелочки золочены,
И садите ево въ передній уголокъ,
На бѣлудобныя лавочки,
На куньи шубочки,
Собольи лапочки,
Подъ святныя образа,
Свичи воско-яровыя,

На почтенное мѣсто,
Гдѣ ево на сей день Господень
Богъ почтилъ.
И всѣхъ нашихъ поѣзжанъ,
Князя молодого новобрачно
Гостей полубоныхъ
Извольте садить по чинамъ
По мѣстамъ почтеннымъ,
Кому подлѣ ково подлежить,
А меня, передоѣжжово дружку,
Съ молодымъ подруженьемъ,
На бѣлудобову скамеечку,
Къ приголовочку.

Отецъ и мать Тани просили гостей садиться за столы, какъ кому дружка храбрый укажетъ. Григорій рассадилъ по порядку всѣхъ гостей и, посадивъ Петра, оставшагося у стола, обратился къ хозяйкамъ съ начитываньемъ:

Извольте къ бѣлудобовымъ
Столамъ приступитча,
У всево браку, у всего поѣзду,
У большихъ бояръ,
У меньшихъ бояръ
Шапочки рукавички прибрать,
Шубы куньи не измять;
У нашево князя молодого
Шуба-то кунья,
Воротникъ-отъ соболій,
Вынужка боброва,
Шапочка кухова,
Кушакъ-отъ молковой,
А перчаточки-то
Изъ Сибири доставаны
И дорого плачены,
Чѣны не списаны или писказаны.
У нашей княгини молодой новобрачной

Сватенки шубочка атласная,
Кушакъ-отъ красной,
Фата-то шолкова,
На головѣ кокошникъ,
На голѣ золотой.
Извольте все у насъ
Прибрать и убрать,
Подагъ положить,
Поближе возьмете
И намъ на руки сдайтѣ, не утеряйтѣ.
Какъ отъ насъ съ рукъ снимаете,
Такъ намъ и на руки сдавайте,
То вамъ будетъ чесно
И намъ хорошо.
Вѣрно-ли такъ? слушайте!..
Ему въ отвѣтъ
«Вѣрно такъ, слушаемъ»...

Иванъ Петровичъ съ женой отобрали у поѣзжанъ рукавицы, шапки и отнесли въ голбець, а Григорій ихъ спросилъ:

Извольте къ бѣлодубовымъ
Столамъ приступить,
И хочу у вашей милости спросить:
Сами-ли вы изволите садить
Кнегиню молодую новобрачную
За столы бѣлодубовы,
За скатерти шелковыя,
За сахарныя пѣтъя медовыя,
За ложечки кленовыя,
Ножички булатныя,
Вилочки точеныя,
Тарелочки золоченыя,

Посадите ее во передній уголокъ
На бѣлодубовую лавочку,
На куньи шубочки,
Собольи лапочки,
Подъ святѣя образа,
Воско-яровыя свичи,
Подлѣ князя молодого новобрачново,
На то почтенное мѣсто,
Гдѣ ее Господь Богъ
На сей день почтилъ,
Или намъ прикажите въ куть
За занавѣсу итти?

На это Иванъ Петровичъ съ женой отвѣчали:

— Мы вамъ приказываемъ.

Заручившись этимъ совѣтомъ, Григорій взялъ со стола блюдо и подошелъ къ сватенкѣ, которая, оперевъ ящикъ, выложила на блюдо туалетныя принадлежности: мыло, румяна, бѣлила и т. п. Григорій пошелъ съ блюдомъ къ кути, а подружье по-несъ за нимъ братыню съ пивомъ. Приподнявши занавѣску, Григорій заговорилъ:

Ужъ вы, игричи-пивичи,
Молодыя молодичи,
Красныя дѣвичи,
Пирожныя мастеричи,
Шанежныя ¹⁾ голубчи,
Дѣвочки отечки,
Жоны молодечки!
Шелковыя на вась
Аленькія платочки,
Бѣлыя волосочки,
Кудрявыя ваши височки,
Брови щипаны,
Рожи мазаны,
Носы тянуты,
Подчеревочки ²⁾ глажены,
Къ дѣвичнику лажены.
Походка ваша умильна,
Говора лебедина.
Разступитесь вы, разшатитесь
На двѣ стороны!
Пропустите меня,
Передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружемъ,
Отъ нашего князя
Молодово новобрачново,
Въ куть за занавѣсу,
Частую, перебранную,
За тонкую полотнянную,

До кнегини молодой новобрачной
Съ подарками,
Съ чулочками, башмачками,
Зъ мыльчиима, бѣлильчиима,
Съ румянчиима, зеркальчиима
И гребешкомъ.
Ты, кнегиня молодая, новобрачная,
Изволь встать
На свои рѣзвыя ноженки!
Мы бьемъ челомъ,
Низко кланяемся
Кнегине молодой новобрачной,
Милости вашей подарками,
Чулочкима, башмачками,
Мыльчемъ, бѣлильчемъ, румянами,
Гребешкомъ и зеркальчемъ
И сверхъ тово сладкимъ преничкомъ.
Протягай ты
Свои бѣлыя рученьки,
Принимай отъ князя
Молодово новобрачново подарки
И отдавай своей родной матушкѣ.
Принимай мало,
Почитай за благо!
У нашево князя
Молодово новобрачново
Волѣе не случилось.

¹⁾ Лепешка, налитая сверху толченымъ картофелемъ, въ прѣсномъ молокѣ.

²⁾ Разноцвѣтныя пояса съ кистями.

Дѣвушки разступились, а Таня встала на ноги. Григорій съ блюдомъ въ рукахъ, а подружье съ братыней остановились передъ ней. Какъ будто не замѣчая, что Таня уже стоитъ, Григорій продолжалъ:

Ты, княгиня молодая,
На ножки встань,

Подарочки прими
И низкій поклонъ воздай!

Таня протянула было руку за подарками, но Григорій быстро отдернулъ блюдо и сказалъ:

Экая ты, княгиня молодая,
Спѣсивая и гордая:
На рѣзвыя ноженьки не вставала,
А подарочки принимала,
Ни низко поклоня не воздавала.

Ты, княгиня молодая,
На рѣзвыя ноги вставай,
Поклонъ воздай,
А тогда и подарочки принимай!

Таня опять было протянула руку къ подаркамъ, но Григорій опять отдернулъ блюдо и сказалъ:

Какъ бѣлая берозонька устилаетча,
Такъ княгини молодой новобрачной
Рученька за подарочками протягаетча.

Послѣ этихъ словъ Таня отвѣсила Григорію три поклона, и онъ со словомъ: принимай, благословясь,—подалъ ей подарки, а подружье пиво, прося откушать. Таня взяла подарки, передала ихъ матери, откушала пива и передала братыню подругамъ, взяла у Григорія блюдо, положила на него полотенцо, вышла изъ куты, низко поклонилась Петру и поднесла полотенцо. Петръ взялъ полотенцо, поблагодарилъ Таню, и она возвратилась въ куть. Выйдя съ подружьемъ изъ куты, Григорій заговорилъ:

Ужъ вы игричи, пивичи,
Молодыя молодичи,
Разступитесь, разшатитесь
На всѣ четыре стороны,
Пропустите отъ нашего князя
Молодого новобрачново
Сватенку въ куть,
За занавѣску частую, перебранную,
За тонку полотняную:
До княгини молодой новобрачной
Взеть ее за правую руку,
За бѣлыя персты,
За златыя перстни,
За столъ вести ея,
За столы бѣлодубовые,
За скатерти шолковыя,
За ясьва сахарныя,
За питья медовыя,
Ножички булатныя,
Вилочки точены,
Тарелочки злачены,
Посадить ее въ передній уголокъ
На бѣлодубовую лавочку,

На кунья шубочки,
Собольи лапочки
Подъ святныя образа,
Свѣчи воско-яровыя,
Подлѣ князя молодого новобрачново
На то почтенное мѣсто
Гдѣ ея на сей день Господень
Богъ почтитъ.
Вотъ вамъ за то чашечка пивча
За добрыя серьча.
У нашево князя молодого новобрачново
Пиво сварено,
Медомъ наживлено,
Солодъ вяцьской,
Хмѣль казаньской,
Хмѣль сажѣнъ зеленымъ виномъ поливанъ,
А шишечки завязались,
Сладкимъ медомъ наливались!
У нашево князя молодого новобрачново
Пивовары моськоьскыя,
Солода ростосьскыя.
У нашево князя молодого новобрачново
Чаны дубовы,

Лопаточки виресовы ¹⁾
 Пиво варено,
 Каменьешъ кипячено,
 Отъ камня-то ключъ пробило.
 На нашемъ пивѣ пѣны клубукъ—
 Не можно продуть!
 Кто еву пѣну продуетъ,
 Тотъ въ лапки обуесть,
 Губы надуесть,
 Сопли распуститъ,
 Писенки запоетъ,
 Съ ногъ не спадетъ

И дождь пойдетъ.
 Ахъ! пиво какъ суслечо!
 Чашечку прибоча,
 Въ устахъ примоча,
 Въ чашечкѣ не станеть,
 Къ ретиву сѣрчу пристанеть,
 Уста ваши слипаютча,
 Ножки подшибаютча,
 Съ ногъ чулки опушшаютча,
 Извольте принять, не посердитча
 Принимайте за мало,
 Почтите за благо.

Тотчасъ по окончаніи этого наговора, Пантелѣевна отправилась въ кутъ, поздоровалась съ Таней и, взявъ ее за правую руку, повела изъ кути, а дѣвушки заплѣли:

Мы тебѣ наказывали,
 наказавали да наговаривали:
 Не выступай ты изъ-за занавѣски,
 Не выступай ты изъ-за берчатые
 Не ходи ты за дубовыя столы,

За драны скатерти;
 Не садись подлѣ чужа мужика:
 Чужъ чуженинъ
 Со чужой стороны.

Петръ сдѣлалъ шагъ на встрѣчу Тани, взялъ ее своей обернутой въ платокъ рукой за правую руку, обвелъ ею вокругъ своей головы и ловко, перевернувшись подъ рукой, поцѣловался съ своей невѣстой.

Побѣжденные вышли изъ за стола, подходили, цѣловались съ Таней и опять становились полукругомъ, въ ожиданіи вторичнаго приглашенія, сѣли за столъ. Григорій обратился къ хозяйкамъ съ просьбой:

Изъ всево роду племени,
 изъ братьей родныхъ
 или изъ шурьей дорогихъ,
 Вы къ бѣлодубовымъ столамъ приступите,
 Поищите изъ всево роду племени,
 кто бы намъ свято проговорилъ?

И нѣтъча ли въ нашемъ благодатномъ домѣ
 Изъ поповъ, дяконовъ, дяковъ, пономарей
 изъ грамотныхъ людей?
 Изволько бы свято проговорить.
 Сами скажете
 Или намъ прикажете?

— Хозяйка отвѣчала: «мы вамъ приказываемъ».
 Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ Григорій продолжалъ:

Извольтѣ къ бѣлодубовымъ
 столамъ приступить.

Свѣчи воскопковыя
 къ святымъ образамъ засвѣтить.

Иванъ Петровичъ подошелъ къ образамъ и засвѣтилъ свѣчку—всѣ, кто сидѣлъ, встали, а Григорій прочиталъ свято (отче нашъ) и погасилъ свѣчку. Пантелѣевна подлетѣла къ Петру и Танѣ, взяла ихъ за руки, повела за столъ въ передній уголъ и усадила на разосланную на лавкѣ бѣлую овчину шерстью въ верхъ и проговорила:

Съ Богомъ садитѣся,
 со Христомъ садитѣся
 подослана овчинка бѣлая,

подослана не разношерсная,
 Не будите вы ссоритьча,
 не будите вы бранитьча.

¹⁾ Можжевеловыя.

Иванъ Петровичъ съ женой своей просили гостей садиться за столъ. и, когда они уѣхали въ прежнимъ порядкѣ, Григорій заговорилъ:

Кнегини молодой
батюшка родимой,
матушка родная,

Извольтѣ къ столамъ приступить,
Со стола пива снести,
Есьво, хлѣбъ-соль принести.

Хозяева подошли къ столамъ, сняли полотенцо и просили гостей кушать, но Григорій перебилъ:

Извольте къ бѣлудубовымъ столамъ приступить со кнегиней молодой новобрачной,
Прикажите нашему поздороватча и почоловатча!
кнзю молодому, новобрачному, безъ почолуя и пирога не вскрывастча.

Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна подошли опять къ столу, поцѣловались съ Петромъ и Таней, и Петръ тоже съ ней; а Григорій заговорилъ:

Извольте къ бѣлудубовымъ столамъ приступить
хлѣбъ-соль подсолить, надкушать.
и чесныхъ гостей попочивать.

Хозяева подошли къ столу, потребовали пирога и пошли вдоль столовъ, прося кушать чесныхъ гостей. Гости принялись за кушанья, а дѣвушки въ кути заѣли за-стольныя пѣсни:

1.

Вечоръ по вечеру
Да колотился, стукался лукавой свать
Подъ передникъ окошечкомъ,
Таволжиной ¹⁾ тросточкой,
Выкликалъ родново батюшка,
На мосты на калиновы,
На широкую улочу,
На красно крылечико..
Перво слово молвила,
Да сапогомъ заступила,
Второе слово молвила,
Да колесомъ задернула,
Третье слово молвила,
Да по рукамъ ударили.
Вонъ идетъ мой батюшко
Со широкой улочи,
Со красна крылечика,
Со мостовъ со калиновыхъ,
Съѣлъ на дубовую лавочку,
Не весель, не радощонъ,
Повѣсилъ головушку,
На праву сторонушку!

Штѣ же ты, батюшко,
Не весель не радощонъ,
Повѣсилъ головушку?
Я думала, батюшко,
Не деревню ли ²⁾ запродалъ
Со полями со чистыми,
Со лугами зелеными,
Со травами шолковыми,
Нѣтъ, родимое дитатко,
Запродалъ тебя, дѣвичу.—
Твою дивью красоту,
Со твоей русой косою,—
Со твоей дивьей красотой!
Не запродай меня, батюшко,
Меня съ дивьей красотой,
А запродай, родимый батюшко,
Да команя-то ³⁾ въ тысячу,
Да команичу ⁴⁾ въ 100 рублей:
Команя ты выкупишь,
Команичу то выручишь,
Меня, красну дѣвичу,
Купомъ не выкупишь,

¹⁾ Необьяснено

²⁾ Владѣніе

³⁾ Лошадь мужскаго пола.

⁴⁾ Лошадь женскаго пола.

Ручьемъ не выручишь...
Ты избываешь меня, батюшко,
Какъ лихо въпря изъ бору
Такъ меня, младу, изъ дому.
Штё я тебѣ, батюшко,
Добрѣ тебѣ наскучила,
Да добро напрокучила?
Вѣтъ не сусики я хлѣба выѣла,
Да не колодчи воды выпила?
Не дубовы помы протѣтала,
Не въ кутѣ лавичу просидѣла,

2.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю,
Да не отъ Божьей милости,
Синѣ море сколдыбалоса! —
Какъ по той, по большой по водѣ
Да три кѣрабля на дворъ наплыли,
На первомъ кѣраблѣ
Много злата, много серебра; —
На другомъ то кѣраблѣ
Много скатнаго жемчугу;
На третьемъ то кѣраблѣ
Петръ да свѣтъ Яковличъ
Со всѣмъ своимъ поѣздомъ,
Вереть двери за скобу,
Отворяеть двери на пѣту,
На пѣту, пѣту дубовую,
На крюки, крюки золѣзные,
На петли проволочныя.
Татьяна да Ивановна
Въ тѣ поры услышала,
Какъ вступилъ Петръ Яковличъ
во горничу,
Она испугалася,

Не въ кутѣ околянку просмѣтрѣла,
Не у дверей пѣту изшѣркала?
Родимой мой батюшко!
Не можно ли это дѣло сдѣлати,
Меня замужъ не выдати?
Ужъ ты, милое мое дитятко,
У насъ дѣло-то сдѣлано,
Письмо у насъ написано;
Хоть письмо да не борысное,
Житье-бытье вѣковѣчное.

Со бѣла лича перепалася,
Рѣзвыя ножки подломилися
Бѣлы ручки опустилися,
Очи ясны замутились,
Горючи слезы покаталися...
Во слезахъ слово молвила:
Вонъ идетъ разоритель мой!
Вонъ идетъ погубитель мой!
Вонъ идетъ росплетай косу!
Вонъ идетъ потеряй красу!
Говорить Петръ Яковличъ:
Не ругайся, красна дѣвчича, душа,
Не я — разоритель твой,
Нея — погубитель твой,
Не я — росплетай косу,
Не я — потеряй красу.
Разоритель твой — батюшко,
Погубительнича — матушка,
Росплетай косу — сватенка,
Потеряй красу — подруженька,
Въ кути за занавѣсой.
Розноси тоску — подвоськой молодой,
По мнигъ подруженькамъ,
По мнигъ сизымъ голубушкамъ.

3.

Изъ трубки въ трубку вилося
Ай вилося, ай вилося.
Да изъ серебряной въ золотую
Ай въ золотую, ай въ золотую.
Да вывела трубка голубку
Ай голубку, ай сизую, сизую вор-
ковую.
Посадили голубку на шубку, на нову
на кунью.
Ай на кунью, ай на нову.

На кунью да на соболью ¹⁾, 2
Да подлѣ сизонькаго голубчика, 2
Да подлѣ ясененькаго соколочка, 2
Сталь голубокъ ворковати, 2
Да ко голубушки припадати, 2
Да всяко всяческими голосами, 2
Да человѣчьескими языками, 2
Голубушка не воркуеть, 2
Да сизая съ нимъ не толкуеть. 2
Тешша та зетю говорила: 2

¹⁾ Съ разрядкою слова повторяются по два раза съ припѣвомъ «ай».

Ней мой зеть, не упивайся, 2	Чужихъ людей не видала, 2
Да домоѣ пойдешь, въ грезѣ не ва-	Да и стричать не умѣетъ, 2
лайся, 2	Человатъ, миловатъ не посмѣетъ, 2
Надъ моиѣ дитей не издѣвайся, 2	Свекра батюшка побойтча, 2
Моѣ дитя молодое, 2	Свекры матушки постыдитча, 2
Въ чужихъ людяхъ не бывала, 2	

Поются еще многія пѣсни, которыя по своей бессодержательности выпущены. Наконецъ отъ широговъ остались одни кости, и Григорій спросилъ:

Батюшко родной,
Матушка родная
Кнегини молодой,
Извольте къ блѣдубовымъ
Столамъ приступить,
Чево переѣбнить,

И другое на столъ накрывать!
П ешѣ я хочу у вашей милости
спросить:
Вы сами ли будете
Ешѣ есьво на столъ подносить
Или намъ прикажите просить?

— Мы вамъ приказываемъ!—отвѣчали хозяева.

Григорій съ подружьемъ, собравъ объѣдки со стола, принесли другія кушанья, и гости, подъ звуки застольныхъ пѣсень, принялись опять ѣсть. Передъ третьей перемѣной кушанья, дружка Тани, двоюродный братъ и родной ея братъ, пошли въ кутъ, а дѣвушки заѣли:

Какъ на улицѣ дожди идутъ
Да на мосту роса падеть и т. д.

Братъ взялъ ендову со шкафа, открылъ шкафъ, взялъ стаканъ съ «состринымъ потомъ», налилъ его водкой, поставилъ въ ендову и туда же бутылку съ водкой, а родной братъ Тани подносъ, положилъ на него столько платковъ и пряниковъ, сколько было поѣзжанъ, а сверху положилъ, для тысячаго, крестнаго и жениха по полотенцу. Лучшее полотенце назначалось жениху, второе по достоинству—крестному, а третье—тысячному. Сверху каждаго полотенца тоже положили по прянику. Подъ полотенце-же жениха подложили кусокъ жилеточной матеріи и платокъ, а потомъ пошли изъ куты. Когда молодые люди появились изъ-за занавѣси, подошелъ Иванъ Петровичъ и положилъ сверху женихова подарка пачку кредитокъ, остальные деньги по уговору. Дружка съ товарищемъ начали съ Петра. Дружка сказалъ:

— Отвѣдайте вина, кнезь молодой, бояринъ большой, за моремъ оно за сннимъ куплено.

Петръ выпилъ стаканъ и поблагодарилъ.

Подошелъ братъ Тани, поднесъ дары и сказалъ:

— Не побрезгуй, кнезь молодой, бояринъ большой, подарочкомъ кнегини молодой: не дорогъ онъ, да отъ кнежеской руки!

Затѣмъ подчивали и обдаривали отца, а потомъ и всѣхъ по порядку.

Дѣвушки въ куты пѣли въ это время:

Не было витру да навіяло ¹⁾, 2
Не было гостей да наѣхало, 2
Подложили сини новья, 2
Раскололи чару золотую, 2

Подстрѣлили соловья во саду, 2
Подсмотрѣли красну дѣвчичу ду-
шѣ, 2
Разслизили Татьяну свѣтъ да Ива-
новну, 2

¹⁾ При началѣ строки и гдѣ съ разрядкою слова, нужно прибавить частичку «да». Въ другихъ же пѣсняхъ, только при началѣ первой строки.

Уговариваль ее Петръ да Яковличъ: 2
Но плачь, не плачь моя Татьянауш-
ка, 2
Свѣтъ ты Ивановна, 2
Я тебѣ сострою сини новья, 2
Сострою со горничей со свѣтли-
чею, 2
Я солью тебѣ чару золотую, 2

Я куплю тебѣ соловья пивчѣя твою, 2
Я тебѣ самъ соловей, 2
Стану по утру раношенько, 2
И разбужу тебя тихошенько. 2
На работу наряжу, 2
Куда хочешь иди, 2
Штѣ хошь работай.

Пѣтухи не пѣвали, 2
Жонихи наѣхали, 2
Отъужинать не дали, 2
Я яшничу подѣ лисничу, 2
Рѣнный пирогъ подѣ порогъ, 2

Крошенину ¹⁾ подѣ лавничу, 2
Шти въ печь за заслоничу, 2
Сама въ куть за занавѣсу, 2.
За брусчатую за грядочку. 2

Покончили обѣдающіе и съ третьей артелью, и началось угощеніе водкой жениха. Григорій началъ подчивать съ Ивана Петровича и Татьяны Андреевны и перешелъ далѣе по порядку, а дѣвушки запѣли:

Пропилъ пропилъ меня
Да родной батюшко
На одной винной да на чарочкѣ,
На винѣ государевомъ.
Показалась ваша чарочка,
Слашше меду, слашше патоки,
Слашше сладково преничка.
Да не вино пьешь зеленое—
Пьешь мои слезы горючія.
Ты веселъ ходишь и радостновъ,
На великихъ на радостяхъ,

На моей злой погибели.
Твои рѣзвыя ноженьки,
До земли не доподаютъ,
Твои бѣлыя рученьки до небесъ
хватаютъ,
Ты пропьешь да послѣхватишиша.
На ково послѣ оглянешша?
Ково рано разбудишь,
На работничку нарядишь?
Разбужу я очи ясныя—
Наряжу я рѣзвы ноженьки.

Тѣмъ, которые ломались и не хотѣли пить, онъ говорилъ:

Вы перечите,
Вино не пьете,
Клезя не уважаете!
Домой вамъ не добратъча,

Со команой свалитьча,
Но снѣгу ползать,
Съ угора свалитьча!

Послѣ такихъ угрозъ «капричнички» или капричницы выпивали водку, потребо-
вали, чтобы Петръ и Таня подслащивали водку, т. е. цѣловались, и обрученныя, при
каждомъ такомъ требованіи, вставали на ноги, кланялись угощаемому и цѣловались.
Кончилась пѣсня, началось величаніе Тани:

Мы тебя, Татьянушка, величаемъ,
Да мы тебя, Ивановна, возношаемъ,
Лѣтнюю птичку во садочкѣ,
Бѣлой хлѣбъ на блюдѣ,

Крупитчатой колачь на торелкѣ,
Пьяное вино во братынѣ,
Сладкой медъ во стаканѣ,
Зелено вино во чарочкѣ.

¹⁾ Хлѣбъ накрошенный въ чашкѣ или тюрѣ.

Погомъ Петра:

Изъ кути вдоль по лавичѣ
 Бояра сидятъ,
 Все князевы.
 Да лутче всѣхъ сидятъ, богатѣе,
 Богатѣе да тороватѣе
 Да Петръ свѣтъ Яковлевичъ!
 Голова у него сторублевая,
 Волоса полковныя,
 Въ три хода засыкалися ¹⁾,
 Въ три кольца серебряныя,
 Да въ четверто позолочено,
 Причосала, пригладила,
 На каждой волосничкѣ
 По скатной жемчуженкѣ.
 За каждую жемчуженку,—
 По петидесять давано,
 По семидесять прошено.
 Сиредь буйныя головы
 Самочвѣтный камешекъ.
 Этому камешку,

Чѣна не сказана.
 Шуба на ножъ сорокы соболей,
 Три бобра на опушку у шей,
 Четвертый боберъ въ ожерелье
 ушель,

Остаточки на наповолочки,
 Усь подтереть да мякошенько,
 Къ серьчу прижать да теплешенько.
 Да розумѣешь ли ты,
 Штѣ про тебя-то въ кутѣ говорятъ,
 Спишь ли ты, да не дремлешь-ли?
 Встань, пробудись, намъ испить при-
 неси,

Намъ испить право хочетьча
 Князева пива изъ баклушечки.
 Не лей носкомъ, налеи втулочкомъ,
 Бросько гривенку на дѣнышко.
 Ты самъ слугъ наряди—
 Есь у тебя на то дружка вѣрная.

Петръ положилъ въ поднесенную братомъ Тани ендову съ пивомъ 20-ти копѣчничъ, тоже сдѣлали и каждый оцѣтый, но опускались большею частію мѣдныя 3—5 копѣчныя монеты. Опѣвали всѣхъ, исключая свата и холостыхъ, — одною и тою-же пѣсню, переставляя только имена Свата (крестнаго) дѣвушки опѣвали такъ:

Ты свать, ты сватушко,
 Да лукавый сватушко,
 Сваталь—лукавился,
 Не правду сказываль,
 Говорилъ, наговариваль,
 Хвасталь, нахвастываль;—
 Сказаль, штѣ у него (жениха)
 Семьдесятъ мясныхъ ²⁾ быковъ,
 Шесъдесятъ дойныхъ коровъ,
 Восемьдесятъ подтелочковъ (телятъ),
 Десяносто басенекъ (овець),
 Сто лошадушекъ,
 Аибары хлѣба стоять,
 Динегъ сундуки стоять,
 Чуланъ и клить (холодная горница
 съ окномъ) живота стонтъ.
 Пошла невѣста
 Въ аибары хлѣба смотрѣть...
 Въ первой сусикъ заглянула:
 Одна мышѣдина.
 Въ другой сусикъ заглянула:

Да пустымъ пустехонько.
 А въ третей сусикъ заглянула:
 Двѣ мыши спираютча,
 Ко сусиду снаряжаютча,
 Ко сусиду хлѣба зайшовать!
 Пошла наша невѣста,
 Въ клить живота ³⁾ смотреть...
 Во первой сундукъ заглянула:
 Тутъ одна копѣчка
 На ребро становилася,
 Въ кабакъ снарядилася.
 Пошла наша невѣста
 Во двору скота смотреть...
 Во первую стаю заглянула:
 Тутъ одна бутыжина
 Не донтъ, не бухаетъ,
 По двору ходитъ—ухаетъ;
 Во другу стаю заглянула:
 Да тутъ одна басенька,
 Людей она боялася,
 На стѣны бросалася;

¹⁾ Крутились.

²⁾ Бормныхъ.

³⁾ Итѣніе.

Въ третью стаю заглянули:
Тутъ кобыла троеногая,
Троеногая, безхвостая!
Подай тебѣ, Господи
Лукавому сватушку,
За то, штѣ сваталь,
Но правду сказываль,
Три чирья, три вереда:
Первой чирей въ голову,
Другой чирей, подъ серьчо,
А третей чирей въ пятю.
По три бани на день топяти,
По три вѣника изхвостывати.
Ты бы, сватушко,
Правду сказываль.

Дакъ подай тебѣ Господи
Три сына, три сокола,
Три дочери, гостейки,
Дочерей замужъ выдати,
Сыновой бы тѣ пожонити,
Подъ златъ вѣнечъ поставити.
Дочерей замужъ не давати,
Сыновой бы тѣ не жонивати,
Отсель бы тѣ уѣхати,
Домой не прїѣхати,
Со коня свалитися,
Подъ гору укатитися,
О сѣрой камень ушибитися,
Топоромъ зарубитися,
Винной чаркой захлебнутися!

Когда всѣ были опѣты, братъ Тани отнесъ ендову въ куть, гдѣ дѣвушки раздѣлили между собою деньги и благодарили каждаго одною и тою же пѣснью, перемѣняя только имена:

Спасибо тѣ, спасибо,
Да Петръ Яковличъ
На златъ, на серебръ!
За тебя Бога мѣлил,
На чесномъ приношеньчѣ!

Мы пиво то выпили,—
Золоту гривну выняли...
Не велика гривна золото...
Велико имя чарское
Письмо государьское!

Послѣ этой пѣсни, съ брата Тани началось опѣваніе холостыхъ:

У большова боерина
Да Ивана свѣтъ Гаврилыча
Голова учесана,
Русы кудри завиты.
Кто голову чесаль?
Кто русы кудри завиваль?
Чесала головушку
Ево правая рученька,
Да завивала русы кудри
Ево сестрича любезная,
Наряжала брателка
Во большія боера.
Нарядись, мой брателко,
Лутче князя боерина,
Лутче гостя торговово...
Пѣзжай ты, родной брателко,
Во славно село ведикое,
Ко богатому хресъенину,

По хорошую дѣвичу
Варвару Григорьевну.—
Ты насъ будѣшь дарить,
Мы тя будѣмъ хвалить.
Не будѣшь дарить,
Мы тя будѣмъ бранить,
И не добро говорить,
Вотъ тѣ бранно,
Порато собаковато.
Да штѣ про тя въ кути говорятъ.
За занависой пѣсни поють,
Тебѣ честь воздають,—
Чести охота, на ножки вставъ,
Поклонъ воздѣй,
На всѣ четыре стороны,
Поклонъ на особичу,
Въ куть за занавѣсу.

Каждый изъ опѣтыхъ холостыхъ вставалъ, шель въ куть, дарилъ дѣвушокъ, которыя благодарили его пѣсней.

Спасибо тебѣ, спасибо,
Да на златъ, на серебръ,

На чесномъ приношеньчѣ.
Не людьми засылаешша,

Самъ подымаешша,
На рѣзвья ноженки.
Ученое дитятко
Отца-то умново
Да итери разумные,
Роду племени хорошово;—
Умѣшь на ножки встать,
Умѣшь поклонъ воздать!
Подай тебѣ Господи

Невѣсту хорошую,
Со бѣла лица румяную!
Учливу да вѣжливу,
Со людьми возжатую ¹⁾,
Съ тобой тороватую...
Середѣ бѣ поля тебя встретила,
На рѣзвья ножки падала,
Во уста чоловала
Соколомъ называла!

Когда послѣдній изъ холостыхъ былъ опѣтъ, Григорій снова заговорилъ:

Батюшко родимой,
Матушка родная!
Извольте къ столамъ приступить:
Взеть у князя молодого, новобрачново,

Правую руку,—
И дать кнегинѣ молодой,
Рука въ руку, нога за ногу заплести...

Мать подошла, навернула платокъ на руку дочери и подала Петру эту руку, Петръ взялъ, развернулъ платокъ, утерся имъ, положилъ въ карманъ и снова взялъ руку Тани. Григорій, присѣвшій было на минуточку на свое крощечное мѣсто, вскочилъ и началъ начитывать:

Батюшко родной,
Матушка родная,
Извольте принимать
Нашихъ добрыхъ коней
Отъ своихъ молодыхъ конюховъ,
Съ рукъ на руки.
Вводитъ ихъ въ стойла стоялыя,
Во двory ковшюныя!
Затворять ворота широкія,
Запирать замки всячія,
Закладывать запоры крѣпкіе,
Поставить каравулы твердыя,
Штѣбы у нашихъ коней
Збруня была чѣла, сохранныя.

У нашихъ добрыхъ коней
Стоитъ одна узда двадцать петь рублей,
Хомуть да шлея петьдесять рублей,
Сани да дуга не списана чѣна.
Извольте вы имъ дать
Сѣна до колѣна,
Овса до шпѣтки
Пшеничи до загребу,
Сѣна зеленово,
Овса зрѣлово,
Воды холоднія, ключевыя;
Хотя они отданы подъ сохраненіе,
Не кормлены и не поинны.

Иванъ Петровичъ отдалъ приказаніе сыну, чтобы позаботился о лошадяхъ, а Григорій продолжалъ:

Батюшко съ матушкой,
Извольте къ столамъ приступить,
Объявляетъ вамъ князь
О своемъ бракѣ, молодечкомъ поѣздѣ,
Штѣ наше дѣло заѣжжее!
Здѣсь люди не знакомые,
А наша поѣзжана
Испивать хмѣльное очочіе...

До пьена напиваютча,
По уличамъ валяютча...
Межь тѣмъ, кто-бы ихъ не потѣснилъ
И не избидѣлъ,
Въ томъ просимъ простить,
Приказать своимъ слугамъ посмотреть,
За штѣ будѣтъ вамъ чесно
И намъ хорошо.

Отецъ и мать невѣсты подошли къ столу и стали просить гостей поѣсть, а Григорій обратился къ дѣвицамъ въ кутъ за занавѣсу съ наговоромъ:

¹⁾ Дружественную, общительную.

Красныя дѣвичи,
Лихія мастерицы,
Попойтѣ писѣнокъ
Попойтѣ тихохонькихъ!
Потѣште нашава князя
Со княгиней молодой!

Чарочка винца,
Чашечка сладково пивца.
Два парня трепало,
Двѣ дѣвки скакало,
А третью парень,
Сзади хвадилъ...

Вотъ вамъ за то!..
Дѣвушки загѣли въ кути:

Попейте, поѣште, бояра!
Покушайте, поѣжжана!
На наши припасы не надѣйтесь

У насъ земля неродима;
Татьянушка уродилась
Да вамъ и пригодилась.

Григорій съ своимъ помощникомъ убрали послѣднюю артель кушаньевъ и появились съ хлебальными пирогами въ рукахъ (небольше, открытые, круглые пироги съ черемухой или рѣпой). Дѣвушки въ кути загѣли:

Тѣшня про зетя
Да пирогъ мсекла и т. д.

А хозяева просили гостей кушать; Григорій-же началъ просить хозяевъ позволить и гостямъ погѣть пѣсенокъ:

Извольте приступить
Къ столамъ бѣлодубовымъ!
Я хочу вамъ доложить:
Прикажете-ли нашево князя

Поѣжжанами удалыми,
Молодыми ребятами,
Для увеселенія писемку спѣть?..

Исполняя просьбу дружки, хозяева подошли къ столамъ и сказали:
— Пойте и пляшите, сколько хотите!

Вслѣдъ за этимъ позволеніемъ, зазвучала въ избѣ Ивана Петровича такая дизгармонія, что упаси Боже!..

Въ кути дѣвушки, въ свою очередь, загѣли:

Жона мужа не злюбила,
Ай да не злюбила,
Въ лѣсочикъ ево заманила,
Ко бѣлой березѣ ево привезала,
Да шипичей ¹⁾ ево настегала,
Три динечка къ нему не бывала,
На четвертый день къ нему побывала,
Не милову мужа спрошала:
— Каково тебѣ мужъ жилише,
бѣлише?
— Женка ладушка, житье не ко-
рысно:

Пташки головушку приклевали,
Чухари ²⁾ миѣ-ка надѣли,
Жаркая погода изсушила,

Болотна вода припилася.
Жонка ему на то зговорила:
— Отпустишь-ли меня
Ко матушки во гости?
— Ахъ ты жонка, моя лада,
Да я тебя отпушшу,
До Москвы самъ провожу.
— Да стритишь-ли меня среди поля?
— Да, я стричу тя среди поля, среди
бору,
— Да напоишь-ли меня, мужъ,
чаями?
— Государыня жонка, напою тя, съ
кренделями.

¹⁾ Вѣтвями шиповника.

²⁾ Глухарь — лѣсная птица.

Напали, напали бояра,
 На ржаную солому,
 На ржаную, не солону...
 Сказали: у бояръ
 Саногі добры—
 Черть—не добры,
 Заоблучья одни.
 Сказали у бояръ
 Шаровары добры...
 Черть—не добры,—
 Заплаты одни.
 Сказали у бояръ:
 Оболочки добры...
 Черть—не добры—
 Только шабуры ¹⁾ одни,
 Холстоу поволочены.
 Сказали у бояръ:
 Кушаки добры—
 Черть—не добры
 Только веревки одни.
 Сказали у бояръ:
 Шапки добры—
 Черть—не добры—

Только тулейки одни,
 Собачьи треухи.
 Сказали у бояръ:
 Черченки добры—
 Черть—не добры,
 Только персты голы.
 Сказали у бояръ:
 Кожани добры—
 Черть—не добры—
 Только ребра одни.
 Сказали у бояръ:
 Хомуты добры—
 Черть—не добры—
 Только дѣрева одни.
 Сказали у бояръ:
 Шлен добры—
 Черть—не добры—
 Только ремешки одни.
 Сказали у бояръ:
 Саночки добры (зимой)
 Черть—не добры
 Только полозья одни..

За столомъ гости, кто во что гораздъ. Хотя дѣвушки драли пѣсни (которыя, привыкновеннымъ нормальномъ состояніи слушателей, могли можетъ не понравиться имъ), но теперь никто и не думалъ протестовать протихъ ихъ (пѣсенъ)—вино и пиво сдѣлали свое дѣло... Крестный жениха, едва шевеля языкомъ, рассказывалъ что-то, а кому—не извѣстно... Тысядкой стараясь доказать, что онъ еще не пьянъ,—пробовалъ вставать на ноги, едва боржоча сывозъ зубъ: «шгѣ я, я ешшѣ не пьянъ я ешшѣ могу!»... и съ послѣднимъ словомъ юркнулъ подъ столъ и тамъ заснул.. Два старухъ, престарухъ, сгорбленныхъ худенькихъ старикашки копошились среди избы, желая спляснуть—по лишь только который изъ нихъ поднималъ ногу, опрокидывался на полъ, къ общему удовольствію изрѣдка дремавшихъ зрителей. Вотъ, стрѣлой вылетѣли изъ куты, руки въ боки, двѣ раскрасившіяся красавицы и поплыли по избѣ. Не выдержали лихіе дружки и пристроились къ красавицамъ. Стройныя красавицы соблазнительно подергивали пышными плечиками, красиво поводя надъ головой маленькими ручками, съ бѣлыми платочками, то подплывали къ свлихъ кавалерамъ, то удалялись отъ нихъ, то манили ихъ къ себѣ, то отталкивали, вотъ пустили они медкую дробь своими маленькими ножками, проплыли кругомъ и юркнули въ куть. Раздались по избѣ крики одобренія, которые превали расказъ крестнаго и въ углу истребившую не имовѣрное количество яствъ и питей Панкратьевну. Сомутилъ лукавый сирую вдовицу и ей вздумалось погѣшить публику.. Уперевъ крючкомъ, въ жирные бока, свои толстыя руки, она ухнула и горой покатиалась вдоль столовъ, при общемъ смѣхѣ..

Рядомъ сидѣли два пріятеля... Одинъ изъ нихъ оралъ что-то во все горло, другой, помахивая плавно рукой, заправлялъ пѣниемъ пріятеля. Вдругъ у пѣвца вырвалась такая неподражаемая нота, что у заправителя морозъ подралъ по кожѣ, и онъ проворно зажалъ ротъ пѣвцу и сказалъ: стой, Федька, не ладно поешь, надоть пѣть въ тахту; во, вишь, какъ я рукой машу, штѣ бы тахта была, а ты съ тахту совѣмъ

¹⁾ Ш а б у р ь и ш а б у р а — сукманина, рабочій армякъ. Ш а б у р и н а — всякая плохая одежда. Слов. Даля. Ред.

сбился! Пѣвецъ сердито потерялся физиономіей объ шершавую руку пріятеля и, освободивъ отъ нея свой ротъ, заоралъ пуще прежняго; но скоро пѣніе перешло въ зѣвоту и, пригнувшись къ сосѣду, задремалъ.

— Вотъ тѣ Христокъ, Федька въ пѣвцы не годитъча, потому тахту не блюдетъ, проворчалъ заправитель и также задремалъ.

Староста, стараясь приподняться съ лавки, бормоталъ: Афонаска, молчи, я... я общество во очиншу... къ 15-му... пра къ... на томъ староста и остановился, склонивъ голову на столъ и задремалъ.

Григорій, откашлявшись, присанился и зачиталъ звучнымъ, покрывшимъ все голосомъ:

Батюшко родной,
Матушка родная,
Извольте къ столамъ приступить!
Вашу кнегиню молодую
Отъ нашего князя
За бѣдня руки брать,—
Въ куть за занавѣсу увести!
Ты, кнегиня молодая,

Умывайся, снаряжайся, одѣвайся,
Подъ златъ вѣнечъ собрайся.
Умойся, снарядися,
Къ князю молодому
За столъ прикатися!..
Вамъ штѣ бы было не безсечно
И намъ хорошо.

Утомленная до нелзя, Таня обрадовалась, когда мать подошла къ ней и стала учить на ухо, какъ выходить изъ за стола. Петръ и Таня встали на ноги, онъ взялъ ее за руку, обвелъ рукой вокругъ своей головы, перевернулся подъ рукой, какъ прежде, и поцѣловалъ ее.

Послѣ этого, Таня пролѣзла за спиной жениха, вышла изъ-за стола, сдѣлала почти до полу три поклона иконамъ и пошла въ куть, за ней пошла крестная. Въ куть дѣвушки весело встрѣтили Таню и скоро стали одѣвать её, задернувъ плотнѣе кутную занавѣсу. Въ избѣ Григорій прочиталъ наговоръ:

Князь молодой
Бьетъ челомъ,
И кланяетча завтрикомъ,

Сверхъ того, сладкимъ преничкомъ,
Подходите и выступайте къ столу,
Родъ п плиня...

Сталъ раздавать положенныя свахой пряники (крожное оно-же и завтракъ). Сперва подаль на полати, потомъ на печку, затѣмъ въ куть и, поставивъ гостей, одного за другимъ, по старшинству, заставилъ ихъ подходить и брать «крожное», которое гости брали правой рукой, обернутой платкомъ...

Когда кончилась разборка кроянаго, Григорій зачиталъ:

Гои, веселый народъ,
Съ бородами—безъ бородъ,
Люди пьюшіе,
Люди поюшіе,
Прошу замѣчать,
Надо ричъ держать
Къ пиву созывать!
Князь молодой
Бьетъ челомъ, кланяетча
Кроянами, завтрикомъ!
Тысячкой наряжаетъ друженька,
Подвоськой ¹⁾ челомъ бьетъ,
Низко кланяетча.

И порато хвалитча:
На плитѣ краяны,
Печены въ Казанѣ,
Пшенича была вячка,
Медь казаньской,
Квась астраханьской!
Три парня стояло,
Два парня трепало,
Двѣ дѣвки скакало,
А третій парень
Сзади хвалить;
То-то преникъ, то-то сладкій,
На конечъ преникъ ставить,

¹⁾ Поддрузьс.

Съ конча медъ кашлетъ;
А послѣ чашечка пивча,
За добре сѣрчя!
У нашева князя
Пиво сварено,
Медомъ наживлено...
Солодъ вячкой,

Хлебъ казаньской...
Пивоваръ ярослаской...
Ахъ! пивчо, какъ суслечо
Чашечку прибочитъ
Въ уста намочитъ!
Въ чашечкѣ не станеть
Къ ретиву сѣрчю пристанеть.

Едова пива принесена и передана дружкой своему помощнику, который и началъ обносить гостей пивомъ, тоже по порядку. Въ то время, когда пилось пиво, Григорій обратился къ хозяевамъ и дѣвушкамъ съ наговоромъ:

Батюшка родной,
Матушка родная,
Дозвольте нашей сватеньки
Итти въ куть за занавѣсу;
А вы, дѣвичи игричи, пивичи,
Разступитесь, расшатитесь
На всѣ четыре стороны.

Пропуститѣ ко княгинѣ
Молодой, новобрачной, свашеньку
Въ куть за занавѣсу.
Вы, дѣвичи, пивичи,
Нашево князя сватеньку не задержитѣ!
Съ княгиней молодой, прошайтѣсь
Ко злату вѣнчу снаражайтѣ.

Танѣ до боля надоѣлъ царившій кругомъ нея необузданный разгулъ... На душѣ у ней было тяжело, сердце щемило, и ласки Петра не приводили ея въ такой восторгъ, какъ прежде. Когда она, истомленная физически и нравственно, вошла въ куть, то, не смотря на веселыя лица своихъ подругъ, упала на лавку, и слезы градомъ покатались по щекамъ ея. Установившіеся обычай встрѣчать съ веселыми лицами невѣсту, входившую въ послѣдній разъ въ родной куть,—понимали страданіе несчастной дѣвушки, въ этотъ моментъ, особенно, когда ее выдавали за немилаго... Равнымъ образомъ, понимали громадную разницу между положеніемъ веселой и беззаботной дѣвушки въ родной семьѣ и вѣчной труженицы—жены въ чужой; но, къ сожалѣнію, какъ только обычай этотъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ сколько-нибудь мыслящей дѣвушкой, то всегда терялъ свое обаяніе. Лишь только замолкли послѣднія слова наговора Григорія, дѣвушки заглѣли прощальную пѣсню:

Не выду, не выступлю
Безъ родимого батюшка.
Безъ ево благословеньча!
Ево-то благословеньчо
Изъ синя-то моря вынесётъ
Изъ темна лѣса выведётъ.
Спасибо, родимой батюшко,
На хлѣбъ да на соли!
Твоя хлѣбъ соль великая,
Въ печеняхъ запекалася!..

Не прошу я у тя, батюшко,
Не злата, не серебра—
Прошу я у тя, батюшко,
Велика благословеньча,
Ко злату вѣнчу вѣхати!
Ештѣ прошу у тя, батюшко,
За мною въ провозатали (sic)
На чужу, дальну сторону
Да на злодѣйку, не знакомую!

Когда слуха Тани коснулись слова пѣсни:

Не выду, не выступлю
Безъ родимого батюшка!

Таня приподнялась и устремила свои, распухшія отъ слезъ, глаза на занавѣску... Занавѣска сперва тихо зашевелилась, потомъ приподнялась, и вошелъ Иванъ Петровичъ, изъ-за него мелькнуло лицо Татьяны Андреевны... Таня быстро вскочила, но не упала прямо въ ноги отцу, а пошла къ нему на встрѣчу твердо, положила ему на плеча

свои руки и вперила глаза въ его лицо... Она вся превратилась въ зрѣніе и, какъ будто, окаменѣла: ни одного вопля, ни одного движенія, и только слезы ручьями струились изъ глазъ... Отецъ понялъ, что говорить дочь своимъ жгучимъ взглядомъ, понимая, что она хочетъ вдоволь насмотрѣться на него, чтобъ навсегда запечатлѣть въ своемъ сердцѣ его дорогой обликъ, и внутренняя буря зашатала старика. Голова его затряслась, ноги стали подкашиваться, а руки широко раскрылись... Крѣпко, горячо, прижалъ старикъ къ своей груди милую дочку и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Мать подскочила къ нимъ... Старухѣ тоже хотѣлось обнять дорогую дочку; но отецъ не выпускалъ Тани, и старухѣ пришлось обнять обоихъ... Почувявъ около себя мать, Таня съ судорожнымъ усиленіемъ высвободилась изъ объятій отца, также положила свои руки на плеча матери, овладѣла, на мгновеніе, собой, отерла слезы и сказала:

— Прощай родимая! дай мнѣ, въ послѣдніе наглядѣтьча и на тебя, такъ наглядѣтьча, штѣбы не позабыть тя и въ сырой землѣ!

Старуха чуть не обезумѣла отъ словъ дочери: глаза ея помутились, губы искривила судорога, и она зашаталась... Находчивая Пантелѣвна была уже въ кути, схватила ее подъ руки и посадила на лавку, дала ей нѣсколько глотковъ холодной воды и, ожививъ ее, заговорила:

— Штѣ евто въ думали, надо радоватъча, а не плакать, а ты, Татьяна Ивановна, лутше подступилъ къ родному батюшкѣ и родной матушкѣ, скажи имъ слабибо на всемъ, въ рѣзвы ноги поклонися, да съ подругами протися!

Глубоко потрясенныя происходившими передъ ихъ глазами сценами, дѣвушки, не докончившія даже прощальной пѣсни, въ настоящую минуту растерялись совершенно...

— Вы штѣ, жокрыя куричи, крылья то опустили, а? Кончайте скорбеча писнюто!—ворчала Пантелѣвна на дѣвушекъ, которыя тотчасъ же и запѣли.

— Штѣ евто взаправду! старуха полно! Татьяна, знашь, штѣ нужно дѣлать?—сказалъ уже оправившійся Иванъ Петровичъ.

Таня встала, спокойно подошла къ отцу, упала ему въ ноги и поблагодарила его за хлѣбъ и соль, за душевную ласку, за родительскую заботу, — на сребрѣ, на золотѣ и на всемъ, чѣмъ онъ надѣлилъ её. Отецъ поднялъ дочь, благословилъ ее образомъ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Тутъ все будетъ тѣ, на добро, на шшастіе и на хорошую жисть.

Такимъ же порядкомъ благодарила Таня мать и тоже, что и мужъ, отвѣчала ей старуха. Настала минута прощанія съ подружками. У Тани опять защемило на сердцѣ... Она сдѣлала шагъ къ подругамъ, остановилась и окинула ихъ грустнымъ прощальнымъ взоромъ; отъ толпы дѣвушекъ отдѣлилась Катя и съ горькими слезами бросилась въ объятія Тани. Сперва подруги только рыдали и цѣловались, а потомъ между ними начался задушевный лепетъ.

— Въ святой вечеръ, на Васильевъ день, гадаючи, меня вспомнишь?—спросила Таня.

— Какъ не вспомнать, голубушка, — отвѣчала Катя. — Не думай, Таня, до гроба не забуду, грѣшно тѣ и бантъ такъ.

— Спасибо тѣ, сердешная подружка, Катя, на добромъ словѣ. Прощай,—сказала Таня, и обѣ подруги бросились въ объятія и слились въ долгомъ и горячемъ, смоченномъ слезами, поцѣлѣ.

— Штѣ стоитѣ, розиня ротъ, подходите прощатъча, а то запоздаемъ къ обидѣ,—ворчала Пантелѣвна.

Таня поняла намекъ и, выпустивъ изъ объятій Катю, стала прощаться съ другими подругами. Всѣхъ она горячо перецѣловала, всѣхъ благодарила, какъ Катю. Когда Таня простилась съ послѣдней подругой, Пантелѣвна взяла ее за руку и повела изъ кути. Отецъ и мать ея, тоже вышли оттуда и придя въ избу принесли рукавицы съ шапками и роздали побѣжанамъ.

Таня казалась успокоившейся, и дѣйствительно, въ виду неизбежной необходи-

мости, волненіе въ ней нѣсколько незаглохло. Прислушавшіяся къ происходившему въ кутѣ, чуткій Григорій, лишь только Пантелѣевна ступила шагъ, заторопилъ:

Князевы поѣзжана, Всѣ ли вы готовы? Всѣ ли исправны?	Шапочки и рукавички У всѣхъ-ли при себѣ? Все-ли сохранно?
--	---

Получивши отвѣтъ: всѣ готовы, всѣ исправны и все сохранно! дружка обратился къ хозяевамъ съ рѣчью:

Извольте къ бѣлодубовымъ Столамъ приступить	И чесныхъ гостей На ноги поставить!
--	--

Иванъ Петровичъ съ женой подошли къ столамъ, и гости встали на ноги; а Григорій опять обратился къ Ивану Петровичу и его женѣ съ наговоромъ, который описанъ на страницѣ 83-й (Батушко родимый...) съ измѣненіемъ вмѣсто князя — княгини.

Пантелѣевна, вышедши изъ куты, Таню поставила среди избы, лицомъ къ образамъ. Сидѣвшій на лавкѣ Петръ всталъ, подошелъ къ невестѣ и сталъ рядомъ съ нею. При последнемъ же словѣ послѣдняго наговора Григорія, Иванъ Петровичъ съ женой прошли за столъ и сѣли въ переднемъ углу, а Григорій опять обратился къ нимъ съ наговоромъ, описаннымъ ранѣе на 84 стр. (Когда вы благословили...) съ тѣмъ же измѣненіемъ. Иванъ Петровичъ съ женой вышли изъ-за стола. Первый снялъ образъ, пригнулъ къ нему зажженую свѣчу и благословилъ имъ дочь, потомъ Петра, мать сдѣлала тоже, а Григорій просилъ ихъ:

Когда вы благословили, Свое чадо милое, И нашево князя молодого, Извольте вы отдать свѣтой образъ Нашево князя молодого	Большому боерину И сами извольте садитьча За столы бѣлодубовы, Гдѣ и преже сидѣли!
---	---

Передали образъ по назначенію дружки и сѣли за столъ, дожидаясь возвращенія дружки, который повелъ Петра и Таню усаживать въ сани. При этомъ Григорій строго наказалъ, чтобы они не смотрѣли въ окно до тѣхъ поръ, пока не уѣдетъ поѣздъ.

Иванъ съ женой въ точности исполнили приказаніе дружки и сидѣли за столомъ, не смѣя посмотреть на отъѣздъ къ вѣнцу.

На улицѣ Григорій просилъ зрителей благословить всѣхъ ѣхать къ вѣнцу — рѣчью сказанной на стр. 84-й: «Кутяна, полотяна» и т. д.

Зрители отвѣчали: съ Богомъ! а Григорій обратился съ вопросомъ къ поѣзжанамъ, какъ сказано выше: «Князь молодой» и т. д.

Всѣ услыхъ, кромѣ Тани, которая стояла у саней жениха и не садилась. Вышедшія на улицу дѣвушки запѣли:

Пріѣзжала гадина, Да увезла нашу ягоду, А не дозрѣлую Татьяну свѣтъ Ивановну. Да пріѣзжало воронье дитя, Увезло лебединое.	Не ткаху, не пряху, не шолковичу, Только по лѣсу ходить, Да лыко драть, Хомуты плести На базаръ везти... По три динешки хомутъ, По копѣечкѣ шлея, Да и та не своя, Въ людяхъ выпрошена.
---	---

Рады—урода
Со двора проводить,

Чертъ, у васъ не сини,
Чертъ, у васъ не новья—
Вязьемъ биты,

Соломой крыты.
Въ окопечкахъ досщанья околени,
У воротъ колечко веревчатое!

— Буде ругатьча станите,—обратился Петръ къ дѣвушкамъ,—сичасъ уѣду! и выскочивъ изъ саней, онъ схватилъ Таню подь мышку какъ перышко, бросилъ въ сани и самъ съѣлъ туда; а Григорій спросилъ поѣздъ наговоромъ, смотри стр. 85 (Всѣ ли вы изсли..)

Получивъ отвѣтъ, что всѣ по своимъ мѣстамъ, Григорій обратился къ зрителямъ со словами), смотри стр. 85 (Миръ народъ), какъ и передъ отъѣздомъ къ невѣстѣ. Зрители вторично отвѣчали: «съ Богомъ», а Григорій спросилъ поѣзжанъ:

Киевевы поѣзжана,
Ково вы оставляете
И ково благословляете?
У кнегинѣ молодой,
Во высокомъ тирешѣ,
Отча и матушку,
Со всѣми гостями полюбовными,

Послатъ, попроситъ
Къ нашему кнезю,
Молодому, новобрачному
Погоститъ, хлѣба покушать,
Да сладково меду попить?
Прикажите ихъ попроситъ?

Поѣзжана отвѣчали:

— Въ тирешѣ высокомъ у кнегини молодой остались родной батюшка и родная матушка,—мы вамъ приказываемъ проситъ ихъ ко кнезю молодому хлѣба-соли кушать.

Съ послѣднимъ словомъ отвѣта поѣздъ тронулся, а Григорій возвратился въ избу и обратился къ Ивану Петровичу съ женой съ такой рѣчью:

Батюшко родной,
Матушка родная
Кнегини молодой,
Кнезь молодой,
Приказаль мнѣ
Сходить къ вамъ
Попроситъ позвать къ нему

Васъ съ гостями полюбовными,
Погоститъ, хлѣба покушать
И сладково меду попить.
Милости просимъ,
Не всѣмъ поименно,
А всѣмъ обшекушно,
Челомъ бью, низко кланяюсь!

Иванъ Петровичъ поблагодарилъ Григорія за приглашеніе и подаль ему стаканъ водки. Григорій выпилъ, поблагодарилъ, закусилъ кусочкомъ пирога, вѣжливо простился съ хозяевами, одѣлся, вышелъ на улицу—вскочилъ въ сани и полетѣлъ догонять поѣздъ.

Слуста немного времени Иванъ Петровичъ съ женой поѣхалъ въ деревню, т. е. къ роднымъ жениха, но не прямо въ домъ ихъ, а къ сосѣду, гдѣ ожидалъ особаго приглашенія къ столу, но коль скоро пошли они, захвативъ приданое Тани, и передали его по счету свекру со свекровью, безъ всякихъ нашептываній и церемоній.

ОЧЕРКЪ VII.

Свадьба.

Въ одной изъ городскихъ церквей происходило вѣнчаніе Петра и Тани. Петръ прямо вошелъ въ церковь, а Таня, одѣвшись совсѣмъ въ сторожку, вошла послѣ него. Священникъ велѣлъ Петру взять невѣсту за руку и подвести къ налою; въ это время

сваха разстлала подножники, невѣстину стлала внизъ, а женихова сверху (на кругъ по мѣстному).

Суевѣріе, къ сожалѣнію, до того укоренилось въ здѣшней мѣстности, что дерзко проникаетъ даже въ храмъ Божій. Такъ, когда Петръ бралъ Таню за руку, чтобы вести къ алтарю, стоявшая сзади ихъ Пантелѣевна сказала за Таню:

— Ты меня берешь за руку, а я тебя за сирьчо...

Когда священникъ началъ обрученіе Пантелѣевна сказала вмѣсто Тани и про себя: «Петръ Яковлевичъ обручается, хмѣль ево исключаетъ». Священникъ сталъ надѣвать вѣнцы, въ это время сваха расплетала Тани косу, и въ тотъ моментъ, когда священникъ хотѣлъ надѣть на нее вѣнецъ, Пантелѣевна сдернула съ нее половинку (косынку) и заговорилъ про себя: «Исключаетъ тоска хмѣльная, тоска всякая худая, тоска скверная, тоска всякая по заказу, до скончанія вѣка, штѣбы не было въ ѣмъ». Молодыхъ повели кругомъ наложь, а Панкратѣевна забарабанила свое: «Я не въ слѣдъ твой ступаю, а слѣсъ и гордость твою заступаю,—полъ топчу и твое сирьчо крочу и руки коротаю! Чарь идетъ, за собою чаричу ведетъ».

Вѣнчаніе кончилось. Священникъ любезно повдравилъ молодыхъ; а Петръ пригласилъ его къ себѣ хлѣба-соли кушать. Затѣмъ, молодые пошли прикладываться къ иконамъ и, послѣ того какъ приложилась Тая, свахи начали заплетать ей косы, — женихова заплетала правую, а невѣстина лѣвую, при чемъ каждая изъ нихъ старалась заплести косу скорѣе и, которой удавалось это, получала названіе «бойкой». Передъ выходомъ изъ церкви, Петръ покрылъ Таню шалью, и всѣ вышли изъ церкви. Подоспѣвшій Григорій заговорилъ то-же, что на стр. 85-й. (Вы сами изволите...)

— Мы вамъ приказываемъ,—отвѣчали поѣзжане, а Григорій просилъ зрителей къ молодымъ хлѣба-соли откушать такъ:

Міръ народъ и т. д.

Милости просимъ

Къ нашему князю новобрачному

Погостить, хлѣба соли кушать,

Да сладково меду пить;

Не всѣмъ поименно,

А всѣмъ челомъ бью,

Низко кланяюсь!

Нашъ князь молодой

Приказалъ мнѣ всяково

Въ гости звать,

А, сверхъ того, всякому

Свой стыдъ надо знать!—

Послѣ этого поѣздъ тронулся въ путь въ прежнемъ порядкѣ.

Пріѣхали. Поѣздъ остановился у въѣзда къ заднимъ воротамъ. Григорій, съ своимъ помощникомъ, поднялись по въѣзду, и дружка спросилъ тоже, что выше.

У дверей придвернички и т. д.

Во высокъ тиремъ

У отча у матушки

Благословенья просить!

При входѣ въ избу, дружка снова заговорилъ: (смотри стр. 88):

Я не самъ собою

Сюда къ вамъ пріѣхалъ и т. д.

Отецъ Петра взялъ образъ, пригласилъ къ нему зажженную свѣчку и вышелъ въ сѣни, за нимъ вышла и мать. Некрасовы остановились въ сѣняхъ, а Григорій подошелъ къ воротамъ и обратился къ молодымъ и поѣзжанамъ съ наговоромъ (смотри выше):

Князь молодой и т. д.

Святому образу приложитъча

Отчу и матушки

Въ ноги поклонитъча.

Всѣ вышли изъ саней и пошли за молодыми. Таня взяла съ собою клочекъ сѣна, стала размывать его по пути, остальное бросила въ хлѣвъ, проговоривъ три раза: «Саяа иду и скота за собой веду»¹⁾).

Когда подошли молодые, Григорій встрѣтилъ ихъ съ пирогами, а подружке съ пивомъ. Свекровь несла булку. Потомъ происходило ломаніе пироговъ и переливаніе пива дружкой, какъ и прежде,—съ тою только разницею, что Петръ владъ съ правой руки на лѣво, а съ лѣвой на право. Таня же, получивъ отъ свекрови булку, спрятала подъ мышку. Яковъ Степановичъ съ женой благословили ихъ и за дружкой, проговорившимъ (съ ендовой см. выше) вмѣстѣ со всѣми, вошли въ пѣбу. Молодые прошли въ куть, гдѣ ихъ накормили, такъ какъ они не должны были ѣсть много за свадебнымъ столомъ, а гости стали поздравлять съ новобрачными. Затѣмъ всѣхъ просили за столъ, усадили туда же молодыхъ, и свадебный пиръ начался. Пиръ этотъ, отъ недавняго на «сватаньи», — отличается только тѣмъ, что Таня, взявъ на ложку или вишку кушанья, подчивала жениха, а онъ, съѣвши поднесенное невѣстой, подчивалъ ее въ свою очередь; затѣмъ Таня подчивала тысяцкаго, (и если бываетъ священникъ невѣста подкуетъ и его) и другихъ, а тѣ также, какъ и Петръ, подчивали ее.

Послѣ третьей артели, къ Танѣ подошла ея мать, сняла съ нея шаль, завернула въ нее булку, обвила кругомъ головы Тани и вывела ее изъ за стола, а за Таней вышелъ и Петръ: Григорій заговорилъ:

Батюшко родной,
Матушка родная,
Благословляйте вы
Свое чадо милое

На подклетъ итти,
Опочевъ держать,
На перинѣ спать.

Гости остались пировать, а молодыхъ родители благословили, и они пошли на подклетъ. Григорій шелъ впереди съ образомъ, за нимъ молодые, а за молодыми гости болѣе почтенные и поважае. Придя на подклетъ, Григорій поставилъ на столъ образъ, а Петръ взялъ бутылку съ водкой; Таня же взяла подносъ, поставила на него три рюмки, которыми Петръ наполнилъ водкой. Гости стали подходить по чинамъ, сперва къ Петру,—цѣловались съ нимъ, потомъ съ Таней и, выпивши рюмку, отправлялись продолжать пиръ. Такимъ образомъ переходили всѣ гости на подклетъ. Остались молодые и дружка съ братомъ Тани. Григорій обратился къ Танѣ и сказалъ:

— Ты, Татьяна Ивановна мужа разувай, по имени, по извоченью извеличай!

Таня сперва раздѣла Петра, а потомъ стала разувать его. Изъ сапога выпало нѣсколько серебряныхъ монетъ, положенныхъ туда передъ поѣздомъ къ вѣнцу. Таня взяла ихъ себѣ. Григорій пошептался съ Петромъ и потомъ съ Таней... Петръ хотѣлъ было лечь на кровать, но тамъ уже лежалъ братъ Тани, которая и должна была выкупать мѣсто. Она взяла подносъ, положила на него полотенце и подала брату. Тотъ взялъ полотенце, всталъ съ кровати и, пожелавъ молодымъ пріятнаго сна, ушелъ.

Молодые остались одни съ дружкой. Петръ легъ на кровать, во не приглашалъ къ себѣ Таню...

Постоявъ немного, наученная Григоріемъ, Таня сказала: «Если привезъ на фатеру, то пусть на кровать!»

— Ложись, отвѣчалъ Петръ, и Таня легла.

Григорій одѣлъ молодыхъ одѣяломъ и ушелъ, пожелавъ имъ покойнаго сна.

Григорій научилъ Петра, какіе вопросы дѣлать женѣ, лежа на востелѣ, и онъ началъ:

— Почему въ городѣ рожь?

Наученная Пантелѣевоной, Таня отвѣчала:

— Ты, мой милый, хорошь.

¹⁾ Это дѣлается для того, чтобы скотъ велся.

— Почему въ городѣ пшона?

— Я твоя молода.

— Побѣгай по лисенкѣ!

Вмѣсто отвѣта Таня начала разстегивать пуговицы у жилета Петра.

— Много-ли у твоего батюшка на дворѣ столбовъ?

— Ни единого,—отвѣчала Таня, что означало неизмѣніе любовниковъ.

— Въ головахъ низко!—сказалъ Петръ.

Таня начала подкладывать ему подъ голову все, что было на подлѣгѣ мягкаго; но Петръ все кричалъ: низко! Наконецъ, она вспомнила, что нужно дѣлать: легла на кровать и подложила подъ голову Петра свою руку и Петръ пересталъ кричать «низко»—спросилъ:

— Почему ты сюда попала?

— По свату и по сватѣ.

— А гдѣ ты сѣдни была и штѣ видѣла?

— Была сѣ дни во св. Божьей черквн, на кругу стояла, вѣнечъ принимала и черковное вино пила.

— Кто тебѣ приказалъ вѣнечъ на голову надѣвать?

— По твоему приказу, Петръ Яковличъ.

— Ты въ черквн съ кругу сошла, волосы завила, морхатку наложила, во штѣ глядѣлась, въ стекло или въ доску?

— Петръ Яковличъ, я въ чистое зеркало глядѣлась!..

Здѣсь я опускаю завѣсу, такъ какъ остальные вопросы и отвѣты могутъ оскорбить эстетическій вкусъ и нравственное чувство читателя ¹⁾.

На другой день утромъ Григорій отправился будить молодыхъ,

— За мною, дорогіе гости,—сказалъ онъ и пошелъ впередъ, а за нимъ тысячкой со свахой и нѣкоторые изъ гостей.

Вскорѣ дружка показался опять въ избѣ, держа передъ носомъ вѣникъ, за нимъ вошли молодые и поздоровались со всѣми. Петръ поклонился въ ноги Ивану Петровичу и благодарилъ его за содержаніе чести Тани. Старика обрадовала эта благодарность, и онъ развеселился, подошелъ къ Танѣ, ласково потрепалъ ее по плечу и сказалъ съ чувствомъ:

— Спасибо, родная, ты, при красѣ своей, не осрамила сѣдой головы отча.

Потомъ старикъ обратился къ присутствующимъ и сказалъ съ гордостью:

— Во какова у меня дочи, дай Богъ всякому, и тебѣ, жона, спасибо, уберегла ты нашу краю, усмотрѣла. Ухъ какъ весело, ухъ какъ хочетьча разгулечьча. Ну, свать, ташии вина и пива, все выпью одинъ до капельки. А ты, сватьа, ташии больно пироговъ, всѣ поѣшь до крошечки. Ухъ, ты ну—и старина началъ приплясывать.

Таня, съ свекровью, проворно накрыла столъ, принесли извѣстное намъ кушанье. а свекоръ съ дружкой водку съ пивомъ, а для Петра особое наговорное вино, чтобы молодой полюбилъ свою жену; такъ какъ въ чудесную силу наговора здѣсь вѣрять всѣ крестьяне:

Какъ безъ пару, безъ жару и т. д. (См. выше).

Завтракъ начался; за этимъ завтракомъ не происходило никакихъ особенностей и наговоровъ. Когда гости усѣлись за столъ и порядочно уже попили и поѣли, Григорій обратился къ нимъ съ наговоромъ:

Кнезь молодой,
Кнегиня молода,
И всѣ гости полюбовныя,
Милости просимъ

Въ кнезеськую баню
Помытьча, попаритьча
Вѣлымъ мыломъ мытьча,
Бѣдлами бѣлитъча,

¹⁾ Желательно имѣть всѣ эти вопросы, ихъ можно будетъ напечатать по латыни и въ небольшомъ числѣ экземпляровъ; все это конечно остатокъ глубокой старины и должно быть сохранено для науки. *Ред.*

Руменчами руменнѣча,
Въ зеркало глаетьча.
Милости проснѣтъ!

Не всѣмъ понятно,
А всѣмъ очекупно
Челомъ бѣшь.

Нѣкоторые изъ гостей улынулись, сказали одну-другую шутку насчетъ молодыхъ, но отъ приглашеній дружки отказались. Молодые, предшествуемые дружкой съ вѣнникомъ, отправились въ баню, передъ входомъ въ которую, Григорій передалъ имъ вѣнникъ и ушелъ въ избу. Гости пировали, а Петра вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Григоріемъ проводилъ въ баню. Когда вышелъ Петръ изъ бани, Григорій проводилъ туда Таню со свекровью. Свекровь зорко слѣдила за Таней и, какъ только та закрыла глаза, стараясь предохранить ихъ отъ потекшаго съ головы мыла, она плеснула на нее ковшъ холодной воды. Таня вскрикнула и вскочила на ноги, а свекровь проговорила про себя:

— Какъ ты, молода, боишься холодной воды, такъ ты бойся и меня.

Въ избѣ Петръ и Таня умылись, и Григорій поставилъ ихъ другъ противъ друга, чтобы жили согласнѣе,—стянулъ обоимъ туго полотенцомъ и сказалъ:

— Какъ стянуло васъ теперь полотенчо, такъ штѣбъ стягивала васъ всю жизнь любовь да совѣтъ.

Развязавъ полотенцо, онъ передалъ его молодому, который опоясался имъ сверхъ рубашки и ходилъ въ немъ цѣлый день.

Въ углу, стараясь не смотрѣть ни на кого особенно, и не говоря ни съ кѣмъ много, сидѣла старая, худенькая женщина. Она безпрестанно потупляла глаза и что-то шептала—это была «пухтальница» (колдунья). Ей почему-то показалось, что Петръ и Таня не особенно ласковы между собой, и она давая нашептывать: «Утренняя зоря Марія, вечерняя Анастасія, сойдитесь въ одно мѣсто, посоветуйтесь, принесите тоску и кручину изъ-за синево моря въ сирьчо, въ мысль, въ душу, не могъ бы Петръ безъ Татьяны не жить, не быть, ни день дневать, ни ночи коротать, все бы тосковалъ, горевалъ, спать не засыпалъ, гульбой не загулевалъ, питьемъ ни запивалъ, все бы на разумѣ держалъ. Какъ бѣла рыба безъ воды не можетъ жить, такъ бы безъ рабы Татьяны не могъ не жить, не быть». Окончивъ нашептываніе, старуха вперила свои глаза въ приготовлявшую подарки мужу Таню, и подумала, что такая баба пожалуй и уваженія отъ другихъ не будетъ имѣть и снова зашептала: «Какъ красное солнышко ясно взошло и покатилося, такъ бы и они рабы Божіи Петръ и Татьяна пошли, снарядилися, какъ праведному красному солнышку радуютча всѣ люди добрые и миръ православный, такъ бы и имъ возрадовались и возвеселились, куда бы ни пошли, ни поѣхали и всегда бы ихъ почитали и соблюдали, питья бы безъ нихъ не пили, еже бы не ѣли и крѣпкія думы не подумали, тайна слова не промолвили, какъ хлѣбъ безъ соли не живетъ, такъ бы безъ нихъ, не могли не жить, не быть. Аминь».

Между тѣмъ Таня собрала, положила подарки на тарелку (сверхъ ковриги хлѣба, чтобы подарки казались пышнѣе) и поднесла ихъ мужу. Петръ принялъ шальвары, поясъ, полотенцо и поблагодарилъ упавшую ему въ ноги Таню. Таня встала, надѣла на мужа обнову, подпоясала его шерстянымъ пояскомъ, и стала съ поклонами обдаривать своихъ семейниковъ, начиная съ свекра, котораго подарила рубашкой, свекровь—шалью, замужнюю золовку—шалью похуже, а дѣвущку половинкой (кусокъ шелковой матеріи на сдерішку или наколку). послѣ обдариванія, Таня взяла гребень, а Григорій тарелку, и оба подошли къ Петру; Таня стала чесать ему голову, а дружка подставилъ ему тарелку.

Петръ положилъ на тарелку 20-ти-копѣчникъ и поцѣловался съ женой, когда она кончила причесывать ему голову. Затѣмъ Таня причесала голову свекру и остальнымъ семейникамъ. Каждого изъ нихъ цѣловала, и каждый клалъ на тарелку въ подарокъ ей денегъ, которыя и поступали въ собственность новобрачной.

Гости, между тѣмъ, напились, наѣлись и разошлись по домамъ,—этотъ закончился второй свадебный день.

На третій день Григорій, получивши патишку и позавтракавъ на славу, уѣхалъ домой; пировали же известнымъ намъ порядкомъ самыя близкіе родственники и молодые отъ души и щедро угощали ихъ, а сами не сядились за столъ. Это былъ послѣдній пиръ, которымъ на дѣлхъ два мѣсяца кончилось свадебное торжество въ домѣ у Якова Степановича.

Черезъ два же мѣсяца Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна поѣхали къ зятю съ сыромъ... Они повезли съ собой 70 блиновъ, съ нимъ кринку масла, буракъ съ выжатымъ творогомъ (соромъ), три сотни вареныхъ яицъ и баклушку съ водкой. По приѣздѣ, зятю подарили 100 яицъ и рубашку, дочери 50 яицъ, свекру и свекровкѣ по 40 яицъ, а остальнымъ родственникамъ оставшіяся яйца поровну. Все остальное положили на столъ ¹⁾, и послѣдняя свадебная пирушка началась, на ней, какъ и прежде, водка подслащивалась поцѣлудами молодыхъ... Далеко за полночь разѣхались веселые гости, и для молодыхъ наступила обыденная жизнь, весьма рѣдко прикрашиваемая пирушками. Не даромъ здѣсь существуетъ поговорка, что мужикъ женится для шей, т. е. для того, чтобы во время свадебныхъ пирушекъ полакомиться жирными говяжьими щами.

Въ заключеніе скажу, что сущность свадебныхъ церемоній въ уѣздѣ почти одна; но въ обычаяхъ, обрядахъ, наговорахъ, присловьяхъ и т. п., не только въ отдаленныхъ отъ города волостяхъ, но и въ ближнихъ деревняхъ пригородной волости,—существуетъ довольно много характеристическихъ отбѣнокъ, о которыхъ я поговорю впоследствии...

Н. Г. Ординъ.

Приложеніе къ статьѣ Я. И. Смирнова:

Казани-Некрасовцы на островѣ Мадѣ.

Редакторъ на дняхъ (16 апр.) получилъ письмо отъ Я. И. Смирнова изъ Константинополя отъ 8 апр. съ приложеніемъ двухъ «любопытныхъ документовъ», полученныхъ имъ того же 8 апр. изъ Коніи отъ казака Исаака Петровича. Исаакъ Петровичъ записалъ двѣ пѣсни уставомъ церковно-славянскими письменами (Ѡ=а, оу (въ нач.) и Ѹ въ срединѣ и въ концѣ словъ съ титлами (ѠѠ), придыханьями и удареньями.—Печатаемъ гражданкою, безъ придыханій, но съ сохраненіемъ ударений (гдѣ поставлены) и всего правописанія. Обѣ пѣсни записаны въ строку безъ раздѣленія на стихи. Исаакъ Петровичъ записывалъ очевидно пригѣвая. Срви. «въ пирябѣхъ бягутъ уутъ да прибягали». Говоръ нашихъ казаковъ конійскихъ, какъ ясно видно, принадлежитъ къ южновеликорусскимъ, сильно акающимъ, въ родѣ рязанскихъ. Безударное о=а, а же подъ удареніемъ=о (срви. наше палъѠ, во множествъ. пѠльты, плѠтежь), е съ удар.=и, безъ удар.=я (въ к. слова—«ва чисту поля»), и безъ удар. (послѣ шип.)=у (дарожунья; ѡ=г'=и, откуда=в (вой ви. гой), ви. ѡ=г'=и въ концѣ слога х (казачькохъ, род. мн.), откуда и конихъ род. мн. (са добрыхъ конихъ). Любопытно употребленіе буквы ю ви. јо: р а з а б ю м ѣ , п и р я л ю т ѣ (разабѣмъ, перелѣтъ).

¹⁾ Масло уже растопленное поставлено на столъ съ цѣлью обмакиванія въ него блиновъ бывшимъ гостямъ.